

0-38

283809

**ОГНИ
КУЗБАССА**

Исполнилось пятьдесят лет Михаилу Александровичу Небогатову — известному сибирскому поэту, автору многих полюбившихся читателям книг. И, поздравляя Михаила Александровича с этой примечательной в его жизни датой, хочется от всей души сказать ему слова признательности и сердечной благодарности за все светлое и доброе, что несет его поэзия людям.

Михаил Небогатов — своеобразный, тонкий мастер стиха. Отсутствие всякой позы, наигрыша и этаким сверхусловности, сверхфигуральности, четкость, ясность и простота выражения придают его стихам исключительную реалистическую прозрачность и точность. И как надо знать, чувствовать, слышать русское слово, чтоб емко выразить им сокровенное, чтоб в строке оно пело ровно и ладно, и было бы отборное, добротное, и по-небогатовски неповторимо высветляло бы стихотворение. Это — удивительная работа.

Как-то Михаил Александрович заметил, что суть поэзии — душа. Чего-чего а душевности, сердечной искренности ему не занимать. Не утратилось с годами, не пригасло это качество его характера — человеческого и поэтического, а окрепло и устоялось. И мы, друзья, читатели, поклонники его таланта, ждем новых стихов поэта, желаем, чтоб с неслабеющей силой светились в них и радость, и печаль, и любовь, и «нестареющая, вечная красота земли родной».

ВИКТОР БАЯНОВ

Новые стихи Михаила Небогатова читайте на стр. 9.

ОГНИ КУЗБАССА

Год издания 23-й

№ 3, 1971

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ,
ОРГАН
КЕМЕРОВСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР

389190

ПЕРВЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

В номере

НАШ СОВРЕМЕННОК

Н. Спирина. Поклонник второго
варианта. *Очерк.* 3

ПРОЗА И СТИХИ

Михаил Небогатов. «По вес-
не, когда благоуханно...» «Да,
важно смолodu найти...» «Не суди
о людях понаслышке...» «Когда
о человеке знаешь суть...» Дру-
жок. Время. Дела. *Стихи...* . . . 9

Валерий Зубарев. «В море
впадают реки...» «Осенние дни
обнажили...» 11

Игорь Дручин. Тени лунных
кратеров. Фантастическая по-
весть 12

Павел Майский. «Я революции
не делал...» «Не все бывшем с го-
дами поросло...» «Мы не всегда
идем к желанной цели...» *Стихи.* . . . 67

Олег Павловский. Гений.
Рассказ. 68

ФОТООЧЕРК

А. Кузьярин. В таежном Белогор-
ске. 84

Редактор
В. М. МАЗАЕВ

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:**

А. Ф. Абрамович,
Е. С. Буравлев,
А. Н. Волошин,
Г. А. Емельянов,
Н. Н. Зеленин
В. В. Махалов,
О. П. Павловский
(отв. секретарь)

Адрес редакции:
Кемерово, 99, Советский
пр., 94. Тел. 6-85-14.

Рукописи объемом до
одного печатного листа не
возвращаются.

На первой странице
обложки линогравюра
Александра Ананьина.

7—3—2

24—71—м

ПРОБЛЕМА?... ДА, ПРОБЛЕМА!

П. Ворошилов. Как гриб в лесу.
(Изобретатель-одиночка или
творческий коллектив?) 86

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

А. Мазюков. Конец банды Оли-
ферова 95

СЛОВО — КРИТИКЕ

Геннадий Сысолятин. Поэ-
зии родник живой 97
В. Коньков. В поисках песни. . 99

НОВЫЕ КНИГИ

Л. Глебова. Люди первой тро-
пы 102
Л. Мелешкова. Новая книга
В. Чугунова. 103
Ф. Антипина. Рассказы о мили-
ционере Степане Ковалеве. Всег-
да в строю 105

ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА

Владимир Матвеев. Просвет-
ленное обалдение. Старец Никола.
Литературные пародии. 107
Г. Ефремов. Без слов. Юмори-
стические рисунки. (3 стр. облож-
ки).

Ведущий редактор Л. В. Глебова.
Художественный редактор Г. И. Крав-
цов

Технический редактор Г. В. Адова
Корректоры Е. И. Тимошук,
Т. Е. Трусова

Сдано в набор 8.VI.1971 г. Подписано к печати
16.IX.1971 г. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типограф-
ская № 1. Усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 8,63. Тираж
5000 экз. ОП15631. Цена 30 коп. Заказ 5823.

Нина Спирина

ПОКЛОННИК ВТОРОГО ВАРИАНТА

Февраль 1943 года — принят чернорабочим в Новокузнецкое шахтостроительное управление.

Апрель 1971 года — работает бригадиром там же.

НАГРАДЫ

- 1947 г. — медаль «За доблестный труд».
- 1949 г. — медаль «За трудовое отличие».
- 1953 г. — медаль «За трудовую доблесть».
- 1955 г. — присвоено звание «Почетный шахтер».
- 1957 г. — орден Ленина.
- 1961 г. — Шахтерская слава III степени.
- 1962 г. — Шахтерская слава II степени.
- 1963 г. — Шахтерская слава I степени.
- 1966 г. — орден Ленина.
- 1971 г. — присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Из трудовой книжки Ивана Егоровича Сизых, бригадира проходчиков Новокузнецкого шахтостроительного управления.

«Неоднократно избирался членом бюро парткома управления, бюро Орджоникидзевого райкома партии и исполкома районного Совета. В настоящее время — депутат Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся и кандидат в члены ЦК профсоюза рабочих угольной промышленности».

Из характеристики, выданной И. Е. Сизых начальником ПСУ.

Кроме этих блестящих анкетных данных, назвали кучу цифр и процентов, тоже не менее впечатляющих. Только все это как-то не облекалось в человеческую форму, не отзывалось в сознании, если так можно сказать, праздником. Ведь встреча с каждым новым, тем более интересным человеком — это всегда праздник души, это как песня. Для меня пока это прекрасная анкета «не пела». Хотелось заглянуть за нее. И вдруг, как яркий луч, кем-то брошенная фраза:

— Что вы все регалии считаете, мы же по Егорычу совесть свою сверяем.

Совесть — не часы. Там механизм настраивали, и пошел маятник тикать. А тут... Каким же должен быть человек, чтобы люди сверяли по нему свои поступки, свою совесть?

Ему 46. Крепок, подвижен. Энергию — на троих поделить можно. От других ни внешнеюстью, ни поведением не отличается. Равный среди равных. Может, даже скромнее многих. По крайней мере, весь груз его славы не меняет его ни-

сколечко. И надо очень долго его знать, чтобы понять, оценить это его естественное поведение. Напряженные, напичканные до отказа заботами недели часто без выходных и нормального отдыха не омрачают его настроения, не лишают чувства юмора. Иной раз пальцем шевельнуть от усталости не хочется, а тут человек с просьбой:

— Помоги, Егорыч.

Он переломит внутри себя усталость, раздражение и улыбнется:

— Не волнуйся, разберемся.

И разберется, это уж точно.

В его биографии нет никаких сенсаций и подвигов, никаких особых поворотов судьбы и преодолений трудностей. Просто есть работа. 28 лет в одном управлении. Работа проходчика, которая ему нравится. Земля для него как живой организм: чем глубже, тем загадочней. Одними мускулами здесь не обойдешься. Как хирург перед операцией до мелочей продумает весь ход своих действий, так и тут. Прежде чем вскрыть «брюхо» земли, помозговать надо. Оно ведь что ни шахта, то свой нор. Как пройти квершлаг, сделать камеры, усмирить «текущую породу»... Каждый раз мудрить надо, контролировать, иначе того и гляди штрек «загуляет».

Вот эта необходимость каждый раз принимать новое решение, думать, как усмирить, перехитрить природу, приворожила его к земле, полюбила на всю жизнь. Оттого и дело ему в радость.

Одно, может, недовольство носит в душе Иван Егорович. На фронте не был. Тут, правда, не его вина. Сам-то он и в семнадцать слыл в деревне за солидного мужчину и был старшим на колхозной конюшне. На фронт рвался. Взрослым стал поневоле: мужики все воевать ушли, а у него дома остались мать да четверо братьев, один одного меньше. В сорок третьем повестку принесли. Обрадовался, мечтал под Сталинград попасть, да не вышло. Привезли новобранцев в Новокузнецк и сказали: надо строить шахту. Желание попасть на фронт не проходило, но этот листок с красной чертой... Понимать, мол, надо — бронь. Да и в тылу на передний край не пускали. Комиссия заключение выдала единодушное: на подземные работы не годен — ростом не вышел и хил больно. Тут уж Иван дрался до победного и добился своего — пустили в шахту.

Так с тех пор под землей и обосновался. А крестьянская закваска пригостилась. Шахтерскую науку быстро переварил, сноровки и смелости хватало. И если сейчас его уважают, то в первую очередь за то, что он сам — пахарь. «Тянет, как вол, попробуй за ним угнаться». С пятьдесят второго в бригадах ходит, а чтоб встать на «капитанский мостик» и только командовать — этого за ним не водится. Наоборот: где самое пекло, там и он. Чуть забурилась бригада, он в одном звене отработает и в другое придет. Не посмотреть. Плечо подставит, лопату в руки возьмет и машину отремонтирует, колъ сломалась. Если случится заминка какая, ему звонят домой ночью, в выходной. Моргнуть, что называется, не успеют, а он уж примчался в забой...

Проходчик. До недавнего времени не было в горняцком деле более трудной специальности, чем эта. Механизация — не разбежишься: породопогрузочная машина, буровая установка да лебедка. В остальном — надежда на руки. Жизнь любой шахте дают проходчики. Собственно, начинается все с нового участка земли. Под землей еще пробиваться надо на сотни метров. А ствол бить — не в домино играть. От ствола начинается рудный двор, разбегаются в разные стороны артерии, по которым потечет потом уголь. Но сначала эти артерии надо пройти, отвоевать метр за метром в железном монолите гор. Скальные породы — штука коварная. Бурить шпур — станешь — пять потов сойдет. За лопату берешься — всю силенку приложи. Жилы, как струны, натягиваются, того и гляди лопнут. Ладони у проходчиков, что слоновою кожа, — в сплошных мозолях. А то и кровь останется на черенке, особенно когда крепление идет. Это потом люди спускаются в шахту и удивляются: мол, как в метро, тоннель просторный, аккуратненько в железобетон одет... А шахтостроителям этот бетон — сущая беда. Автоматических приспособлений пока не придумали. Бери больше — кидай дальше — такая механизация. Звено из трех-четырех человек, бывало, за смену до трех вагонов бетона разгружает и укладывает в стены. От основания крепить — еще полбеда. А как дело доходит до «замка», тут, чего греха таить, и бога, и дьявола вспомнят. Попробуй забрось его в узенькое отверстие. Не попадешь — на тебя же свалится. Удовольствия мало. Пока

человек не обвыкнется, сколько проклятий пошлет он этой злополучной «потолочине». И руки отмогает. Бетон — не масло. Он не только тяжел, но еще и агрессивен. Как ни берегись, все равно попадет на запястья, между рукавами и рукавицами. Разъест кожу — хоть плачь. Новичкам — тем совсем не сладко. Без привычки к концу смены «крыльца» отваливаются, и, кажется, каждый мускул стонет от боли. Потом такое ощущение исчезает, и на смену приходит сознание собственной силы и легкости в руках. Одним словом, появляется привычка.

Нелегкий, в общем, проходческий хлеб, хотя и заработки высокие. Кой-кто думает, что стоит только робу шахтерскую надеть, под землю спуститься, как «длинные» рубли потекут сами собой. Какое глубокое заблуждение! За «длинные» ай как надо пошевеливаться...

Ивана никто после победы над Германией в шахте не держал. Парни демобилизовались и по домам разъехались. А он махнул в родные края лишь за тем, чтобы переманить в Новокузнецк мать и братьев. Вскоре все пятеро Сизых строили шахты, а закалку на прочность проходили у старшего брата Ивана. Тот по-свойски «сдирал с них шкуру» больше, чем с кого-либо другого.

Требовательность, и в первую очередь к себе, у него в крови. Как спустился в шахту, так ни минуты простоя, все бегом, бегом. Он даже никогда «тормозка» с собой не берет.

Работать с ним тяжело и легко. Тяжело потому, что темп бешеный и выкладывать всего себя надо без оглядки, не жалеючи, иначе он не умеет. А легко потому, что организатор он талантливый, умеет в перспективу заглянуть и каждую мелочь предусмотреть. Нить или лебезить перед начальством не будет, но для бригады добьется всего, что нужно. Легко и потому, что умеет он создать настроение в коллективе. Прижмет порой так, что руки опускаются. А он где шуточку подбросит, где поможет — и вот уже «туча рассеялась», и на душе у всех потеплеет. Это, видно, у него от бога — умение не робеть, не раскисать перед трудностями и переходить в нужный момент на «второе дыхание». Глядя на него, и другие «включают» это дыхание... Не всякому дано приподняться над обременительной каждодневностью и рассмотреть в своем

труде не только тяготы, но и радость, интерес, разнообразие. Иван Егорович этим даром обладает. И работа для него не просто «хлеб насущный», но и внутренняя приятная потребность.

Видела я его в шахте. Весь — движение. Весь — порыв. Одному помог подтащить рельс, вместе с другим толкал в клеть груженный вагон. Да так, что жилы на шее вздулись... Да, рядом с таким работать с прохладцей — совесть замучает.

Заместитель начальника участка вот как отзывался о бригаде Сизых:

— У нас на участке двести человек, но его бригаду мы посылаем в самые сложные условия. Фактически туда, где никто больше не справится.

— А как командировки, его частое отсутствие?

— Какое это имеет значение? Без вожака бригада не хуже работает. Из уважения к нему. Не помню случая, чтобы кто-нибудь подвел бригадира.

Сначала подумалось, что заместитель начальника не прав, как-то принижает других. Потом только стало ясно, что в словах его заключен несколько иной смысл. На участке все, в общем, работают хорошо, есть отличные коллективы, которые по метрам иной раз обгоняют Сизых. Сила же бригады, которой руководит Иван Егорович, в другом. Многие годы при любых условиях она идет на одинаково высоком темпе (средняя цифра в основном полторы нормы). Она с одинаковой старательностью и тщательностью выполнит работу «денежную» и ту, за которую получит гроши. Выполнит, потому что так надо, потому что сознание у людей высокое, потому что за многие годы здесь выработались определенные отношения, при которых во главу угла ставятся обоюдное доверие и честность.

Их сейчас 31. Раньше было больше. Стоит ли говорить, что у всех у них разные характеры и взгляды. Это и так ясно. Идет естественное движение — кого выдвинули в бригадиры, кто уехал, а кто просто не выдержал и ушел. Приходят новые, и тоже не ангелы. В бригаде к новичкам по-отечески внимательны. Прикрепят к опытному. Делать заставляют сначала что полегче, учат всем премудростям и, в первую очередь, своим неписаным правилам и традициям. Коротко их можно выразить двумя словами: помни о товарище. А если

ты нарушил святой закон товарищества, иди «на круг». И тогда уж пощады не жди: такую головоломку устроят, что на всю жизнь запомнишь. Иван Егорович свою бригадирскую власть редко применяет, убежден, что лучший способ воспитывать человека — это собраться (так говорят здесь) «на круг». А уж если говорит сам...

Один проходчик признался:

— Выпил я как-то перед сменой двести граммов, повод был, ну, невозможно отказать... У Егорыча глаз наметан, смотрит на меня и этак спокойненько, тихо начинает разговор... Стою перед ним и чувствую, аж пот меж лопаток потек. Стыдно так, что провалиться бы сию минуту в тартарары. Накричал бы на меня, легче было бы... Не думайте, уважаю просто. Я в жизни больше всего двух человек уважаю: мать свою да Егорыча... С тех пор ни разу со мной подобного не случилось, и, думаю, не случится.

Уважение такое к Сизых не с неба, конечно, свалилось. Он обладает способностью видеть в человеке не только «белое» и «черное», но и рассмотреть все оттенки его души и соответственно найти к каждому подход, открыть в человеке Человека, прежде всего, и для него самого же.

Почти со всеми членами бригады я переговорила, и первое, что они подчеркивали: их вожак всех одной меркой не мерит. Наверное, Иван Егорович завышает меру ценности человеческой, а люди невольно стараются подтянуться.

Не так давно бригада поставила республиканский рекорд. Были поздравления, цветы, музыка, правительственные и прочие телеграммы, корреспонденции в газетах. Но Сизых прошел сквозь это спокойно, даже чуточку раздражаясь от излишнего внимания.

— Не люблю я всей этой шумихи, да и рекордов — тоже, — признался он. — Работать всегда надо хорошо. Просто время от времени надо дать людям поверить в свои силы, понять, что они способны на большее. В этом смысле «рывки» полезны.

А сделан был поистине гигантский рывок. Люди в семь раз превысили обычную месячную норму. Вдумайтесь, — в семь раз... Какие внутренние резервы надо было мобилизовать, чтобы перешагнуть через невозможное. Ведь особых условий не было. И порожняк иной раз запаздывал, и обеспечение хромало,

и бетон завозили неровно, и самое неприятное — на большом отрезке были отвратительные горные условия. Геологические нарушения... Вот он, темно-серый бок штрека. Хаотически застывшие каменные слои. Какие тайны природы превратили здесь, под землей, монолитную скалу в эту беспорядочную мешанину? Рукой дотронься — и то крошится. А ведь ее надо бурить, взрывать, крепить. Того и гляди поползет гора и уничтожит все людские старания. По горло было хлопот с этими вековыми тайнами...

Мы идем как раз по этому отрезку скоростной проходки. Действительно, как в метро. Чисто, просторно. Ровный бетонный свод — безмолвный свидетель мужества и крепости людских характеров. Никто не знал, когда в этот месяц спал Иван Егорович. В пять утра приходишь на смену — он тут, в двенадцать ночи — тоже в забое. Отдыхать надо, а он торчит в управлении, требует, чтоб бетон вовремя был и порожняка выделили побольше. По нему и остальные равнялись. «Тормозки» часто оставались нетронутыми: вздохнуть некогда было. Был момент, когда в пылу отрывали рукава от рубашек, потому что они мешали свободе движений. Счет шел на секунды, каждый шаг был рассчитан заранее. Помогало то обстоятельство, что в бригаде каждый владеет, и не как-нибудь, пятью-шестью горняцкими специальностями. Незаменимых здесь нет. Почти любой может стать на место звеньевое. Многих спокойно можно посылать вожаками в другие коллективы (что, впрочем, и делают время от времени).

Правду сказать, особым образованием здесь не отличаются, зато в технической политике разбираются хорошо и всякую новинку приветствуют искренне. Не теоретически приветствуют...

Как-то в пять утра на квартире у Сизых раздался звонок:

— Егорыч, штрек завалило, — сообщил звеньевой.

— Никто не пострадал?

— Нет.

— Сейчас буду.

К шахте «Абашевская-2» почти бежал. Мысли в голову лезли невеселые. «Не выдержала, значит, рухнула. Такая красавица — выработка. Еще, чего доброго, люди потеряют веру в эти тюбинги...»

Глаза отказывались верить, что такое

толстое крепление не выдержало. Его раздавило, как щепку, и из провала высыпалась порода. Грузили, грузили ее, что называется, до чертиков в глазах, счет вагонам потеряли, а она все сыпалась.

Как пресечь эти «фокусы» горы, которые зовутся горногеологическими нарушениями? Ивану Егоровичу хотелось сохранить выработку в прежнем виде. Все-таки приятно: идешь, как в метро. Сохранить не столько во имя красоты, хотя этот аргумент он считал не последним, сколько во имя психологических мотивов. Дыру в штреке залатать можно. Пошатнувшуюся веру восстанавливать куда сложнее.

Сизых предложил залить монолитный бетон с двойной сеткой за тюбинги, и штрек снова стал ровный и опрятный.

Тюбинговое крепление в бригаде все же прижилось. Сейчас здесь не представляют, как можно обходиться без него. Шесть железобетонных плит чуть вогнутой формы крепят болтами — и вот уже готова этакая прочная толстая дуга, подпирающая свод.

Такой вид крепления не нов, но в Кузбассе можно на пальцах одной руки пересчитать шахты, где он утвердился. Преимущества его бесспорны. Он дешевле, долговечнее, надежнее в смысле техники безопасности. А главное — ликвидирован при этой операции ручной труд. Плиты поднимает и крепит машина — тюбингоукладчик.

Эпизод этот с аварией в шахте — рядовой, на первый взгляд. Но, если призадуматься, происшествие это — яркий пример тому, как коллектив во главе с бригадиром решительно преодолевал психологический барьер, тот самый, который частенько мешает при внедрении новой техники.

Всего за несколько месяцев до этого на вопрос о механизации кто-то пошутил:

— Механизация у нас хоть куда: нажал кнопку — пот градом катится.

А теперь вот за новую технику — горой. Недавно в шахтостроительное управление прибыла новая машина. Она заменяет четыре установки — две бурильные и две породопогрузочные. Как на любое новшество, на эту машину смотрели все с любопытством, но брать в забой не рисковали. Иван Егорович, едва познакомившись с чертежами и техническим описанием, попросил установку в свой штрек. Получив согласие,

он поручил своим самым смекалистым проходчикам досконально изучить машину и «тайны» передать потом всем другим. Сейчас новую машину бригада освоила и легко дает с ее помощью по полторы-две нормы. Теперь все трудоемкие процессы переложены на плечи машин — электровоза, тюбингоукладчика, комплекса 2ПМБ-2. Казалось бы, можно успокоиться, а проходчики подумывают о новом рекорде на основе техники. Разумеется, к такому событию надо основательно готовиться. Но характер бригады известен. Попусту здесь слов не бросают.

Но самое ценное, на мой взгляд, у них вот что. Дела, поступки человека могут проявляться в двух вариантах. Один — это мог бы сделать, но по каким-то причинам не делает. И другой — это когда человек делает все возможное. Делает не только для себя, но и для людей, для общества. Так вот, всякий, попавший в бригаду Сизых, тянется до этого второго варианта. Влияние Ивана Егоровича в этом неоспоримо.

Как-то у знаменитого хирурга Вишневского спросили, что ценит он в людях. Он ответил: «Скорее всего... — нормальность. Чтоб с человеком легко было рядом жить. Чтобы принципиальность — то в большом, и значит не цепляться к мелочам... Мне немного надо от человека, который рядом: если горе, чтоб плакал, если радость — смеялся. Как мало и как много: чтобы человек был самим собой. Не придумывал себя».

Этот ответ хирурга мне припомнился, когда пыталась осмыслить, что же за личность Иван Егорович, на чем держится безоговорочное уважение к нему. Наверное, как раз вот на этом умении оставаться нормальным, не придумывать себя, не стараться выглядеть лучше.

Характер у него вспыльчивый. Вскипит порой, как самовар, накричит, отхлещет словами. Через пять минут остынет и заговорит с человеком, как ни в чем не бывало, хотя в душе будет переживать свой «срыв». Но никогда в пылу не оскорбит, не унизит достоинство другого. Поэтому прощают ему горячность и зла не таят.

Зачет ему надо было сдавать в школе основ марксизма-ленинизма. Диалектика — штука такая, ее не всякий и с образованием осилит... А у Сизых грамоты маловато. Почти все сдали зачет, а он преподавателю:

— Не разобрался я. Для проформы оно, конечно, можно рискнуть. Не хочу. Для себя вот освою все, тогда приду. Вы не волнуйтесь, я сдам зачет.

Себе — никаких скидок ни в чем, никаких поблажек. Другой лишь начнет «вылезать в знаменитости» и уже вроде бы заслужил право на особые льготы. Гнездышко свое поуютней устраивает, путевку на курорт хлопочет и пригласительный на торжество обязательно потребует.

А этот двадцать с лишним лет прожил в тесной (у него трое детей), холодной квартире и не просил поменять ее. Не один раз ему предлагали поселиться в новом доме, у него один ответ:

— Ладно, потерплю, вы лучше отдайте ее вот этому, он больше нуждается.

И лишь недавно он перешел, наконец, в новую квартиру.

Нужда, беды людские, ссоры супружеские... Что вроде бы ему до них? Своих забот хватает. Да так уж устроен Иван Егорович. Заболел кто, первый в больницу прибежит и домой заглянет, спросит, не нужны ли уголь, дрова, деньги, а может, огород вскопать... В одной семье несчастье случилось, собрал всех «на круг»:

— Тут нам премию на бригаду дали. 600 рублей. Может, делить не будем? Отдадим семье...

Отдали.

В другой раз приходит жена проходчика:

— Иван Егорович, помощи. Мой как в отпуск пошел, так каждый день пьет. То тройку ему дай, то пятерку. Да не в деньгах дело. Надоело, какой уж тут отдых...

После смены Сизых вывел свою машину, разыскал В.

— Садись, поехали.

Тот опешил: куда, мол, зачем... Привез его Иван Егорович в деревню, высадил:

— Иди к родителям, и чтоб до конца отпуска носа домой не показывал. Помогай старикам, и в рюмку — ни-ни.

После оба спасибо говорили. Муж от-

лично отдохнул в деревне, и у жены нервы спокойны были.

Говорят, исполнение долга — это тоже маленькое геройство. И в самом деле, не такое уж это легкое дело — исполнять на совесть свой человеческий долг. Перевести старушку через улицу, не швырнуть по дороге кошку, помочь пусть в самой маленькой беде, пожертвовать чем-то своим ради другого... Все в жизни начинается с малого, с обычного, и ценится это окружающими дорого. Разве не вызовет уважения такой, например, факт. По соседству с бригадой Сизых работала другая бригада, а вернее сказать мучилась. Вожаки менялись в ней, как перчатки, а толку мало. Прогулы, опоздания, пьянки. План у них по швам лопался. Гибла, в общем, бригада. Обратились за помощью к Ивану Егоровичу. Собрали всех, посоветовались и решили послать туда бригадиром лучшего звеньевых Алексея Максимовича Кечина. И года не прошло, а Кечин обогнал по результатам своего учителя. И коллектив стал — не узнать. И все благодаря тому, что Сизых не вылезал из кечинской бригады, советовались вместе в забое и дома... Не заражен Иван Егорович вирусами зависти и честолюбия. Он искренне радовался, что рядом родился еще один хороший коллектив.

Вот такой он, Иван Егорович Сизых, человек, по которому сверяют совесть. Вот на таких крепких, мудрых, убежденных, простых, как истина, держится рабочий класс России.

...Весна. Крестьянская душа Ивана Егоровича не вытерпела. Съездил в лес. Побродил меж елочек, потрогал клейкие почки, порадовался пробивающейся зелени, постоял у могучей березы. Любит он природу, и березу — особенно. Скоро она нальется соком. Пройдет прохожий, осторожно проколет кору, и начнет капать в кружку живительная влага. Другой пройдет, опять напьется. И третий — тоже. А она, краса и символ земли русской, все так же крепко будет стоять среди таких же белоствольных берез, не обеднев от этого.

г. НОВОКУЗНЕЦК.

По весне, когда благоуханно
Буйствует черемуха, сирень,
Почему-то кажется всегда нам,
Что далек, далек осенний день.
И представить как-то даже трудно,
Что немного времени пройдет —
Станет желтым то, что изумрудно,
Станет блеклым то, что так цветет.
Да и что тревожиться об этом,
Если мир сияет синевою,
Если благодатным, щедрым светом
Солнца шар встает над головой!

...Но глядишь — уж пламя бьет из сада,
А заря над садом все бледней...
Забывать об осени не надо.
Ведь не так уж много летних дней...
В молодости часто мы беспечны.
Кажется, что долго ей цвести.
Только дни ее не бесконечны,
Все они — в стремительном пути.
Жить бы так — впустую сил не тратя,
Украшать делами
Жизни май,
Чтоб потом, под старость, на закате
Мог собрать богатый урожай...

Да, важно смолоду найти
В себе призвание к чему-то.
Найти — и не сходить с пути,
Как ни пришлось бы в жизни круто.
Любого в жизни что-то ждет
С дорог начальных, спозаранок:
Того — космический полет,
Другого — мир печатных гранок.
А если, чувствуешь, нашел
Свой путь и в жизни, и в работе,

То, мастера обычный стол,
Ты тоже в творческом полете.
Наверно, тот и даровит,
Кто верен своему призванию.
Лишь дайте время — удивит,
Придет и к славе, и к признанию.
Бездарен, видно, только тот,
Тщеславию преданный всецело,
Кто не своим путем идет,
Не за свое берется дело.

Не суди о людях понаслышке,
Хорошо ли, плохо — не суди.
Не при блеске краткой беглой вспышки,
А при свете на людей гляди.
И о ком ты думал очень плохо,
Потому что верил слухам всем,

От кого, быть может, ждал подвоха,
Недоверчив, холоден был с кем, —
Тот иным окажется порою:
Рад тебе, как другу своему...
И краснеешь сам перед собою
За былую холодность к нему.

Когда о человеке знаешь суть,
При каждой встрече — уличной,
 застольной, —
Что он ни сделай и каким ни будь,
Все этой сутью меряешь невольно.

Хороший и во зле тебе не враг,
Простишь ему случайную обиду.
А у плохого даже добрый шаг,
Как сладкая улыбочка, —
Для виду...

Д р у ж о к

Он рад со мной случайной встрече,
А коль не виделись давно,
Обнимет ласково за плечи,
Все в нем участия полно —
И взгляд, и голос, и улыбка,
Дружок, не скажешь ничего.
Но знаю, знаю я, как зыбко
Доброжелательство его...
Я не хотел ходить бы в судьях,
Но стонет строчка под пером

Из-за того, что часто в людях
Зло уживается с добром.
И сам я в чем-то слаб, не скрою,
Сам не безгрешный человек,
Но как сосет тоска порою
По другу, верному навек.
Чтоб не страшна была с ним рядом
Любая тяжесть и гроза,
Чтоб мед не смешивал он с ядом,
Был друг в глаза
И за глаза...

В р е м я

Как быстротечна времени река!
Как безгранична — нет конца ей, края!
Часы и дни, и годы, и века
Уносит та река, в себя вбирая...
Твое письмо получит адресат.
А уж оно — посланье из былого.
Три дня, а то и десять дней назад
Ложилось на листок за словом слово.

В них весть о чем-то, что уже прошло.
Тут настроение то, что миновало.
Был ясный день или снежком мело,
Когда писал ты, —
Все прошедшим стало...
Читает человек твое письмо,
И неведомек ему в минуты эти,
Что время с ним беседует само
О том, как мимолетно все на свете...

Д е л а

Дела, дела. Как горы — за горами...
В забое, за станком ли, у стола
То хмурыми, то ясными утрами
Мы начинаем срочные дела.
Стараемся, горя в своей работе,
По-честному пройти недельный путь,
Чтоб завершить все нужное к субботе
И хорошо, на славу отдохнуть...
Но вот уже суббота, воскресенье.
И снова на тебя идут горой
Дела, дела... И нет от них спасенья!

И часа нет свободного порой.
И видишь ты без грусти и печали,
Что будет так всегда, пока живешь,
Пока на неизвестном перевале
Не выбьешься из сил, не упадешь.
Как ни устал, а отдыха не просишь:
Успею отдохну, возьму свое!..
Ты жажду дел горячих в сердце
носишь.
И в этом жизнь.
И мудрый смысл ее.

Валерий Зубарев

● ● ●

В море впадают реки,
В дело впадают руки.
Что ни ладонь — то дельта...
Руки впадают в дело.
И перед этим таинством
Все во мне затихает.
Слышу, толчками та и та
Из меня истекают.
...Вас уронив на уступы колен,
Я удивлялся вам, руки,

С голубыми ветками вен
В напряженной излучке.
Нет и не было у Земли
Мне, человеку, ровни, —
Реки второй природы,
Общие руки мои.
И торжествующе снова смеюсь
Голосу грешного тела:
«Я не иссякну, я перельюсь...» —
Руки впадают в тело.

● ● ●

Осенние дни обнажили
Несвязную схему ветвей,
И тучи меня обложили,
И мысли мои не светлей.
Что толку, что пала завеса
Листвой к моему сапогу,

Я правильно этого леса
Прочесть все равно не смогу.
Под птичьи таежные крики
Я в город шагаю, домой.
И тянут деревья обрывки
Потерянных связей со мной.

Тени лунных кратеров

(ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ)

Психобионик Эрих Тронхейм отодвинул графики и устало откинулся на спинку кресла. Он снова перебирал в памяти все группы отклонений от нормы, но сейчас его опыт был бессилён. Графики оказались неспецифичными. Эрих уныло поглядывал на пластиковые коробки с карточками бывших обитателей научной станции Коперник. Неужели этот орешек ему не по зубам? Шеф, давая ему задание разобраться в истоках психологических отклонений, не очень надеялся на успех: за два года Институт психотерапии вылечил более сотни больных, но сами причины, вызывающие расстройство психики, оставались неясными.

Запел зуммер. Эрих включил видеофон. Это был Мануэль Корренс, начальник отдела.

— Заснули, что ли? — седые брови шефа сердито шевельнулись. Эрих промолчал. Его предупредили с самого начала, что Корренсу лучше не возражать.

— Новенького привезли. Вам не мешало бы встретить. Потолкуйте с водителем. Он это любит. Может, выудите свеженькую идею. Мы уже адаптировались. Ну, ступайте. Вездеход в южном шлюзе.

Тронхейм ещё не успел ознакомиться со всеми закоулками подземного городка и, миновав отсеки института, часто посматривал на подписи и стрелки переходов. Выйдя к эскалатору, он увидел санитаров с носилками. Больной, пристегнутый специальными ремнями, порывался встать. Молодое смуглое лицо безобразила злобная гримаса.

— Дьябло! Тащите на воздух! — кричал он, мешая английские и французские слова. — Душно! Дайте запасной баллон! Тараканы! Уберите! Они меня облепили. Я живой! Слышите?! Я ещё живой! Разве вы не видите?!

Вспышка ярости утомила. Больной невнятно забормотал. Тронхейм шел рядом с носилками. И снова больной истступленно закричал.

— С Коперника? — спросил Эрих в промежутке между криками.

— Да, сэр.

— Кто он?

— Анри Фальк. Канадский француз. Работал вулканологом.

— Все время кричит?

— Нет, больше рвется. Водитель говорил, поймали в шлюзе станции. Хотел убежать без скафандра.

— Манья преследования?

— Нет, сэр! С этой станции больные не такие. Им мерещится земля или родные...

— Острая форма ностальгии?
— Вроде этого.
— Шофер где?
— Наверное, в гараже. И не называйте его шофером, сэр. Обижается. Лучше водителем.

Эрих кивнул и зашагал обратно к эскалатору.

В гараже, сияя чистотой, стояло около десятка легких и тяжелых планетоходов. Непохоже, что один из них вернулся из длительного путешествия. Заметив в курилке группу техников, Тронхейм подошел к ним.

— Не скажете, где машина с Коперника?

— На мойке. Сейчас прикатит.

Эрих закурил сигарету и прислушался к разговору.

— Верно, Рей любит приукрасить. Как тут удержишься. Не первый случай. Не зря там тройной оклад платят. Но в чем-то он прав. Болеют не все. Некоторые по два, три раза заключают контракт. А сам шеф... Он работает с самого основания.

— Что мы знаем? Сколько пишут о светлых лучах Кеплера, а толку? Вот на Копернике тоже...

— Это с Земли они кажутся лучами, а здесь просто повышения.

— Не просто, а более плотные. И по составу другие. Заметьте, чаще болеют, кто работает на поверхности...

Дослушать разговор не удалось. Опромная машина, мягко шлепая пропилоновыми траками, выползла из моечной камеры, развернулась и легко вкатилась на проверочный стенд. Из верхнего люка появилась крупная рыжая голова.

— Ну, здорово, технари!

— Привет, Рей! Ты еще живой?

— А что мне сделается?

— Говорят, Лумер собирает тебя вздуть и даже приготовил увесистую дубину.

— Ну, ну. Полегче. Мы с ним поддерживаем нейтралитет.

Балагуря, техники подключали датчики к измерительным системам, осматривали ходовую часть, проверяли герметичность...

Рей О'Брайен глянул мельком на показания приборов и подошел к Тронхейму.

— Вы ждете меня?

— Мне бы хотелось узнать, мистер О'Брайен...

— Зовите меня просто Рей.

Эрих кивнул.

— Больной не очень беспокоил дорогой?

— Не больше, чем всегда. Немного пошумел, но мисс Лумер справлялась с ним превосходно.

— Мисс Лумер?

— Да, дочь директора станции, Элси. Она вроде экспедитора. Сам-то он не любит путешествовать.

— Часто приходится бывать там?

— У нас не любят туда ездить, хотя за рейс платят вдвое. Но я ничего. Лумер ко мне привык. Элси он доверяет только мне.

— Вы знали Анри Фалька?

— Само собой. Отличный был парень. С ним любая дорога короче. Как начнет всякие анекдоты и всякие истории... Бедняга не поладил с Лумером. Начал ухлестывать за Элси. Француз, что с него возьмешь? Это у них в крови.

— Погодите, Рей. Что-то я не пойму, причем тут Лумер?

— Может быть, и ни при чем. Этого никто не знает. Болеют и просто так, но уж если не поладил с Лумером, лучше сразу уехать. Говорил я Анри. Он не захотел. И вот, пожалуйста.

— А не боитесь, Рей, что Лумер узнает, как вы о нем отзываетесь?

— Ему не выгодно. И так боятся туда ездить, да и я кам не суюсь в его владения. Сплю в машине, ем свое. Так, разве когда Элси едет со мной и угостит. Фрукты у него отличные. Нигде таких нет.

— Думаете, подсыпает что-нибудь?

— Кто его знает. Лучше поостеречься.

— Но это не трудно проверить.

О'Брайен усмехнулся.

— Проверяли. Две комиссии. Врачи и химики. Трое вернулись больными.

— Да, любопытно, — сказал Эрих как можно искренней. Он знал о станции достаточно много, но еще больше знал о больных. Среди них были геологи, химики, биологи — люди знающие и способные, умеющие обращаться не только с простейшими анализаторами, и, конечно, кто-нибудь определил бы введение сильнодействующих активаторов или наркотиков. Поэтому приверженность О'Брайена к своей версии ему не нравилась, и он поспешил перевести разговор в другое русло.

— Вы когда снова туда поедете?

— Денька через три. Как Элси подберет все для станции. И потом, сами понимаете, молодая. Дома не разгуляешься! Отец за ней в четыре глаза следит. Здесь — другое дело.

— Три дня... Вот что, Рей. Сообщите мне, когда соберетесь. Может быть, я с вами поеду.

Тронхейм поднялся в свою лабораторию и вызвал начальника отдела.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Корренс.

— Форма ностальгии. По словам Рея О'Брайена — оптимист, общителен. Вулканолог. Часто бывает на поверхности, вне станции. Одна из версий заболевания — влияние внешней среды.

— Все?

— О'Брайен связывает заболевание Анри Фалька с директором станции.

— Плюньте. Он всем это говорит. Навязчивая идея. Думайте, ищите! Психограмму вам пришлют. Что еще?

— Шеф, мне хотелось бы съездить хоть бы ненадолго на станцию. Попробовать разобраться на месте.

— Запрещаю. Закажите материалы обследований. Ознакомьтесь.

— Вы мне связываете руки, шеф. Где обещанная свобода действий?

— Ишь, чего захотелось! Мне нужны нормальные сотрудники, а вы торопитесь стать идиотом.

— Но у меня идеальная психограмма. Живут ведь там... И ничего.

— Вы, кажется, вздумали возражать?

— По пустякам я бы не стал.

— До конца лечения Фалька даже не заикайтесь. Потом посмотрим. Все?

Тронхейм замялся, и шеф сразу заметил его колебания.

— Ну, выкладывайте. Не стесняйтесь. Еще идея?

— О'Брайен сообщил, что с ним приехала дочь Лумера...

— А, Элси! — Корренс раздвинул губы в улыбку. — Отличная мысль! Если бы я был помоложе... Одобряю. Заодно получите некоторые сведения.

— Я, собственно, ради сведений.

— Ну, ну. Мы же психологи. Свежая юбка всегда привлекательна, особенно в молодости. Действуйте!

Экран погас. Тронхейм полистал каталог и, найдя личный шифр Лумеров, сделал заказ в Центральный архив. Шеф ошибся. Элси Лумер привлекла его внимание не как женщина, а как здоровый человек, долго проживший на этой ненормальной станции. Светловолосая Лерлин Бенсон давно владела его мыслями. Она была достаточно образованна и, невзирая на скромный достаток семейства, превосходно одевалась. Вопрос о женитьбе был решен еще в колледже, когда аналитические способности Эриха привлекли внимание профессора Уиллока и Тронхейм был оставлен на кафедре психологии ассистентом. Прошло несколько лет, и Эрих убедился, что работа не решает проблемы. На первое время необходимо было раздобыть денег на обустройство, и он рискнул подписать контракт на два года. Лерлин обещала ждать.

Вспыхнула контрольная лампочка. Эрих нажал кнопку и вытащил из ниши два тощих дела. Он внимательно рассмотрел стереофотографии Роберта Лумера. Ничего особенного. Бритая голова, узкое сухое лицо, холодные колющие глаза... Полистав досье, Тронхейм уяснил, что Лумер — крупный биолог и селекционер, последователь доктора Вейнберга, впервые установившего стимулирующее действие звуковых волн на жизнедеятельность растений. Дальше следовал длинный список научных работ, посвященных селекции, резонансу звуковых волн в клетках, биохимии нуклеиновых кислот. И ни слова о вкусах, привычках, психологии...

Эрих недовольно хмыкнул и придвинул дело Элси Лумер. С фотографии глянуло милое наивное личико. Худенькая, угловатая. В двадцать лет закончила медицинский колледж. Ого! Прибыла вместе с ютцом. Назначена врачом на станцию Коперник.

Тронхейм посмотрел на дату и скривился. Хороши работники! За семь лет не удосужились внести новые сведения. Впрочем, понятно.

Не болеют, не жалуются. Интересно, а когда это началось? Эрих выдвинул ящичек с карточками, разложенными по годам. Первое заболевание через полтора года после прибытия Лумера. Через два года — четыре заболевания. И дальше болезнь нарастала лавиной... Понятно. Побочный фактор: боязнь неопределенности! Тронхейм отодвинул карточки и вызвал Корренса.

— Шеф, я тут набрел на одну мысль. Если составить график по годам и попробовать выделить среднестатистическую форму болезни и ее вероятностную редукцию по...

— Хотите выделить чистую болезнь и ее психологическое воздействие? Опоздали, коллега. Ведь и нам не зря деньги платят, — Корренс вытащил из-под стекла лист бумаги.

— Вот график.

Эрих с любопытством посмотрел на кривые, которые он не первый раз видел в кабинете шефа. После резкого скачка нижняя кривая поднималась медленно, верхняя нарастала катастрофически.

— Ну и что? — спросил Корренс ухмыляясь.

— Ничего, нормально. — Тронхейм вздохнул. — Я вам не нужен, шеф?

Корренс махнул рукой. Эрих отключился и заерзал на стуле. Сколько раз он заставлял себя не поддаваться порывам, а сначала проверять, и вот опять нарвался. Он встал, прошелся по комнате. Нет, сегодня уже нерабочее настроение. Пожалуй, лучше навестить мисс Лумер.

В справочном жилого комплекса ему сообщили, что Элси Лумер занимает номер 301, недалеко от его комнаты. Дверь оказалась не заблокированной. Он постучал для приличия.

— Войдите!

Тронхейм нажал кнопку. Дверь бесшумно уползла в стенку. Девушка стояла на коленях и аккуратно укладывала в пластиковый ящик крупные яблоки, заворачивая каждое в отдельную бумажку. Она ничем не напоминала ту Элси, которую Эрих рассматривал на стереофото. Фигура ее округлилась, ноги пополнели и даже поза ее, казалась, дышала женственностью. При виде гостя она поднялась с колен и отбросила прядь темных волос, опустившихся на лоб.

— Элси Лумер?

— У вас есть сомнения на этот счет?

— Нет, — улыбнулся Эрих. — Но как-то надо обратиться. Я из Института психотерапии. Надеюсь, не оторвал вас от работы?

— Оторвали, — девушка улыбнулась. — Видите, посылку укладываю.

— Хм. Я думал этот дедовский архаизм существует только на Земле.

— На Луне тоже, но эта как раз на Землю.

— Ну, знаете... Если бы я был помоложе лет на десять, сказал бы, что у вас не все дома!

Элси рассмеялась. Смех ее оказался приятным, откровенным.

— Что делать! Прихоть отца. Никогда не упустит случая переслать яблоки Фреду, моему кузену. Вы не спешите?

— Я, собственно, просто пришел из чистого любопытства. Хотелось взглянуть на здоровых обитателей станции.

— И убедились, что здоровые тоже с причудами?

— Причуды — как раз привилегия здоровых. За ними скрывается смысл, который разгадать людям ординарным не по силам. Вот они и придумали такое заковыристое слово!

— Себя-то вы, конечно, относите к неординарным?

— Я в некотором роде профессионал. Знание человеческой психологии входит в мои обязанности.

— Ваша аргументация выше похвал, — произнесла Элси насмешливо. — Но дело прежде всего. Поэтому прошу великодушно... — Она снова опустилась на колени и, ловко сортируя яблоки, скоро наполнила ими пластиковый ящик. Захлопнув крышку, включила линию связи, набрала шифр. Открылась ниша транспортера. Элси поставила ящик, достала бланк адреса и наклеила на верхнюю крышку. Затем прикрыла створки ниши. Раздался тихий щелчок, и за створками зашуршала лента транспортера.

— Вот я и освободилась. Хотите яблок? Из нашей оранжереи. Отец выращивает.

Пока Эрих грыз большое яблоко с тонким привкусом шафрана, девушка прибрала комнату. Он отметил, что мисс Лумер достаточно красива. Движения ее быстры, но гармоничны. Интересно, какой у нее темперамент? Скорее холерический.

— Вкусно? Вот и Альферд говорит, что лучше этих яблок он в жизни не пробовал. Сообщил, что ест их только перед экзаменами. Отцу это ужасно льстит, но я Фреду не очень доверяю. Он отчаянный шалопай и врунишка. Школу закончил кое-как, чудом поступил в университет и вдруг у него открылись математические способности. А был тупица тупицей. Странно, правда? Ешьте, не стесняйтесь. Вдруг у вас откроются какие-нибудь способности! — Элси засмеялась, и он снова отметил, что смех ее располагает к откровенности.

— Кстати, вы мне даже не сказали, как вас зовут?

Эрих назвал себя и церемонно поклонился.

— Вы немец?

— По происхождению да, но родился в Штатах.

— А я в Берлине, но плохо его помню. Отца пригласил Гарвардский университет, и мы переехали... Вы давно в городке?

— С месяц.

— То-то я вас не видела. До этого здесь работал Дик Мегл. Часто бывал у нас. Такой напыщенный, самоуверенный. Никто его не любил...

— Ну и куда он делся? — заинтересовался Тронхейм.

По лицу Элси пробежала тень. Она упрямо тряхнула головой и сразу стала серьезной.

— Списали на Землю. Вы ведь знаете, у нас не все благополучно. Эрих поежился. Ему ничего не говорили о предшественнике.

— Я вас расстроила? Да?

— Пустяки. Вы сами не боитесь там жить?

— Мне что? Я с самого основания. Болеют обычно новички.

Она мельком взглянула на часы.

— Что будем делать? Я собиралась в иллюзион, если хотите...

— Почему бы и нет. Тем более, я здесь фактически еще нигде не был.

— Тогда я переоденусь.

Эрих вышел из номера и в ожидании закурил. Настроение у него поднялось. Привычный к самоанализу, он усмехнулся. Шеф все-таки прав. Она производит впечатление. Надо будет познакомиться поближе, а кстати, снять с нее психограмму. Уж этого-то до него никто не делал!

Дверь отворилась, и мисс Лумер величественно выплыла из комнаты. На ней было вечернее серебристо-белое платье, в меру открытое спереди, от колен наискось переходящее в небольшой шлейф. Наряд завершала шапочка, отдаленно напоминающая корону.

Эрих присвистнул. Она улыбнулась, довольная произведенным эффектом.

— Куда же я гожусь в своем ординарном костюме? — развел руками Тронхейм. — Получится совсем неподходящая пара.

Элси окинула его критическим взглядом.

— Мы подходим по закону контрастов. Это будет впечатлять. — И взяла его под руку.

Действительно, едва они вышли на людный переход, на них сразу обратили внимание. Эрих злился, а Элси беззаботно хохотала.

Центральная площадка была залита светом. Только высокий свод потолка, укрепленный расчетливо поставленными колоннами, был тмен. Эрих был в центре впервые, но сразу оценил замысел архитектора. Этот огромный зал напоминал городскую площадь на Земле. Ресторан, иллюзион, ревю-холл и другие увеселительные заведения имели свои фасады, расцвеченные огнями рекламы. Выполненные рельефно, они выглядели обычным земным архитектурным ансамблем. Это психологическое воздействие усиливалось разбитым посредине площади сквером, с настоящими деревьями и кустарниками, с аллеями, посыпанными желтым речным песком. Колонны в сквере прятались в резной листве плюща и дикого винограда. И неважно, что за фасадами не было зданий в земном понимании, впечатление оставалось.

— Погуляем, — сказала Элси. — Я очень люблю этот сквер.

— Но надо взять билеты.

Лумер взглянула на него с улыбкой.

— Теперь я вижу, что вы новичок. Здесь нет билетов. Иллюзион работает автоматически, как все в этом городе. Обслуживающий персонал сокращен до минимума. Опускаешь жетон иходи. А жетонов у меня всегда порядочный запас.

Из иллюзиона они вышли в боковой проход. Тронхейм отметил это машинально, находясь под впечатлением фильма. Элси шла рядом притихая, как будто видения Земли утихомирили ее темперамент. Совершенство цветопередачи и стереофонии в сочетании с запахами и тепловыми ощущениями позволяли полтора часа побыть на Земле среди героев фильма, и то, над чем Эрих посмеивался дома, сидя в иллюзионе рядом с Лерлин, здесь неожиданно приобрело иной смысл.

Он с благодарностью взглянул на Элси. Она поймала этот взгляд и опустила глаза.

— Проверяете, какое у меня впечатление от этого глупого фильма? Но вдруг мое меланхолическое настроение не имеет отношения к иллюзиону?

— Наверное, все-таки, имеет. Только вне зависимости от замыслов режиссеров.

— Даже так? Вы в самом деле кое-что смыслите в психологии!

Они снова очутились на площади. Неспеша побродили по скверу, потом Элси потащила его в ресторан. Столик заняли у застекленного входа: отсюда со всеми удобствами можно рассматривать гуляющих на площади.

— Люблю, когда много народу, — пояснила Лумер, — а в этом заведении всегда не очень, хотя все по-земному: и джаз, и кухня, и обслуживание. Правда, цены несколько несоразмерные.

Эрих внутренне дрогнул. Большие траты не входили в его расчеты, но он заставил себя улыбнуться.

— И намного?

— Не дешевле, чем в «Уоллдорф-Астории»!

Тронхейм покраснел. Он никогда не был в этом, одном из самых фешенебельных ресторанов Америки, и, по его представлениям, посещение подобных заведений доступно лишь миллионерам.

— Боюсь, у меня не хватит расплатиться, — неуверенно произнес он. Она заключила его руку в свои ладошки.

— Не беспокойтесь, Эрих. За свои прихоти я расплачиваюсь сама.

— Ну, знаете, я все-таки джентельмен!

— Не надо, Эрих. Предрассудки усложняют жизнь, в которой и без того всякого хватает. Давайте проще, по-дружески, что ли... Не портите хорошее начало моих маленьких каникул. Пейте лучше коньяк и не считайте, пожалуйста, себя должником.

Несколько рюмок благородного напитка приободрили Тронхейма, а французская кухня смирила его с потерей мужских прав. Он решил попросить Элси о жизни станции.

— Далась вам наша обстановка. 'Скучно у нас. Молодых нет. Одни старики или женатики. Ходят, глаз не поднимут. Когда был Анри, станция немного ожила. Он веселый, такой подвижной. Кого разыграет, с кем пошутит. Узнал, что отец не терпит посторонних в оранжевое. Он там проводит исследования... Выбрал момент, когда отец обедал и оборвал огурцы с какого-то опытного куста. Отец рассердился ужасно, а он смеется: я, говорит, люблю малосольные! А потом поскутнел, стал заговариваться, ну и... Давайте выпьем!

Больше в течение вечера Эрих не услышал о станции ни одного слова. Элси танцевала, шутила и много пила. Когда они вышли из ресторана, она расслабленно склонила голову ему на плечо. Эриху пришлось придержать ее за талию. Стесняясь встречных, Тронхейм еще крепче прижимал к себе Элси, чтобы прохожие не заметили, как она пьяна. Наконец свернули в пустынный проход. Эрих вздохнул облегченно, но у Элси вдруг подогнулись колени. Она безвольно опустилась

на пол. Его рука скользнула вдоль тела, и ладонь ощутила упругость груди. Немного смутясь, он подхватил мисс Лумер под мышки и поставил на ноги. Ее колени снова начали сгибаться. Тронхейм ругнулся про себя, сознавая, что придется нести на руках не менее шестидесяти килограммов, но, легко подняв ее плотное тело, усмехнулся. Оказывается, на Луне легко быть рыцарем! Не чувствуя особой тяжести, он занес Эли в номер и уложил на тахту.

— Спокойной ночи, мисс Лумер! — произнес он насмешливо и достаточно громко.

Эли с трудом приподнялась и села. Глаза ее все еще смотрели рассеянно, но лицо приобрело осмысленное выражение.

— Прости, Эрих, я, кажется, набралась... Как никогда. Понимаешь, мне надо растормозиться. Дома я какая-то замороженная... А тут еще Анри... Я ведь врач, они все через мои руки проходят... Хочешь, сварю кофе? — Она сделала попытку встать.

— Не стоит, — отказался Тронхейм, страдая от собственной невежливости. Он подсел на тахту и положил руку ей на плечо. — Ты не обиделась?

Она покачала головой.

— Ты просто не понимаешь...

До сознания Эриха вдруг дошло, что это не обычная фраза разочарованного человека, а нечто большее, связанное, может быть, с ее образом жизни.

Она прислонилась к нему и беспричинно улыбалась.

— Ты не представляешь, как мне хорошо! И совсем не потому, что ты такой... Просто... Не знаю... Когда немного выпью, как пелена с глаз спадает. И хочется, чтобы кто-то был рядом... Хочешь кофе? Я быстро!

Пили молча. Ароматный и крепкий напиток постепенно снимал угар прошедшего вечера. Давно Эрих не чувствовал такого уюта. Ему совсем расхотелось идти в свой одинокий номер, но он понимал, что дальнейшая задержка поставит его в двойственное положение, и решительно поднялся.

— Спасибо, хозяйка. Теперь я, кажется, окончательно пришел в себя. Можно опять принимать коньяк и прочее спиртное!

Эли направилась к встроенному в стене шкафчику.

— Что ты! Я пошутил. Пора отправляться восвояси. Спокойной ночи. Эрих пошел к выходу, но Эли догнала его и взяла за плечи.

— Не уходи.

— Но...

— Можешь сделать такое одолжение? Мне не по себе, когда я одна.

— Не знаю, будет ли удобно?

— Тахта тебя устроит?

— А как же ты?

— Не бойся, у меня роскошное ложе в римском стиле.

— Ну да?

Эли подошла к стене. Из ниши выдвинулось широкое двуспальное ложе из красного дерева.

— Как?

— Шикарно, однако я предпочитаю тахту.

Постелив постели, Лумер погасила свет. Он слышал шуршание ее одежды и невольно вспомнил нечаянное прикосновение там, в пустынном проходе. Эрих заворочался, стараясь повернуть мысли в другом направлении. В темноте что-то звякнуло, забулькало...

— Ты что там?

— Коньяк. Хочешь на сон грядущий?

— Давай.

Элси прошлепала к тахте и, присев на край, ощупью передала рюмку.

— Для полной трезвости. И голова болеть не будет.

Он выпил, поставил рюмку на столик. Элси не торопилась уходить. Эрих нашел в темноте ее горячую руку и потянул к себе...

Анри сидел на краешке стола и, посмеиваясь, выкладывал свежие анекдоты. Эрих удовлетворенно хмыкал и поглядывал на психогаммы. Фальк, без сомнения, не нуждался больше в услугах Института. Все пики были на месте. Правда, повышенная восприимчивость оставалась, но со временем, на Земле, стабилизируется и она.

— Вы ведь вулканолог, Анри. Что, по-вашему, представляют светлые лучи Кеплера? Говорят природа их недостаточно изучена?

— Милый доктор, так могут говорить профаны. Это как раз то немногое на Луне, что хорошо известно. Обыкновенные выбросы взрывных вулканов. Ведь сила тяжести здесь весьма слаба, поэтому вулканический материал—пепел, лапилли и другие обломки, разлетались при извержении на сотни миль. Образовывались довольно рыхлые породы с более светлой окраской, вроде песчаных валов, словом, вулканические туфы. На Земле направленные выбросы взрывных вулканов тормозятся атмосферой, происходит сортировка, пепел вообще уносится ветром, а здесь мелкие частицы летят также далеко, как и крупные, вот и образуется «луч». Многократные извержения создали систему «лучей». Я понятно объясняю?

— Вполне, — засмеялся Эрих. — Вас не удивляют мои вопросы?

— В области психологии я темный человек. Проверяете, не утратил ли я профессиональные знания?

— Что вы, Анри. Для проверок существуют кибернетические системы и тесты. Говорят, эти самые образования влияют на психику... Ну, как бы сказать... являются одной из причин заболеваний.

— Господи, какая чушь! Вы слышали это от профессионалов?

— Нет, просто разговоры.

— Досужие домыслы. Какое влияние могут иметь рыхлые туфы?!

— Может, неизвестный тип радиации?

— Доктор! Я верю вам! Почему вы не верите мне?! Ведь это уже моя область!

— Успокойтесь, Анри. Я верю, но и у меня не должно оставаться и тени сомнения в любой, даже абсурдной версии.

— Сдаюсь, доктор. Я не понял, что к чему.

Фальк налил в стакан газированной воды и цедил ее мелкими глотками. Тронхейм углубился в графики, чтобы дать возможность вулканологу успокоиться. Он машинально сделал отметку в истории болезни о повышенной возбудимости и закрыл дело.

— Ну вот, Анри. Все в порядке. Куда же вы теперь?

Фальк показал пальцем в пол, потом засмеялся и поднял палец вверх.

— Нет, скорее туда! На землю! И как можно быстрее!

— А контракт?

— По боку, само собой! Кроме страховки, компания обязана предоставить мне работу. Станция на особом положении. Иначе не заманишь!

— В таком случае, рад за вас, Анри. И, если позволите, еще один вопрос на прощание...

— Валяйте, док.

— Что вы не поделили с Лумером? Мне говорили, что отношения у вас, мягко говоря, были натянутыми.

— Пустяки. Эта старая калоша начисто лишена чувства юмора. Зато у него прелестная дочь. Я за ней немножко ухаживал. — Анри весело улыбнулся. — А в общем, он вполне порядочный человек и никаких эксцессов между нами не было. Вся эта чертовщина, док, от обстановки. Первое, что мне начало надоедать — косые тени. Рельеф Коперника довольно извилистый. Три зубчатых гряды. Идешь, и в глазах мельтешит то тень, то солнце, то холод, то жара. Экскаватор, черт бы его побрал! А тут еще Земля висит над головой. Кажется, рукой достанешь. Здесь она поближе к горизонту и поэтому выглядит подальше. Нет, док, это не каждый выдержит. Лумер здесь ни при чем. Заметьте. Там большинство немцев, и они ничего. Их спасает педантичность. Программа расписана, только выполняй по пунктам. А я так не могу. Вот и свихнулся. Что-нибудь еще, док?

— Благодарю, Анри. Больше ничего.

— Хотите последний анекдот? Англичанин попал на планету металлоедов. Он невозмутимо наблюдал, как они слопали ракету, изгрызли дорогое оборудование и лишь когда один из них, обгладывая металлические части скафандра, укусил его за ногу, англичанин заметил:

— Простите, сэр, но она несъедобна.

Эрих улыбнулся. И кто их сочиняет, эти анекдоты? При всей фантастичности, они всегда содержат точную психологическую деталь.

Вулканолог попрощался и ушел. Тронхейм задумался. Итак, снова рухнули все версии. Впрочем, эта идея Анри в отношении немцев любопытна. Эрих включил видеофон и вызвал центральный архив.

— Сообщите, сколько на станции Коперник работало немцев и сколько из них было подвержено психическим расстройствам. Срочно.

Сотрудница повернулась к пульту, и ему было видно, как она задавала программу. Заметались огоньки сигнальных ламп. Ожидая ответ, Эрих вытащил из картотеки статистическую сводку. Каждый третий со станции попадал к ним на лечение, больше тридцати процентов. Заня-

тые на поверхности, вне станции, составляли двадцать восемь процентов. Значит, версия Анри в отношении света и тени тоже отпадает. Нет, видимо, все-таки надо ехать на эту проклятую станцию и разобраться на месте.

— Готово. Запишите. Всего немцев работало — пятьдесят семь. Болело двое, или три и пятьдесят одна сотая процента.

— Благодарю. Сделайте расчет для всех национальностей и пришлите мне. Эрих переключился на канал руководителя отдела. Прошло не больше минуты, прежде чем на экране появился Корренс.

— Шеф, я снова на мели. Ни одной плодотворной идеи. Я настаиваю на поездке туда.

— Не дурите, Тронхейм. Тридцать семь процентов вероятности, что вы вернетесь идиотом.

— Вы уверены, шеф? Я располагаю другими данными.

— То есть?

— С учетом национальной дифференциации. Я по происхождению все-таки немец, а немцы, по любезному сообщению Фалька, не подвержены этой болезни.

— А что архив?

— Три с половиной процента.

— Гм. Это идея. Национальной сортировки мы не делали. Я же говорил, свежая голова — свежие мысли!

— Так как же, шеф?

— Ну и настырный ты! — Корренс впервые посмотрел на него с нескрываемым любопытством. — Ладно, поезжай. Сверни себе шею. Только я должен видеть официальную справку из архива.

— Вы ее получите, шеф. Я пойду собираться. Кстати, шеф, похлопочите у высшего начальства разрешение на неограниченные полномочия.

— Это еще зачем?

— На всякий случай. Вдруг что-нибудь вздумает мне помешать.

— Что ж. Лучше туда ехать хозяином положения. Ну, желаю.

Бетонная дорога, изгибаясь плавной дугой, уходила за горизонт, туда, где поднималась острозубая гряда. С густофиолетового неба не мигая смотрели звезды и, казалось, дорога — лишь трамплин в бездну... Когда Рей, потянув на себя рычаг, выпустил из недр планетохода две пары огромных перепончатых крыльев, ощущение полета усилилось. Тронхейму стало не по себе, хотя он догадался, что это всего лишь солнечные батареи.

— Питаетесь даровой энергией?

— Не слишком много от них толку, — пробурчал Рей.

— Корпус дает больше. Он обшит термопарами, — пояснил О'Брайен, заметив недоумение Тронхейма. — Сверху жарко, снизу холодно. Разность температур больше ста градусов.

— И хватает?

— Еще остается. Идет на зарядку аккумуляторов. Тут ведь как. Разгонишь миль до пятидесяти, выключаешь. Катишься по инерции. На

гусеницах подобраны материалы с низким коэффициентом диффузии, чтобы не сваривались при трении. Сопротивления воздуха нет. Вот сейчас выключу и дотянем до космопорта.

— Это сколько?

— Миль восемь. Вон видите, шпиль появился на горизонте.

Эрих заметил на красноватом окружающем фоне небольшую се-ребристую пирамиду, которая медленно, но ощутимо всплыла из-за горизонта, вспарывая фиолетовую тьму неба. Он опустил затемняющую шторку на боковом окне и замер от неожиданности: прямо на него, занимая пол-окна, глянул огромный, голубой до синевы, шар. Сквозь белесоватый облачный покров просматривались знакомые с детских лет очертания материков.

Когда показались строения космопорта, О'Брайен снова включил двигатель.

— Рейсовая, — кивнул он на ракету. — А это спасательные. Мы их этажерками зовем.

Эрих кивнул. Он уже видел их в тот день, когда прилетел на Луну. Ему рассказывали, что спасатели — отчаянные ребята. Тогда он воспринимал их как своеобразную рекламу безопасности. Сейчас Эрих почувствовал реальность их помощи. Случись авария с машиной, долго ли продержаться в скафандре с автономной системой? А такая вот этажерка при небольших затратах энергии вытащит тебя из любой дыры...

Дорожное возбуждение начало спадать. Он уже с меньшим любопытством посматривал по сторонам. Наезженная в красноватом грунте дорога петляла по испещренной мелкими оспинами кратеров равнине, среди зеленеватых скалистых глыб, иногда пересекала трещины. У подножия горы Питон встала стена фиолетового мрака. Рей включил фары и въехал в тень. Розоватым светом струилась под фарами дорога, загадочно вспыхивали камни на обочине. Не было лишь привычного на Земле светового коридора: в боковом окне висел такой густой мрак, как будто его заклеили черной бумагой.

— Жутковато, да? — с усмешкой спросил О'Брайен.

— Черт знает что такое! — пробормотал Тронхейм. — Случись что, тут ни один спасатель не отыщет.

— Сказать по правде, я сколько езжу, всегда стараюсь проскочить это место быстрее. А объезжать далеко: тень длинная.

Из темноты выскочили так же неожиданно, как и въехали. Однообразная равнина кончилась. Местность стала холмистой, но планетоход, мягко покачиваясь, мчался, не сбавляя скорости. Чаше стали появляться крупные кратеры или живописные группы скал. Миновал уже четвертый час пути, когда прямо по курсу замаячили зубчатые гряды, скоро закрывшие горизонт.

— Архимед. Тут русская станция. Надо передохнуть. Кстати, у них приличная кухня. Можно пообедать. Я всегда у них беру овощной суп. Как это называется... Ага! — О'Брайен прищелкнул языком и с усилием произнес: — Борч! Очень вкусная штука!

В просторном зале столовой Рей О'Брайена встретили как старого

знакомого. Объяснение шло на смеси русских и английских слов. К их столу подсел молодой русоволосый парень.

— Ну как, Рей, борщ!

— Борч! — довольно улыбнулся водитель — Садись, доктор. Покушай немножко!

— Спасибо. Уже. Все воюешь с Лумером?

— Зачем? У нас мирное сосуществование.

— Моя бы воля, давно его на чистую воду вывел.

— Кто это? — Спросил Эрих, когда русский отошел от стола.

— Здешний биолог. Лумером работает! — И Рей захохотал, довольный своим каламбуром.

— Что он сказал?

— Говорит... Как это перевести? Ну, вывести мистера Лумера в море и бросить в воду!

Тронхейм покрутил головой: то ли русский говорит загадками, то ли О'Брайен намудруил с переводом? Ясно одно, что и этот парень, видимо, разделяет подозрения Рея. Впрочем, русские вообще склонны к подозрительности. Самая характерная национальная черта, если верить ЦРУ.

Обед привел О'Брайена в доброе расположение духа. Его огромные руки легко справлялись с рычагами управления. Планетоход лихо огибал очередную воронку или уклонялся от встречи со скалами, а Рей неторопливо рассказывал о своей невесте Джоан, которая уже четвертый год ждет своего беспутного жениха. В Ирландии, где он родился, не нашлось работы. Он уехал в Канаду. Работал слесарем, мотористом, трактористом. Бывал и на Аляске. Это послужило хорошей рекомендацией в Антарктиду. Там на станции гонял вездеходы. Там и познакомился с Джоан. Решили пожениться, но тут подвернулся выгодный контракт. Зато через полгода Рей плюнет с высоты на Коперник, отгрохает себе дом в Канаде. Он уже присмотрел местечко, когда склонялся в поисках работы, разведет овец... Сейчас натуральная шерсть высоко котируется на рынке...

Монотонный голос О'Брайена действовал на Эриха усыпляюще. Он извинился и перешел в соседний отсек подремать. Проснулся он от грохота: въезжали в какой-то туннель. Тронхейм перебрался в кабину.

— Что, уже приехали?

— Нет, это Эратосфен. Отсюда еще миль двести. Пятьсот миль отмахали. Пора и отдохнуть.

Утром наскоро подкрепились в кафе. О'Брайен торопился. Лунный день близился к концу и надо было успеть обратно, пока солнце стояло достаточно высоко. Дорога прихотливо петляла среди пологих горных вершин, иногда на пути вставали острозубые скалы. От многочисленных кратеров, воронок, каменных осколков рябило в глазах. Наконец завиднелась зубчатая гряда Коперника. Начался медленный подъем среди хаотического рельефа. Но даже здесь Рей умудрялся использовать инерцию. Разгоняя машину вниз по склону, он включал двигатель только вблизи следующей вершины. Низкие гряды он проскакивал сходу. Планетоход как будто дрейфовал на огромнейших волнах,

и качка при этом была не хуже океанской. Совершенно неожиданно дорога ушла в туннель.

— Ну, док, приехали, — заговорил Рей, молчавший все четыре часа сложного пути. — Не желал бы я оказаться на вашем месте, но раз уж вы поехали, мой вам совет: питайтесь своими продуктами.

Тронхейм пожал плечами. Едва удалось разместить ящики с аппаратурой, да и смешно ехать в гости с собственной ложкой.

— Спасибо, Рей, но вы меня поздноватого предупредили, а сам я не догадался.

— У меня есть двухнедельный запас.

— Не стоит, Рей. Я везу достаточно приборов и индикаторов, чтобы определить полноценность продуктов.

— Эх, доктор, доктор... — огорчился О'Брайен. — Небось, думаете: «Что он понимает, этот необразованный чудака...».

Тронхейм промолчал. Не обижать же в самом деле хорошего парня только потому, что ему втемяшилась нелепая идея. Замигали огни шлюзовой камеры.

Эрих шел по коридору, бормоча ругательства. Его покачивало, он двигался неуверенно, как в первые дни на Луне. Тогда было понятно: он еще не привык к ферромагнитным вкладкам в подошвах обуви, нейтрализующих с помощью магнитного поля потери земного тяготения.

— Послушайте! — окликнул он невозмутимо шагающего впереди молодого парня, служащего станции. — Объясните мне, что происходит!

— Вы напрасно волнуетесь... э... мистер Тронхейм. Все новички на нашей станции проходят через это. — Через что, черт возьми!? — не выдержал Эрих. — Объясните толком, почему меня дергает, как ма-рионетку на веревочках!

— У нас маленькая станция, мистер э... Тронхейм. Слабое магнитное поле... Вы быстро привыкните.

— Хорошенькое дело, — проворчал психобионик. — Не могут обеспечить человеческие условия.

Они прошли по жилому отсеку шагов тридцать. Провожатый остановился:

— Ваши комнаты, мистер Тронхейм. Я помогу вам устроиться.

— Спасибо, я отлично управлюсь сам. Передайте профессору Лумеру, что через полчаса, я буду в состоянии навестить его.

— Извините, сэр. Вынужден вас огорчить. Директор станции во второй половине дня не принимает. Я смогу вас представить только завтра.

Служащий набрал разблокирующий код, и дверь ушла в стену. Номер, как и просил Эрих, оказался трехкомнатным. В передней лежало оборудование, уложенное аккуратным штабелем. Тронхейм прошелся по комнатам и остался доволен.

— Черт с ним, с Лумером, — решил он. — Надо распаковать и установить аппаратуру.

— Вам помочь, сэр?

Эрих оглянулся. Служащий все еще стоял у дверей в почтительной позе.

— Ну, давай, — неожиданно согласился Тронхейм. — Как тебя зовут, парень?

— Джон Кэлкатт, сэр.

— Так вот, Джонни. Волочи всю эту музыку поближе к столу и начнем.

Насвистывая, Тронхейм принялся за монтаж приборов, стараясь разместить их покомпактнее, чтобы не занимать две другие комнаты.

— Джонни!

— Да, сэр.

— Ты здесь недавно?

— Так точно, сэр. Несколько месяцев.

— Не надоело?

— Мне хорошо платят, сэр.

— Слушай, дружище, ты откуда родом?

— Нью-Йорк, Вест-Сайд, сэр.

— Трудно представить Вест-Сайд в роли поставщика благовоспитанных мальчиков.

— Здесь другие порядки. Мне не улыбается вылететь с такой выгодной работы. Я техник-электроник... Согласитесь, таких специалистов в Штатах хватает.

Постепенно Кэлкатт оттаивал. Непринужденность Эриха, неназойливые вопросы, расшевелили парня. В лунный научный центр Джонни попал случайно. Он провожал друга с рейсовой ракетой, когда услышал о срочном вызове бортового техника-электроника. Объявление повторили несколько раз, и Кэлкатт рискнул предложить свои услуги. Уже в полете разобрались, что Джонни не относится к числу дежурного персонала дублеров. Предприимчивость могла обернуться крупными неприятностями, но ему повезло еще раз. Прибыв на Луну, он узнал, что на станцию Коперник потребовался человек с его квалификацией.

С монтажом приборов они провозились до конца дня. Для пробы Эрих снял психограмму Кэлкатта.

— Это что за арифметика, доктор? — спросил Джонни, разглядывая графики.

— Параметры твоего психического состояния.

— И как оно вам показалось? У меня не все дома? — пошутил Кэлкатт.

— Нет, Джонни. Совсем наоборот! — Рассмеялся психобионик. — Твою психограмму хоть на выставку!

Кэлкатт удовлетворенно хмыкнул.

— Если я вам больше не нужен, мистер Тронхейм, разрешите вас покинуть.

— Да, пожалуйста, — кивнул Эрих. — Действительно, пора и отдохнуть.

Полистав кодовый справочник, Тронхейм заказал ужин. Мигнула сигнальная лампочка. Психобионик открыл дверцу приемника и при-

свистнул: ужин оказался роскошным, как в порядочном ресторане. Дымящийся бифштекс с жареным картофелем, черный кофе с домашней сдобной булочкой и парочка свежих, в пупырышках, огурчиков настаивала на оптимистический лад. После еды потянуло в сон, и Эрих решил немного вздремнуть, но дорожная усталость взяла свое: он проспал до утра не пробуждаясь.

Директор станции принял его в назначенные часы. Он внимательно выслушал намеченную Тронхеймом программу исследований и попросил по возможности не отрывать сотрудников от работы.

— Мне необходимо получить психограмму всех работающих здесь, в том числе и вашу, мистер Лумер. Я наметил, исходя из пропускной способности аппаратуры, групповую очередность.

Эрих положил на стол директора график обследования работников станции. Лумер пожевал губами, погладил лысину, потом, бегло просмотрев, решительно подписал его.

— У вас еще есть ко мне вопросы?

— Личного характера. Как вам удается выращивать такие огурцы?

Лумер улыбнулся.

— Одна из задач станции — селекция лунных сортов. Мы питаемся, по существу, опытными образцами... Если понравились, могу присылать почаше.

— Сделайте одолжение.

Профессор кивнул. Эрих, весьма довольный результатами первого визита, вышел из кабинета. Не освоив координации движений в слабом магнитном поле, он шел медленно, пытаясь умерить привычную силу отталкивания ног от пола. Сосредоточив на этом свое внимание, он едва не столкнулся с девушкой. Она безразлично взглянула на него и посторонилась.

— Элси? — удивился ее невниманию психобионик. — Вы меня не узнаете?

Мисс Лумер потерла рукой висок.

— Как будто мистер Э...

— Тронхейм.

— Извините, мистер Тронхейм. Я сразу не узнала вас, задумалась.

Она улыбнулась. Улыбка вышла жалкой, вымученной.

— Вы нездоровы?

— Что вы? Вполне. Просто я устала... и потом никак не ожидала встретить вас здесь.

— Ну, извините, что задержал. В два часа жду вас в лаборатории, на обследование.

Элси покраснела и засмеялась.

— Простите, вы Эрих, психобионик?

Тронхейм развел руками. Теперь он окончательно убедился, что Элси сначала его не узнала и подумал, что следовало снять психограмму мисс Лумер именно сейчас.

— Как глупо. У меня иногда бывают провалы памяти. Ничего серьезного, насколько я понимаю, но... мало приятного попадать вот в такие истории.

— И часто с вами такое?

— Не сказала бы.

— Слушайте, Элси, давайте я вас посмотрю.

— Но...

— Никаких но. Кстати, — глаза Эриха весело блеснули. — Мне совершенно необходим якорь, иначе я при одном неосторожном движении упорхну в космос!

Разговаривая о пустяках, Эрих манипулировал веренъерами прибора и поглядывал на выползающий из отверстия график. Так и есть. Общее понижение тонуса, отрицательные значения отдельных центров памяти, подавление воли. Элси уловила перемену настроения Тронхейма.

— Плохо? — спросила она с затаенной тревогой.

— Немножко есть, но до отклонения от нормы еще далеко.

— Пожалуйста, Эрих. Только правду!

Тронхейм положил руку ей на плечо и заглянул в глаза.

— Я говорю правду, Элси. Меня беспокоят не сами отклонения, а их темпы. В твоем возрасте характер обычно уже устанавливается в определенных рамках. Если и меняются отдельные черты, то медленно, со временем. Как правило, этому предшествует перемена образа жизни или обстановки. А у тебя, извини за сравнение, психика тринадцатилетней девчонки.

— Только-то! — с явным облегчением улыбнулась мисс Лумер. — Значит, еще недоросла!

— Замуж тебе надо, вот что! — раздраженный ее легкомыслием, заметил он.

— Женихов нет, — озорство проблеснуло в ее взгляде. — Может, ты возьмешь?

— Можно, если принимать меня как лекарство?

— Если принимать тебя всерьез?

— Ничего не выйдет, Элси, — сознался Эрих.

Элси поскущела, машинально потерла висок, чему-то улыбнулась. Потом с сожалением поднялась.

— Пойду заниматься своими делами. Отвела душу и то хорошо. Освободишься до вечера, приходи в бар. Сегодня кино.

Пиво было прохладное и слегка терпковатое. Эрих пристроился в дальнем углу бара, откуда хорошо обозревался весь зал. Посетителей оказалось немного, преимущественно пожилые пары. Они чинно восседали за своими столиками, перебрасывались редкими фразами. Временами в зале зависала тишина, и тогда Тронхейму казалось, что он смотрит иллюзион, у которого почему-то отключился звук. Впечатление усилилось, когда от стойки отделилась фигура и двинулась к музыкальному автомату. Плеснулась негромкая музыка. Фигура задвигалась в такт, безучастно глядя в одну точку. Как не похожа атмосфера этого бара на те дружеские отношения, которые царят в кафе или барах других станций. Там каждый новый человек сразу становится центром

внимания. К его столику подсаживаются незнакомые, но свои в доску ребята. Начинается задушевный разговор. Все требуют новостей с Земли, хотя несколько телевизионных программ к их услугам. Здесь же на Эриха обратили не больше внимания, чем на этого самоуглубленного парня.

Эрих потянулся за кружкой и потому не заметил появления в зале мисс Лумер. Она на секунду задержалась у стойки и мелодично позванивая феллазоновым платьем, направилась к столику Тронхейма.

— Как тебе наше пиво? — спросила она, усаживаясь.

— Лучше, чем можно было ожидать, но... У вас всегда так тихо?

— Ты об этих? — небрежно кивнула Элси в сторону посетителей. — Я тебе говорила: у нас самая скучная станция.

— И тебя, как врача, это не беспокоит?

— Бесполезно. Я испробовала все методы. До сухого закона теплилось некоторое общение, как-то шевелились. Потом случилось несколько драк, и отец запретил ввоз спиртных напитков. Только по праздникам.

Легкий шелест прошел по залу. Элси обернулась. Оживление угасло в ее глазах: на пороге стоял профессор Лумер.

— Молодежь разрешит присесть старику? — сказал он, подойдя к их столику.

— Какие могут быть церемонии, мистер Лумер, тем более, что я здесь гость, а вы хозяин.

— Благодарю, — профессор уселся поудобнее в кресло. — Нынешняя молодежь часто забывает, что их собственная старость — лишь вопрос времени.

— Скорее она считает, что старость именно тот период жизни, когда можно исправить ошибки, допущенные в молодости!

— Может быть, — согласился Лумер. — Я не силен в софистике. Вы уже знакомы?

— Да, если можно назвать знакомством отношения врача и пациента, — невесело улыбнулась Элси.

— Вам не подошел наш климат? — пошутил профессор, благодушно улыбаясь.

— Болящая — это я, папа! — снова поспешила ответить мисс Лумер. — Меня последнюю неделю замучили головные боли. Мистер Тронхейм взялся за меня подлечить.

— Простите, — любезно кивнул Эриху профессор. — Я забываю, что теперь у нас на станции два врача. Вы не откажитесь от пива?

— Пожалуй, — согласился психобионик. — Тем более, что оно мне показалось достаточно хорошим.

— У нас лучший пивовар, — оживился Лумер. — Из Мюнхена. Здесь, если вы заметили, большинство из нас — немцы. Приятно, знаете ли, даже в невинном удовольствии ощущать связь с фатерландом.

Принесли пиво. После нескольких глотков Эрих почувствовал, что явно переоценил свои возможности, но из учтивости продолжал потягивать из кружки, не мешая профессору рассуждать о достоинствах немецкой нации.

— Папа, мистер Тронхейм родился в Америке, — перебила Элси. — И, может быть, не разделяет твоей приверженности ко всему немецкому.

— Он немец. А у нас, немцев, сильны национальные связи и традиции.

— В определенном смысле вы безусловно правы, профессор. Национальные связи, особенно вдали от родины, играют большую роль в человеческих взаимоотношениях: легче устанавливается контакт между незнакомыми, люди одной национальности быстрее сближаются... Поэтому меня очень удивляет такая... — Эрих замялся, подбирая подходящее слово, — разобщенность что-ли, замкнутость...

— Видите ли, — нахмурился профессор. — Одна из гипотез заболевания объясняет причину психических расстройств вирусологическими элементами или сверхвирусами лунного происхождения, не улавливаемыми обычными методами. Можно понять наших людей...

— Но, простите, отсутствие болезнетворных элементов было доказано еще при первых посещениях Луны в прошлом веке. Неужели находятся люди, которые могут поверить в подобную нелепость!

— Мой учитель доктор Вейнберг часто предостерегал меня от поспешных выводов. То, что кажется абсурдным с точки зрения человеческой логики, может оказаться в природе одним из проявлений адаптации биологического объекта к новым условиям. Почему не допустить сложную модификацию земного вируса в лунных условиях?

— Насколько мне известно, вирусологи только этим и занимаются.

— Ваша убежденность делает вам честь, — иронически усмехнулся Лумер. — Тогда, может быть, вы назовете причину заболевания?

— Ну зачем же в чисто научном споре делать запрещенные выпады? — спокойно заметил психобионик. — Конечно, я не могу ответить на ваш вопрос, но разве это что-нибудь доказывает! В свое время Эйнштейн говорил: «Ваша идея недостаточно безумна, чтобы быть истинной!», тем не менее, нельзя же всякий бред принимать за истину. Должны же быть и научные критерии! В вирусной гипотезе, кроме предположений, никаких объективных данных нет.

— Категоричность суждений — прерогатива молодости! — отеческим тоном произнес профессор и поднялся. — Извините, нам пора. Пойдем, Элси.

— Но, папа, я хотела посмотреть кино... — растерянно начала Элси.

— Ничего, девочка. Посмотришь в другой раз, — ласково, но твердо он взял ее под руку, и они ушли, провожаемые сочувственным взглядом Тронхейма.

Несколько дней Эрих работал с огромной нагрузкой: спал без сновидений, едва добираясь до кровати, но зато весь штат станции был всесторонне изучен, материалы систематизированы, можно делать предварительные выводы. Аномальные отклонения Эрих обнаружил у трех сотрудников: один работал садовником в оранжерее, другой вел астрономические наблюдения, третьей была Элси Лумер. Собственно,

старик садовник ничем примечательным от других обитателей станции не отличался, если не обращать внимания на неодолимую страсть садовника к математике. Увлечение, как признался сам Артур Лемберг, пришло на старости лет. Вот это и показалось психобионику странным. Садовник выглядел моложавым, хотя ему не хватало нескольких недель до шестидесяти пяти лет. Тронхейм усмехнулся, вспомнив, как старик испугался, когда он заговорил о пенсии. После семи лет работы на станции Лемберг имел право выйти в отставку на льготных условиях, и вот такая странная реакция! Зато о математике старик распространялся долго и подробно, исчеркал формулами весь стол. Психобионик так и не мог решить, имел он дело с математическим маньяком или с гением на грани сумасшествия: уж очень изящными получались окончательные формулы, хотя принципы решений были необычными и не всегда понятными.

Хуже выглядел астроном. У него наблюдались все признаки душевной депрессии: общая подавленность, отсутствие всяких интересов. Впрочем, он усердно посещает бар и, видимо, не прочь напиться. Ему давно надо сменить обстановку, но вряд ли это возможно на станции, где штат укомплектован строго определенным количеством специалистов. Разве что поговорить с директором... Эрих включил видеофон и набрал шифр профессора Лумера.

— Директор станции занят. Вызывайте утром с восьми до десяти, — прозвучал мелодичный женский голос.

— Включите, когда освободится.

— Директор станции занят. Вызывайте с восьми до десяти.

По неизменным интонациям психобионик сообразил, что разговаривает с роботом.

— Порядки, как в двадцатом веке, — проворчал он, отключаясь. Поразмыслив, он вызвал больничный отсек.

Мисс Лумер оторвалась от бумаг и вопросительно взглянула на него.

— Привет, Элси. Ты не знаешь, где найти твоего старикана? Он мне срочно нужен.

Девушка покраснела и смешалась.

— Папа, тебя просит мистер Тронхейм.

— Слышу.

Из-за спины Элси появилась бритая голова директора. Эрих, встретив его колющий взгляд, поежился и ругнул себя за неосторожность.

— Что скажете, Тронхейм?

Психобионик сделал вид, что не заметил невежливую форму обращения, отлично сознавая реакцию Лумера на его «старикана».

— Извините, профессор, если я оторвал вас от дела, но... мне хотелось бы побеседовать с вами лично.

— Хорошо, зайдите через полчаса.

Разговор получился не совсем такой, как хотелось Тронхейму. Лумер внимательно выслушал доклад и уставился на Эриха немигающим взглядом:

— Что вы предлагаете?

— В идеале следовало переместить садовника в обсерваторию, а астронома в оранжерею, но, увы, при блестящих математических способностях Лемберг не астроном. А вот астроному не вредно было бы поработать в оранжерее, если не садовником, то простым рабочим. Главным образом, для смены обстановки.

— Здесь не благотворительное общество, — сухо заметил Лумер. — К тому же я сомневаюсь в серьезности увлечения Лемберга. Он работает у меня тридцать лет...

Эрих почувствовал недоверие в словах профессора. Действительно, за тридцать лет можно узнать человека, даже не обладая набором психокибернетических анализаторов.

— Я не могу сказать, насколько это серьезно, но меня беспокоит, что это влияет на его психику...

Профессор нажал кнопку вызова и на экране возникло озабоченное лицо мисс Лумер.

— Элси, посмотри заказы Лемберга.

— Я и так знаю, папа. Введение в теорию квантов, труды Эйнштейна, Фримана, Лобачевского... Ну и другое, в этом же роде.

— Он что-нибудь понимает?

Элси пожала плечами.

— Ты мне не говорила.

— Разве это так важно?

— Пожалуй, — хмуро согласился Лумер и выключил видеофон. Он потер руками виски. Психобионик машинально отметил этот жест, который не раз замечал у Элси в минуты затруднений.

— Хорошо, я поговорю с Лембергом. Что же касается астронома, то... решайте сами. У меня нет необходимости ходатайствовать о его замене. Если считаете опасным для него дальнейшее пребывание на станции, можете использовать свое право врача.

— Я имел в виду оздоровительные мероприятия.

— Позвольте вам еще раз напомнить, что здесь не курорт, мистер Тронхейм. В этой связи мне хотелось заметить, что и моя дочь не нуждается в вашем усиленном внимании.

Эрих пристально посмотрел на профессора, но его взгляд не выражал ничего, кроме усталости и озабоченности.

— Ваша дочь нуждается в моем попечении больше, чем вы представляете, — решительно возразил психобионик.

— В самом деле? — в голосе директора сквозили любопытство и ирония.

— У мисс Лумер достаточно четко выраженная инфантильность, что в соединении с подавленной волей и повышенной сексуальностью может привести к элементарной шизофрении.

У профессора дрогнул подбородок, но он справился с волнением.

— Никто мне раньше этого не говорил...

— Возможно, раньше этих симптомов не было. В нервной системе, как впрочем и в самом организме, изменения накапливаются постепенно, прежде чем они проявляются явно, кстати, она жаловалась на провалы в памяти...

— Это у нее иногда бывает...

— И вас это не беспокоит?

Лумер промолчал. Он снова обрел равновесие. Эрих дивился его самообладанию и поэтому решился на вопрос, который в данных обстоятельствах задавать не следовало.

— Почему ваша дочь до сих пор не вышла замуж?

— Это тоже имеет прямое отношение к вашим обязанностям?

— Приберегите ваш сарказм для другого случая. Сейчас женщины развиваются быстрее, чем в прежние времена. Ей нужна нормальная жизнь. Я вам говорю как психолог.

— Благодарю за совет, однако, моя дочь достаточно взрослая и может такие вопросы решать сама. И еще... Если у вас серьезные намерения, я не возражаю.

Эрих пожал плечами. Логика профессора явно сбивала его с толку, но подсознательно он улавливал какую-то зависимость между словами и поступками Лумера. Эта противоречивость и толкнула Тронхейма на озорную фразу:

— Я подумаю над вашим предложением.

— Однако решающее слово принадлежит Элси, а пока прошу вас держаться в рамках приличия, — жестко закончил директор неприятный разговор.

Эрих шел по коридору, размышляя, чего больше в Лумере: отцовской любви или отцовского эгоизма. Он отлично понимал: если человек с такой завидной выдержкой дрогнул, значит, его глубоко затронуло неожиданное сообщение. А чем можно еще объяснить беспокойство, кроме отцовских чувств? С другой стороны, ему крайне неприятна даже мысль о замужестве Элси. Тот вечер в баре можно объяснить плохим настроением, эту встречу — собственной бесцеремонностью, и все же неприязнь Лумера имела более глубокие корни. Эрих был бы никудышным психологом, если бы не почувствовал этого. Родительская ревность? Похоже. При таком отчужденном образе жизни профессор лишен живого обращения с окружающими, и дочь, скорее всего, является единственным близким человеком. И все-таки это странное предложение! Может быть, его логика одержала верх над чувствами? Или он просто испугался последствий, которые могли привести дочь к нервному заболеванию? Тронхейм остановился у дверей своего номера, машинально набрал шифр. Створки распахнулись, а он продолжал стоять, углубленный в свои мысли.

— Эрих!

Тронхейм обернулся. Торопливым шагом к нему приближалась Элси.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, — Элси запыхалась от быстрой ходьбы. — Зайдем. Отключи видеофон.

Эрих послушно выдернул штеккер, подвинул ближе к столу кресло, усадил Элси и приготовился слушать.

— Можно узнать, о чем вы говорили с отцом? — Щеки Элси слегка подернулись румянцем.

— О разном, в частности, о тебе.

— Именно это меня и интересует.

— Ну, например, он предложил мне жениться на тебе.

— Ты отказался?

— Нет, я сказал, что подумую.

— Зачем?

— Просто так. Посмотреть, как прореагирует твой отец.

Щеки мисс Лумер пылали, выдавая сильное волнение.

— Не знаю, — протянула она. — Это что-то новое по отношению ко мне.

— Прости, пожалуйста, за нескромность... Твой отец всегда так болезненно переносит всякие ухаживания за тобой? Мне Анри Фальк говорил, что у него были нелады с профессором на этой почве.

— Отца можно понять. Он очень любит меня и...

— А правда, что большинство из тех, кто пытался за тобой ухаживать, попадали в наш институт?

Элси испуганно вскинула глаза, и на лице отразилось сильное смятение, как будто ее уличили в неблагоприятном поступке.

— Не знаю... — неуверенно произнесла она. — Я думала о таком совпадении, но ничем объяснить не могла.

— А если это не совпадение?

— Ты думаешь, что отец... — Мисс Лумер горько усмехнулась. — Нет, Эрих. Нет. Я проверяла самым тщательным образом, как лицо заинтересованное... Но совпадение ужасное. В нем есть что-то мистическое, и едва я познакомлюсь с хорошим человеком, как начинаю дрожать при мысли, что с ним должно произойти несчастье. Мне было бы намного спокойнее, если бы ты уехал отсюда...

— Уеду, — пообещал Эрих. — Как только закончу исследования. И хватит об этом. Тебе не следует волноваться, у тебя и так нервы не в порядке. Надо их беречь.

Элси кончиками пальцев помассировала виски.

— Что-то болит голова. У тебя ничего нет радикального?

— Найдем.

Психобионик усадил ее под установку комбинированного электромагнитного поля, наложил электроды на виски и запястья.

— Минут через десять придешь в норму. Я могу пока сварить кофе. Не такой божественный, как у тебя, но все же...

После процедуры Элси выпила кофе, поболтала о пустяках и ушла, представив Тронхейму самому разбираться в психологических мотивах поступков отца и дочери.

В ту ночь Эриху впервые приснился докучливый сон. Как будто над ухом жужжала назойливая муха, которую он никак не мог отогнать. Тронхейм проснулся разбитым, наспех проделал утренний комплекс гимнастики при включенном озонаторе и освежился в ванне. Процедуры значительно улучшили его самочувствие и он, насивистывая, принялся за работу. Просмотрев последние психогаммы, Эрих решил первым

вызвать на прием астронома. Едва тот вошел в кабинет, психобионик уловил перемену в его состоянии. Молодой здоровый парень выглядел совсем опустившимся: небритый, под глазами набрякли мешки, грязная рубашка, неряшливо застегнутый костюм. Весь его внешний вид убедительно свидетельствовал об углублении депрессии...

Закончив обычные, укрепляющие психику процедуры, Эрих усадил его в кресло.

— Мистер Келвин, мы, кажется, с вами договорились, что ваше самочувствие зависит от вас самих, однако я не замечаю, чтобы вы особенно старались.

— Бесполезно. Мне теперь все равно не выкарабкаться.

— Глупости! — возмутился психобионик. — Может, вы специалист, знаете больше меня!

— Доктор, мне ваши процедуры помогают, как голодному запах пищи!

Эрих улыбнулся. Юмор — тоже отличное средство в восстановлении психического равновесия, но насколько он осознан? Тронхейм порылся в ящике стола и достал несколько тестов.

— Посмотрите эти рисунки, пока я проверю вашу последнюю психограмму.

Келвин взял тесты, повертел их, и, не обнаружив в них ничего любопытного, бросил на стол.

— Вам знакомы эти рисунки?

— Нет, чепуха какая-то. А что?

— Ничего. Просто хотел развлечь вас, пока сам был занят.

Рисунки были тщательно отобраны из классического наследия художников-юмористов. У здоровых людей они неизменно вызывали усмешку. Плохо. Значит, он невосприимчив к юмору.

— Скажите, мистер Келвин, у вас не было никаких тренировок с директором станции?

Келвин испуганно оглянулся и приложил палец к губам:

— Тсс! Не говорите о нем вслух. Он вездесущ, как бог, и является даже во сне.

Келвин опять посмотрел по сторонам и, заметив телевизор, включил его. С Земли передавали музыкальный фильм. Герои смеялись и плакали, а астроном, захлебываясь от избытка слов, все говорил и говорил...

После, прокручивая пленку, Эрих мог разобрать только одно, что Лумер является к Келвину по ночам и до утра шепчет всякие гадости. Принимать это всерьез не приходилось. Может, властность натуры дает эмоциональную окраску у людей со слабой нервной системой, и они приписывают ему поступки, к которым он не имеет никакого отношения? Да, с астрономом медлить нельзя. Он явно не в себе. Эрих вызвал директора станции и попросил разрешения на эвакуацию Келвина.

Лумер пожевал губами.

— У вас достаточно оснований?

— Вполне. Случай типичный.

— Хорошо, я вызову машину. Кто будет оплачивать?

— Что оплачивать?

— Внеочередной вызов планетохода.

— Позвольте, разве не...

Лумер усмехнулся. Кажется, его забавляла неосведомленность Тронхейма.

— Договором предусматривается любая бесплатная помощь в случаях, если возникшие обстоятельства угрожают жизни. Вы беретесь доказать, что это именно такой случай?

— Непосредственно угрозы жизни нет, но налицо все признаки заболевания... Я думал...

— Меня не интересует, что вы думали. Так вызывать машину или подождать рейсовую?

Эрих растерянно посмотрел на директора. Такого поворота он не ожидал.

— Поступайте, как считаете нужным. Я полагал, что подлечить специалиста дешевле, чем отправлять на Землю, а взамен доставлять нового.

— Очевидно, такое положение дел устраивает компанию.

— Пусть так, но по крайней мере можно предупредить руководство.

— Мне нравится ваша горячность и приверженность делу. При случае я доложу о вас... — Директор позволил себе улыбнуться. — Однако это не первый случай, и надо думать, не последний. У меня есть предписание отправлять больных рейсовыми машинами.

Справочный автомат выдал расписание рейсовых машин на месяц вперед. Выходило, что больного раньше чем через неделю эвакуировать не удастся. Тронхейм не был уверен, что Келвин продержится эти дни и решил предупредить мисс Лумер, чтобы она приготовила отдельную палату.

— Думаешь, Келвин... — озабоченно вздохнула Элси.

— Да, он прогрессирует быстро. Кстати, — поинтересовался психобионик, — ты не скажешь, сколько времени длится скрытый период болезни?

— Видишь ли, — Элси умолкла, сосредоточенно перебирая в памяти известные ей случаи. — У меня нет специальной аппаратуры. Я сталкиваюсь с открытыми проявлениями, поэтому довольно трудно... Я замечала, что заговариваться начинают недели за две до критического состояния, но иногда это проявляется сразу.

Вечером Эрих включил телевизор и выбрал из программ видовую передачу. На экране проносились каньоны Колорадо, плескала мириадами брызг Ниагара, высились гигантские секвойи и, странно, он испытывал необычное наслаждение от знакомых земных пейзажей. Когда загорелась сигнальная лампочка у входа и прожужжал зуммер, Тронхейм с явным неудовольствием разблокировал дверь. У входа стоял садовник Лемберг.

— Простите, доктор. Я, кажется, нарушил ваш отдых. Я заплачу за визит...

— Проходите, — оживился психобионик. — Никогда безделье не следует путать с отдыхом. Отдых — это активное переключение на дру-

гое занятие. Вот как у вас: немного физического труда, немного математики!

— Не знаю, как по-ученому, но я тоже так считал... Да вот, видно, старость от себя не утаишь... Надо и о другом отдыхе думать.

Лемберг сел в кресло, взглянул на экран, где проплывали берега крупной реки, и вздохнул.

— Да, пора. Прошлый раз вы говорили о пенсии. Теперь я понимаю, доктор, как вы правы. Память стала отказывать. Сегодня первый раз в жизни забыл ввести подкормку по графику. Шутка сказать, доктор, за тридцать лет безупречной работы вдруг получить замечание от самого директора. Видно совсем плох я стал, доктор.

— Ну что ж, давайте посмотрим, — предложил Эрих. — Может быть, и не так страшно, как вам кажется. Физически вы еще держитесь молодцом!

Не меньше часа психобионик детальнейшим образом обследовал все нервные центры. Они оказались в полном порядке, но графики воли и памяти имели срезанные вершины. Все те же похожие до однообразия симптомы. После курса оздоровительных процедур графики практически не изменились, но старик почувствовал себя легче. Он попытался выяснить стоимость визита, но Эрих отмахнулся и назначил ему постоянный режим процедур.

— Ничего, папаша, это не столько от старости, сколько от усталости, — успокоил Тронхейм. — Пройдет. Вы, наверное, слишком нажимали на умственные занятия. Придется их временно оставить.

— Что вы, доктор! Занятия математикой просто блажь. Глупая старческая блажь... Да я книги в руки не возьму!

— Я бы не сказал. В ваших рассуждениях интересная идея, причем оригинальная, свежая. У вас незаурядные способности.

Старик оживился. Глаза заблестели, лучики морщинок заиграли на его лице, но в то же время он боялся поверить словам психобионика.

— Спасибо, доктор. Вы меня так обнадежили...

Старик ушел. Эрих выключил телевизор и достал прежнюю психограмму Лемберга. Сдвиг в психике садовника был очевидным: прежние пики памяти имели нормальную острую форму. Не зная, что и подумав, озадаченный Тронхейм переводил взгляд с одной психограммы на другую. Значит, гипотеза сильной личности Лумера, подавляющего всех своей волей и гипнотизмом несостоятельна, как и все другие. Садовник, тридцать лет проработав с ним рядом, безусловно находящийся под его влиянием, до последних дней не имел ни малейшего признака подавления воли. Очень странное явление. Решив обследовать Лемберга на рабочем месте, чтобы получить дополнительный материал для сравнения, Тронхейм отправился спать.

Как и прошлую ночь, его мучили кошмары, слышался чей-то назойливый шепот и шорохи, мелькали виденные вечером кинокадры земных пейзажей. Злой, невыспавшийся психобионик с трудом провел намеченный цикл исследований. Перед обедом ему пришла в голову мысль снять с себя психограмму. Он посмотрел и дрогнул: на станции Коперник появился четвертый кандидат в шизофреники. Идти в оранжерею к

Лембергу расхотелось. Больше часа он просидел неподвижно в кресле, пытаясь связать воедино полученный материал наблюдений.

Засветился экран видеофона. Пристальный взгляд мисс Лумер заставил его оторваться от размышлений.

— У тебя неважный вид. Тебе не мешает развеяться. Сегодня, кстати, кино.

— Болит голова, — пожаловался Эрих. — Ночью снилась всякая беллиберда.

Элси беспокойно шевельнула бровями.

— Я сейчас приду. У меня свободных полчаса. Заодно прихвачу что-нибудь для головы.

Тронхейм кивнул и остался сидеть в кресле. Подниматься не было желания, думать тоже. Он равнодушно отмечал полное безразличие к своей работе, к самому себе.

Элси внесла с собой беспокойство и запах духов. Она накормила Эриха таблетками, напоила кофе. Ленивое оцепенение постепенно начало спадать.

— Не лучше ли тебе все-таки уехать? Через два дня прибудет Рей. Кто-то должен сопровождать больного...

— Рей? Подожди, кто это?

Элси побледнела. Непроизвольно вырвавшееся восклицание было похоже на стон.

— Рей О'Брайен, водитель планетохода! Неужели не помнишь?

Умоляющие интонации ее голоса прозвучали как тревожный сигнал, и Тронхейм ощутил, что с этим именем связаны какие-то ассоциации, в которых и разгадка его состояния и путь к спасению. Он сконцентрировал всю волю в одно усилие и внезапно вспомнил рыжего ирландца и его предостережения. Тронхейм резко поднялся с кресла.

— Спасибо, Элси. Теперь все в порядке. Даже головная боль утихла. Извини, мне надо работать.

— Так придешь вечером в бар?

— Приду, если там найдется что-нибудь покрепче пива.

— Ты же знаешь, у нас сухой закон. Только по праздникам.

Элси ушла. Эрих лихорадочно доставал нераспакованные ящики, выкладывал на стол все новое сборудование. Потом запросил диспетчерский пункт.

— Центральный слушает, — миловидная шатенка с приятным голосом внимательно смотрела на психобионика.

— Мне нужен техник-электроник. Нет ли свободного?

— Ждите, сейчас посмотрю. Нет. Свободных нет. Один на дежурстве, другие на отдыхе.

— Давайте из тех, кто на отдыхе.

— Но...

— Никаких но. У меня срочная работа.

— В этих случаях нужно разрешение директора станции.

— Хорошо, соедините.

— Он занят.

— Ну и канитель. Ладно, и спросите разрешение, когда освободится.

— Пожалуйста, но это будет не раньше утра.

Эрих в раздражении протянул руку и выключил связь и тут вдруг вспомнил ее голос. На лице его промелькнула озорная усмешка.

— Девушка, а я вас знаю!

— Ну?

— Не ну, а точно. Ведь это вы так говорите, — Эрих изменил голос и довольно правильно воспроизвел: — Директор станции занят. Обращайтесь утром с восьми до десяти!

Девушка засмеялась.

— Издеваетесь? А я специально тренировалась под робота. Выдашь раза три подряд одну и ту же фразу и абонент скисает.

— Так вы меня тогда разыграли?

— Вы не первая жертва!

— Веселая девушка. Ну, а как насчет техника?

— Никак.

— Спасибо, добрая душа. Если режете, то сразу.

— Какой вы злой. Но право, я не виновата. Впрочем, постойте. Попробую в порядке личной инициативы. У меня есть приятель...

Диспетчер сдержала обещание: минут через пятнадцать в дверях появился Джон Кэлкатт.

— Мне сказали, что вам нужен техник-электроник, доктор.

— Здравствуй, Джонни. Тебя прислала эта симпатичная шатенка с голосом робота?

— Я сам пришел. Меня никто не может прислать кроме директора, когда я на отдыхе.

— Серьезный ты парень, Джонни. Бери в зубы эту схему и валяй. А она ничего, эта шатенка.

Кэлкатт снял пиджак, и работа закипела. Настроение у Тронхейма поднялось. Он непрерывно шутил, слегка подтрунивал над Кэлкаттом и даже прочел ему лекцию о влиянии женского каблука на формирование мужского характера. Джонни был невозмутим и только когда Эрих пообещал отбить у него прекрасную даму, Кэлкатт заметил:

— Не забывайте, док, что я родом из Вест-сайда!

— Это существенный аргумент, Джонни, а тебя не мучают по ночам кошмары?

— Я сплю, как убитый.

— А мне вот приходится оборудовать стерегущую систему. Буду ловить свои сны и записывать на видеофон.

— Неужели это возможно?

— При таком развитии науки и техники!

— А можно, мы посмотрим?

— Джонни, у тебя мания величия.

— Что-то я не пойму, док, куда вы клоните?

— Ты говоришь о себе во множественном числе!

— Мы с Кэтти!

— Ах, вот как. Тогда извини. Значит, ее зовут Кэтти. Очень недурное имя. Особенно в таком сочетании — Кэтти Кэлкатт!

— Вы опять за свое, док. Я серьезно. Мне никогда не снятся сны.

— За этим дело не станет. Приходите завтра, и я вам продемонстрирую самые первоклассные сны, более химерные, чем древние боевики о чудовище Франкенштейне!

— Завтра я занят. У меня дежурство. Вот послезавтра, пожалуй. Да и Кэти будет свободна.

— Твое дело, Джонни. Как сможете, так и приходите.

Теперь Кэлкэтт с любопытством приглядывался к схеме, пытаясь уяснить назначение каждого блока. Разделительный каскад, фильтрующий, преобразователи импульсов... Ого! Не меньше десятка стереофонических микрофонов.

— У вас почище, чем на телестудии, — Джон ткнул в схему пальцем. — И все будете подключать?

— По мере необходимости, — скрыл истину за общими словами психобионик. В его планы не входило выдавать особенности стерегущей системы. — Видишь ли, люди часто во сне разговаривают... Влияют на сны и посторонние звуки, а это важно для расшифровки...

Стерегущая система была последним словом науки и техники института психотерапии, и могла записывать не только восприятия спящего человека, но и бодрствующего, а значит практически воспроизводить течение его мысли при соответствующей индивидуальной настройке. Она могла буквально произвести революцию в изучении психических заболеваний, но, как всегда бывает в таких случаях, военное ведомство и ФБР не замедлили воспользоваться ее свойствами для проверки лояльности, а потому ограничили к ней доступ. Она не применялась даже там, где могла действительно оказать неоценимую услугу, — в следственных органах. С ее помощью не составляло труда на допросе распознать любого преступника. Мало того, она могла расшифровать мотивы, место и даже, при хорошей зрительной памяти преступника, воспроизвести в записи сам процесс преступления, но... даже институт пользовался стерегущей системой в исключительных случаях, с соблюдением всех предосторожностей об утечке информации. Поэтому окончательный монтаж системы, в том числе и подключение специальных датчиков, Тронхейм завершил уже после ухода техника.

Переодевшись, Эрих направился в бар. Фильм уже начался, и в баре было совсем пустынно. Выцедив кружку пива, Тронхейм побрел в свой номер. Сняв с транспортера ужин, он уже собирался основательно подкрепиться, но вдруг вспомнил совет Рея О'Брайена. Эрих включил анализаторы и тщательно исследовал каждый кусочек мяса, жареного картофеля и огурца. Продукты не имели и следов каких-либо наркотиков или других сильнодействующих веществ. Он успокоился, но мысль о каком-то воздействии извне не оставляла его. Поел без всякого аппетита. Посмотрев вечернюю программу по телевизору, Тронхейм настроил стерегущую систему и улегся спать.

Изображение то становилось призрачным, как сквозь кисею, то проступало отчетливо, будто отснятое киноаппаратом и тогда можно было разобрать и лица прохожих, и марки проплывающих бесшумно авто-

машин, и даже рекламные вывески на зданиях. Идущий человек остановился. Ближайшая машина круто повернула на него. Человек отпрыгнул в сторону и скрылся за круглой афишной тумбой, но машина изогнулась, словно каучуковая и юркнула следом. Взгляд человека упал на пожарную лестницу, и он судорожно принялся карабкаться по ней. Машина фыркнула и, как кошка, прыгнула на отвесную стену. Задышавшись, человек лезет все выше, и вдруг из окна высунулась огромная черная рука и схватила его за рубашку... Он сорвался с лестницы и начал падать в бесконечную пропасть. Раздался сдавленный глухой вскрик. Изображение исчезло.

— Ну как?

Кэлкэтт покрутил головой.

— Послушайте, док. Вы меня не дурачите? Что-то я не слыхал о цветных снах.

— Сам не подозревал у себя таких способностей, а вот, как видишь... Обычно цветные сны видят люди с очень возбужденной психикой. Иногда они возникают под влиянием наркотиков.

— Ну, а крик?

— Кричал я. Во сне. Синхронная запись по звуковому каналу. А вы, Кэтти, тоже спите без сновидений?

— Почему же? У меня бывают почти каждую ночь, только не такие, — девушка зябко повела плечами. — От таких можно умереть со страху.

— Как видите, я живой, — улыбнулся психобионик.

— Так то вы, — Кэтти поднялась. — Пойдем, Джон. Мистеру Тронхейму, наверно, надо работать.

— Сидите. Сейчас приготовлю кофе.

Но гости поспешили уйти, оставив Тронхейма с собственными невольными мыслями. Как психолог, он знал, что наиболее сильное воздействие на нервную систему мог оказать гипноз, особенно ночью. Монтируя стерегущую систему, Эрих рассчитывал установить каналы подобной информации, так как по ночам казалось, что кто-то непрерывно шепчет ему на ухо. Вот снова ничего.

Дня два Эрих изучал космобиологическую обстановку станции.

Такие обследования проводились и раньше. Тронхейм проверил все показатели сна. Никаких аномальных отклонений не оказалось. Эрих поднялся из-за стола. Все. Не осталось ни одной непроверенной версии. Даже Анри Фальк со своей гипотезой света и тени оказался неправ. Правда, есть еще версия Рея О'Брайена. А если действительно источник болезни — биолог и директор станции профессор Лумер? Не потому ли все трепещут при одном упоминании его имени? А настойчивые советы Элси уехать со станции, ее испуг? Какая-то логика в этих рассуждениях есть!

Эрих положил на стол психограммы мисс Лумер, Лемберга, Келвина и свою. Две первых различались по незначительным деталям. У Лемберга срезанность пиков была менее выражена, чем у Элси, но у обоих, в большей или меньшей степени блокировано по два, три нервных центра, тогда как у Келвина и Тронхейма семь, восемь! Значит, прогресси-

рование болезни зависит и от степени торможения нормальной деятельности нервных центров и от самого количества блокируемых центров. Но возможен ли такой узкий спектр избирательности воздействия при применении химических веществ? На этот вопрос можно ответить определенно — нет. Те же наркотические средства воздействуют на все центры нервной системы. Из всех известных методов влияния на психику избирательностью обладает только гипноз, но если это так, почему гипнотическое воздействие Лумера не улавливает стерегущая система?

Эрих вздохнул. Нет, так можно забраться в дебри подозрений, не имея никаких улик, тем более, что никто из больных не жаловался на плохое отношение со стороны директора станции. И вдруг его поразила простая мысль: он стирает память! Ведь Келвин боялся! Астронома бросало в дрожь при одном упоминании имени Лумера! И садовник сразу же после визита Тронхейма к профессору стал жаловаться на провалы памяти! Так, допустим такую версию: каким-то неизвестным науке способом Лумер расправляется со своими противниками, лишая их рассудка, а чтобы не вздумали жаловаться, стирает их память. С нужными людьми он поступает по-другому. Просто подавляет волю и память. Если это не дикий бред, то такая версия легко объясняет все случаи. Тронхейм поднялся и взволнованно заходил по комнате, анализируя свои отношения с Лумером. С самого начала они складывались неудачно. Лумер был корректен, вежлив, но старательно избегал с ним общения. С какого же момента начался разлад? Наверное, с разговора о Келвине и садовнике. Эрих полистал записи. Все сходилось: первая ночь с неприятными снами, потом эта внезапная потеря памяти садовником и дальше хуже с каждым днем. Эрих тряхнул головой, стараясь дать своим мыслям другое направление.

Второй день не показывалась Элси. Не отвечала она и на вызовы. Правда, у нее сейчас работы по горло: Келвин так и не дождался приезда планетохода. Буйное помешательство. Все получилось, как и предполагал Тронхейм. Впрочем, и сам он недалеко от этого. Хотя его последняя психограмма не зафиксировала угрожающих отклонений, но болезнь прогрессирует, и кто знает, сколько он сможет продержаться... Эрих усмехнулся, вспомнив о жетоне, который давал ему право неограниченной власти на станции. Что он сможет седлать без доказательств? Получить хотя бы крошечную зацепку, узнать хотя бы намек от самого Лумера.

— Хм! — Тронхейм загадочно улыбнулся новой, пришедшей ему мысли и сказал вслух: — А почему бы и нет!

Он включил и настроил стерегущую систему, заглянул в картотеку и, сняв параметры, сделал подстройку. После этого он сел в кресло к видеофону. Набрал номер кабинета директора станции, он принял деловой, озабоченный вид. Но экран видеофона был темен и пуст. Эрих вызвал центральный пост.

— Кэтти, детка. Соедини меня с профессором. На мои сигналы никакого ответа.

— Видите ли, мистер Тронхейм, директор просил его не беспокоить.

Завтра он уезжает, и ему надо привести в порядок отчет.

— Как уезжает? Он же должен пройти профилактический осмотр!

— Не в моих силах нарушить приказ директора станции.

Эрих был раздосадован, что его блестящий план рухнул. Он прикидывал последствия отъезда профессора. Что это? Передышка в бою или Лумер хочет иметь алиби, если психобионик скоропостижно отправится в больницу?

— Мистер Тронхейм, вы еще что-нибудь хотели узнать?

Эрих поднял голову. Он забыл выключить видеофон.

— Нет, Кэтти. Хотя, если не секрет, профессор едет в Луна-город?

— Да, конечно.

— Каким способом?

— Рейсовой машиной, мистер Тронхейм.

— А разве она пришла?

Кэтти сдержанно улыбнулась его удивлению.

— Об этом, наверное, не знаете только вы. Мы давно изучили расписание. Вам прислать?

— Не нужно, Кэтти. У меня где-то было. А кто приехал?

— Никого. Оборудование, почта.

— Я имею в виду водителя.

— Рей О'Брайен.

— Рей — Эрих подпрыгнул в кресле. — Вот олух! Как же я об этом забыл!

— Вы ждете писем? Для вас нет.

— Спасибо, девочка! Я побежал. Рей обещал подвезти кое-что из оборудования.

Тронхейм выключил видеофон и чуть не бегом отправился в гараж.

Машина рейсового планетохода высилась, как скала, среди легких приземистых экспедиционных машин ближнего радиуса. Нигде ни души. Видимо, никто сегодня не выезжал, и техники, закончив осмотр рейсовой машины, разбрелись по номерам. Эрих, стоя среди безмолвных механизмов, пытался сообразить, куда мог задеваться О'Брайен.

— Здорово, док! Вы еще не свихнулись?

Тронхейм обернулся. Ну, конечно. Рей выглядывал из люка своего планетохода.

— Начинаю. А что?

— Вы серьезно? — О'Брайен выпрыгнул из люка и, подойдя, обеспокоенно оглядел Эриха с ног до головы. — Шутите, док?

— Увы, — психобионик грустно усмехнулся. — Первые симптомы налицо. Поэтому я и хотел поговорить с тобой.

— Слушаю, док.

— Мне кажется, я мог бы разобраться, в чем дело, но не успею. Ты говорил, что всегда возишь запас провизии.

— Есть, док, понимаю.

— Я тебе заплачу.

— Что вы, я не наживаюсь на беде. Нас обеспечивают бесплатно. Дня на три оставлю себе, остальное могу выгрузить. Неделю продержитесь.

— Спасибо, Рей. Я только на тебя и надеялся.

— Я сразу понял, док, что у вас будут неприятности. Мне никто не верит. Ешьте только фрукты. Все остальное ненадежно.

— Боюсь, Рей, что вы в чем-то, действительно, правы. Во всяком случае, следует попробовать.

Вечером Эрих перетаскал продукты в жилую комнату номера. Рей рассчитывал на свой аппетит. Потребности Тронхейма не шли с ним в сравнение, и психобионик, при необходимости, мог продержаться до завершения своих исследований. Настроение его улучшилось настолько, что он позволил себе плотный ужин: полбанки тушенки с сухими хлебцами и пару свежих огурцов из запасов Лумера, которые предварительно осмотрел с помощью лупы.

Ночью Эриху снился Иеллоустон, где он побывал однажды. Он бродил во сне по парку и рядом с ним была его Лерлин. Тронхейм ощущал мягкость травы, вдыхал запах секвойи, слышал горячее бульканье гейзера и чувствовал прохладу руки Лерлин. Он проснулся и выключил ночник. Его жилая комната казалась нереальной в полумраке по сравнению с необычайно отчетливым, с полной гаммой ощущений сном. Эрих зажег верхний свет и поднялся. Тоска по Земле становится невыносимой. От нее один шаг к ностальгии... Похоже, что дело все-таки не в еде. Тронхейм достал записи и снова внимательно посмотрел свой рацион за последние две недели. Никакой закономерности не улавливалось. Закрепив датчики, снял с себя свежую психограмму. Да, тревожные симптомы усилились, блокада нервных центров расширилась. А если все-таки еда? Надо решительно исключить из рациона все, даже фрукты и овощи, иначе чистоты опыта не добьешься. Он прилег несколько успокоенный, но снова ему отчетливо грезились зеленые поляны, синее небо и платье невесты...

Утром Тронхейм доел тушенку, а заказанный завтрак снял с транспортера, и, записав рацион, выбросил в мусоропровод. После бредовой ночи его шатало, но Эрих пошел в служебные комнаты. Работа не клеилась. Он просмотрел свои сны еще раз, удивляясь невероятной четкости изображения. Как и прежде, никаких посторонних звуков не записалось...

Эрих достал несколько таблеток от головной боли и запил их холодным черным кофе. Какая-то назойливая мысль мешала сосредоточиться, но он никак не мог ее уловить. Настроив стерегущую систему на восприятие бодрствующего состояния, Тронхейм расслабился, надеясь потом уловить проскользнувшую мысль по записи. Взгляд упал на карточку Лумера, которую он забыл убрать со вчерашнего дня. Повинуясь произвольно возникшему желанию, он машинально перестроил систему по его индексам. Неожиданно мелькнула индикаторная лампочка. Психобионик затрепетал, как охотник, заметивший редкую дичь, и повернул вереньер подстройки. Зашелестели створки дверей. В комнату вошел профессор Лумер. Взгляд его скользнул по новой аппаратуре и остановился на Тронхейме. Эрих поежился, почувствовав себя на секунду подопытным животным, проверить состояние которого профессор зашел перед отъездом.

— Вы неважно выглядите. Плохо спали?

— Да, начинают пошаливать нервы.

— Вам следует уехать с нами. Я могу задержаться на полчаса. Соберите основные материалы, а аппаратуру вам доставят после.

— Я еще не закончил работу.

— У вас есть вполне благопристойный предлог. Надо кому-то сопровождать Келвина.

— С этим справится Элси. Тем более, у нее опыт.

— Она, к сожалению, занята.

— Благодарю за предложение. Я все-таки постараюсь закончить работу, — усмехнулся Эрих, нарочито подчеркивая слово «постараюсь», но Лумер никак не прореагировал на вызов.

— Ну, как знаете, — пожевал губами профессор. — Не могу настаивать. Что-нибудь передать вашему шефу?

— Нет, ничего. Разве что, — Эрих посмотрел прямо в глаза Лумеру. — У меня есть твердая уверенность: причина болезни не имеет ничего общего с условиями жизни на станции Коперник.

Но и на такой прямой выпад Лумер не прореагировал. Он обещал передать сообщение дословно и ушел спокойной неторопливой походкой. Мигнула и погасла лампочка индикатора. Эрих устало поднялся и заблокировал двери. С трудом преодолев желание немедленно послушать невысказанные мысли профессора, он немного послонялся по номеру и решил в ожидании отъезда Лумера выспаться. Сон принес некоторое облегчение. Хотелось есть. Тронхейм открыл банку колбасы и съел ее всю без остатка. Выпив горячего кофе, он снова ощутил способность мыслить логично. Удобно устроившись в кресле, Эрих пустил запись.

...Военное ведомство ухватится обеими руками. Воспитанный лояльный солдат — мечта любой армии. Нет, пожалуй лучше Фатерлянду... Его номер... Ну-ка, как наш кролик...

В динамике слышалось шуршание дверных створок. Тронхейм отключил воспроизведение записи посторонних шумов звуковыми каналами, и в тишине отчетливо слышались хриповатые металлические слова — модулированный стерегущей системой перевод воспринятых биотоков:

— Ого, что-то новое. Надо будет посмотреть, когда он... ВЫ НЕ-ВАЖНО ВЫГЛЯДИТЕ. ПЛОХО СПАЛИ?

Эрих вздрогнул от неожиданности, но быстро сообразил, в чем дело, и улыбнулся. Конечно, человек думает и произносит одновременно.

— Ага, я думал, ты посильней... Может, согласится?... Лучше спрашивать... надежнее... ВАМ СЛЕДУЕТ УЕХАТЬ С НАМИ. Я МОГУ ЗАДЕРЖАТЬСЯ НА ПОЛЧАСА. За полчаса такую махину не демонтируешь... СОБЕРИТЕ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, А АППАРАТУРУ ВАМ ДОСТАВЯТ ПОСЛЕ, когда мы разберемся, чем она грозит...

Запись прерывалась небольшими паузами, вызванными, очевидно, ответами Эриха. Психобионика несколько смущало это обстоятельство. Он, как и многие другие исследователи, считал, что мышление — процесс непрерывный. Эрих включил синхронизируемую запись.

— Я еще не закончил работу, — услышал он свой ответ. Пауза точно соответствовала по времени произнесенной фразе. Психобионик решил, что пауза в мышлении связана с переключением внимания на содержание ответной фразы, особенно если требуется расшифровать ее подтекст.

— Смотри ты... Топорщится еще... У ВАС ЕСТЬ ВПОЛНЕ БЛАГОВИДНЫЙ ПРЕДЛОГ. НАДО КОМУ-ТО СОПРОВОЖДАТЬ КЕЛВИНА. Кажется, сболтнул лишнее... Не стоило настораживать...

Эрих снова выключил звуковую запись, так как произнесенные Лумером слова и модулированные, несколько смещенные по фазе, накладывались друг на друга.

— Ну да... Оставь тебя здесь без присмотра... ОНА, К СОЖАЛЕНИЮ, ЗАНЯТА. (Пауза). Вряд ли успеешь, любитель огурцов... Забавно, надо же так... НУ, КАК ЗНАЕТЕ. НЕ МОГУ НАСТАИВАТЬ. Хороший ход... Чтобы не подумал... ЧТО-НИБУДЬ ПЕРЕДАТЬ ВАШЕМУ ШЕФУ? (Пауза.) Неужели подозревает? Не он первый... Интересно, до возвращения продержится?... ХОРОШО, Я ПЕРЕДАМ ВСЕ ДОСЛОВНО. Ну что же, здесь все в порядке. Скажу Корренсу, чтобы не торопился отзывать... Интересно, что он... Нет, чепуха... Элси...

Эриха трясло, как от сильного озноба. Значит, он все-таки правильно угадал, что Лумер зашел взглянуть на него, чтобы определить степень расшатанности нервной системы. Насколько должен быть уверен человек в своей безнаказанности, если он специалиста-психолога, прибывшего выяснить причину психических заболеваний, делает объектом своих экспериментов, превращает его в подопытного кролика! Но как он достигает результатов? Какими средствами? Ясно, что это не наркотики и не гипноз... Что-то абсолютно новое. Эрих сдвинул ладонями виски. Выпить бы чего-нибудь! Как не догадался спросить у Рея! Течение мыслей прервал зуммер. Тронхейм встал и пошел открывать двери. У входа стояла раскрасневшаяся Элси.

— Коньячку хочешь?

— Как воздуха!

Она слегка качнулась и переступила порог. Тронхейм поспешно закрыл за ней двери.

— Ты уже хватила?

— Милый! Я еле держусь, но все будет хорошо. Ох, как хорошо! Пей.

Она протянула бутылку. Эрих налил в кофейную чашку и выпил. Отдышавшись, налил еще.

— Пойдем в мою комнату. Надо хоть чем-нибудь закусить.

Они прошли в спальню, где не было никакого оборудования, если не считать микрофонов и датчиков стерегущей системы. Тронхейм распечатал банку бобов со свиной, подогрел их в калорифере, открыл компот.

— Ну вот, теперь можно беседовать с бутылкой на брудершафт! — сказал он, смеясь.

Элси пренебрежительно хмыкнула и плеснула себе в чашку коньяку. Они выпили. Напряжение спадало, что-то начало оттаивать в изнурен-

ной психике Тронхейма. Элли тыкала вилкой в банку с компотом, пытаясь пронзить плавающий абрикос, и беспричинно смеялась. Глядя на нее, засмеялся и Эрик. Он взял ее за непослушную руку и с его помощью упрямый фрукт был извлечен. Чем меньше оставалось в бутылке, тем больше возрастало их неуправляемое веселье...

Утром Тронхейм обнаружил в своей кровати спящую рядом Элли. Он не помнил, что было ночью, просто ему было необыкновенно спокойно от ее присутствия. Переполненный новым для него чувством, он благодарно прижался губами к ее мягкому плечу. Элли пошевелилась и открыла глаза.

— Мы еще спим?

— Если это сон, то прекраснее его я не видел с тех самых пор, как у меня появились сновидения.

Элли счастливо засмеялась.

— Эрик, я тебя не узнаю. Серьезный человек и вдруг комплименты.

— Какие к черту комплименты! Я сегодня снова ощущаю себя человеком. Не знаю, правда, кто в этом больше повинен: ты или коньяк?

— Ну, если допустить, что я, то как же твоя невеста? — Не удержалась от шпильки Элли.

Тронхейм поморщился.

— Слушай, ты же умная. В нашем дурацком положении такая разрядка жизненно необходима. Как мне, так и тебе. Или только я так думаю?

— Нет, — вздохнула Элли и погладила его по волосам. — Ты правильно думаешь, психолог. Мне тоже нужна хорошая встряска. После таких приключений я, как ни странно, прихожу в себя и могу вести вполне добropорядочный образ жизни.

Весь день Эрик пребывал в хорошем расположении духа, несмотря на некоторую слабость и головную боль. Вечером, просмотрев одну из телевизионных программ с Земли, он расстелил постель и принял ванну. Перед сном Тронхейм внимательно проштудировал свой рацион питания с начала приезда и еще раз прослушал последнюю запись стерегущей системы. Анализируя каждую недосказанную фразу, он пытался вникнуть в их сокровенный смысл и определить, в чем кроется угроза. Не сомневаясь теперь, что система воздействия на организм работает и в отсутствие Луммера, психобионик интуитивно угадывал какую-то связь с рационом питания, но никакой ассоциации, никакой догадки о методе воздействия скрытые мысли Луммера не вызывали. За этим занятием и застала его Элли.

— Ты предусмотрителен, как все немцы, — сказала она, увидев расстеленную постель.

Эрик смешался и покраснел.

— Клянусь, даже не думал, что ты придешь!

— А... — махнула она рукой. — Воспользуемся предоставленной свободой.

На столе появились две бутылки.

— Не много ли будет? — с сомнением взглянул на них Тронхейм.

— Сегодня увеличенная доза, завтра половинная, и курс лечения будет завершен. Лекарство горькое, мистер, но дает положительные результаты.

— Хм. Тогда надо делать по науке, — улыбнулся Эрих. — Перед приемом лекарств прошу в лабораторию, снимем с больных психogramмы.

Элси поколебалась, но пошла вслед за ним. Настроив аппаратуру, Тронхейм неторопливо посматривал на выползающий медленно график. В нем явно пробивались свежие ростки — небольшие пики на сглаженных вершинах.

— И давно ты заметила, что алкоголь снимает проявления болезни? — спросил он с любопытством.

— Не помню. Просто после сопровождения больных на центральную базу всегда ощущаешь потребность напиться. А потом становится легче.

— Да, в этом что-то есть. А ты не пробовала лечить таким способом своих пациентов?

Элси покачала головой.

— Ты не подумай, что мне жалко. Просто если бы узнал отец... В общем, не хотелось подвергать опасности свои запасы. Все-таки — сухой закон. И потом это действует временно.

— А почему ты не уедешь отсюда?

— Не хочется оставлять отца одного.

— Да, все это достаточно сложно, — в раздумье проговорил Эрих. — Ну, так, может, приступим к лечению по рецепту многоуважаемой мисс Лумер?

К середине ночи Элси с презрением отодвинула компот.

— Коньяк надо пить по старинному способу, с кислым лимоном. В крайнем случае, сгодятся яблоки.

— Сойдет, — пробурчал Эрих, дожевывая консервированный сыр.

— Ну уж нет! Я все-таки здесь хозяйка, — Элси порылась в сумке и извлекла связку ключей. — Вот, пошли.

— Куда?

— В оранжерею. Выберем по собственному вкусу.

— Элси! Ты сошла с ума! — трезвея, всполошился Тронхейм. — В таком виде? А если кто-нибудь встретится?

— Не беспокойся, — она сунула ему в руки ключи. — Дрыхнут в своих норах, как суслики. А если и увидят, не пикнут. Отец не жалует донощиков!

Уговоры не помогли. Элси настойчиво тянула его в оранжерею, и Эрих сдался. Не очень твердо ступая по полу и посмеиваясь над собственной неловкостью, они прошли по пустынному коридору и оказались в тупике. Привычно набрав шифр, Элси шагнула в открывающиеся двери и чуть не упала на пороге. В просторной ухоженной оранжерее все было разделено на секции. Каждая секция, отделенная светонепроницаемой перегородкой, жила своей, привычной только для нее, жизнью.

В секции цитрусовых было жарко и влажно. Невысокие мандариновые деревья натруженно пригнули ветви, увешанные крупными, но зелеными плодами. Зелеными оказались и лимоны. С трудом отыскав полузрелый грейпфрут, они двинулись дальше. В одной секции яблони только цвели, в другой зеленела завязь, в третьей деревья стояли голые: у них едва начали набухать почки. Элси потеряла рукой висок.

— Забыла. Яблок уже нет. Давай прихватим помидор.

— И свежих опурчиков, — высказал свое желание Тронхейм.

Нагруженные помидорами, они переходили из одной секции в другую, но в одних огуречные стебли имели по три-четыре настоящих листа и даже не пускали усы, в других стебли были собраны в кучи.

— Подожди, — остановилась, вспомнив, Элси. — Ведь у папки есть опытные гибридные формы. Мы осторожно сорвем несколько. Все равно у него их много.

Они прошли в самый дальний конец оранжереи. Элси остановилась у наглухо изолированной секции и потребовала ключи. Открыв дверь, они оказались в яблоневом саду. Здесь зрели отличные отборные плоды.

— Ну вот. Это подходит.

Яблоко пришлось рассовывать по карманам, так как руки Эриха были заняты помидорами.

— Хватит, не увлекайся, — сказал он, прикинув, что Элси в своем усердии может сорвать больше, чем они смогут унести. — Надо оставить место под огурцы.

— Трусишка ты, — по-своему его поняла мисс Лумер. — Стоишь у раскрытых дверей... Не бойся, сейчас я здесь хозяйка!

— Ладно, хозяйка, — насмешливо протянул Эрих. — Нести сама будешь. Я нагружен по завязку.

Нужную секцию они нашли по соседству. Здесь было царство переплетенных стеблей с яркими желтыми цветами и гроздьями нежных пупырчатых огурцов.

— За этими секциями папа ухаживает сам, — сказала Элси, осторожно снимая с плети опурцы.

— Ну? — удивился психобионик и, пошатнувшись, ухватился за ручку двери. Раздался щелчок. Дверь захлопнулась. И стало чуть темнее, словно при закате солнца. Явственно послышался шепот:

...и прекрасна Земля, где нет подземных переходов, где воздух чист и прозрачен, а в сосновом бору напоен ароматом смол и хвои. Можно лечь на траву и слушать пение птиц. Можно дышать полной грудью, не боясь, что испортятся кондиционеры и ты будешь умирать медленной смертью от душья. Сначала почувствуешь, как воздух станет тяжелым, потом будешь жадно хватать ртом остатки кислорода, рвать одежду и медленно терять сознание...

— Что за чушь! — засмеялся Эрих. — Говорящие огурцы!

Его смех как будто разбудил Элси. Она рванула платье на груди.

— Спасите! Я задыхаюсь! — закричала она диким голосом и упала на колени. Сорванные опурцы выскользнули из рук и покатались под стеллажи.

Тронхейм судорожно нажал на ручку и распахнул двери. Схватив Элси под мышки он выволок ее в коридор. Чувствуя себя, как нашкодивший школяр, Эрих быстро собрал раскатившиеся огурцы и оглянулся: несмотря на опьянение, он понимал, что посещение опытных секций, святая святых мистера Лумера, может ему дорого обойтись. Все оставалось в прежнем порядке, не выдавая их кратковременного набега. И тут его поразила мертвая тишина. Он захлопнул дверь. В секции снова потемнело, и раздался тот же приглушенный гипнотический шепот... На этот раз монотонные слова о смерти, ужасе одиночества в замкнутом пространстве станции вызвали совсем иную реакцию. Его охватила жуть, и он поспешно выскочил из секции.

Мисс Лумер постепенно оправлялась от психического шока. Он помог ей подняться. У нее было состояние человека, перенесшего огромное физическое напряжение: сбивчивое нервное дыхание, разгоряченное тело с выступившими капельками пота и красное, пылающее лицо...

— Что со мной случилось?—глухо спросила она, отдышавшись.

— Не знаю, — хмуро произнес Эрих. — Какой-то шепот, а потом...

— Шепот? Ах, шепот... Тот самый шепот по ночам, — она содрогнулась. — Пойдем отсюда, мне страшно.

Так никого и не встретив по дороге, они вернулись в номер. Слово сговорившись, одновременно протянули руки к коньяку. Элси криво усмехнулась.

— Ну вот, даже одинаковые желания у нас возникают одновременно.

— Хороший ты человек, Элси, — сказал Тронхейм, разливая коньяк, — но мне кажется, твоей нервной системы не хватит надолго при таком образе жизни. Какой-то старческий шепот вызвал у тебя шок, а что будет дальше?

— Эрих, не шути, пожалуйста. Этот старческий, как ты говоришь, шепот — голос отца. Не знаю, какие он там проводит эксперименты, но мне почему-то стало плохо... Давай выпьем, и не будем больше об этом.

— Пожалуй, — согласился Тронхейм. — Так ты говоришь это голос отца?

— Мы, кажется, договорились...

— Да, да. Но все так странно...

Утром Эрих еле поднялся. Головную боль не сняли ни процедуры, ни горячий кофе. Овощи и фрукты остались нетронутыми: слишком сильное впечатление произвели ночные события. Тронхейм рассказывал по комнате, стараясь сосредоточиться и осмыслить вчерашние факты. Наконец из клубка событий и фактов потянулась тонкая нить. При всем разнообразии свежих овощей в его рационе были одни огурцы. А ведь вчера он убедился, в основной теплице цикл плодоношения их кончился. Значит, они попадали к нему из той, опытной секции. Говорящие огурцы! Скажи кому-то, сочтут сумасшедшим. Но возможен ли этот бред в принципе? Прежде всего надо уточнить причастность Лумера. Эрих подошел к видеофону и набрал шифр кухни. На экране возник пожилой полноватый мужчина с усталыми припухшими глазами.

— Вам индивидуальный заказ, мистер Тронхейм?

— Простите, нет, — улыбнулся Эрих, узнав одного из своих пациентов. — Мне хотелось бы узнать, как составляется рацион питания сотрудников станции.

— Это целая наука, мистер Тронхейм, но в практике подбираем тридцать—сорок блюд на месяц. Последовательность их рассчитывает кибермашина. Она же ведает потом распределением по номерам готовой продукции.

— Значит, повторяемость блюд, насколько я понял, контролируется киберавтоматом? Значит, и овощи тоже...

— О нет! С овощами несколько сложнее. Те из них, которые не употребляются в сыром виде: картофель, свекла и прочие, поступают на кухню, остальные, в том числе и фрукты, распределяются непосредственно с оранжереи.

— Значит, прямо с грядки к столу потребителя, — пошутил Эрих.

— Зачем же, там есть накопители, в которых соблюдаются оптимальные условия хранения.

— И простите, последний вопрос. Распределением овощей и фруктов тоже ведает ваш кухонный кибер?

— Нет, в оранжерее есть свой. Он рассчитывает и программу работ: поливки, подкормки. Если потребуется, в программу вносит свои коррективы профессор Лумер.

— Очень признателен вам за разъяснения.

Выключив видеофон, Тронхейм прикрыл рукой глаза. Раньше свечение экрана не вызывало такого раздражения. Ослабление нервной системы налицо. И причастность Лумера подтверждается. Психобионик чувствовал, что не хватает главного в этих предположениях — реальной научной основы. Предъявлять обвинения Лумеру на основе такой фантастической гипотезы, как говорящие огурцы — несерьезно. А что делать? Как проверить? Никакой плодотворной мысли не появлялось. Разговор о рационе напомнил ему о том, что наступило время подкрепиться. Эрих прошел в жилую комнату. На столе все еще лежали горкой вчерашние овощи и фрукты. Неужели именно в них заключен гипнотический яд, который не улавливается никакими анализами? Почему же нет? Ведь Лумер занимался подобными проблемами и до прибытия на Луну. Если допустить, что клетки растения усваивают информацию, а такая возможность не лишена смысла: ведь и клетки нашего мозга организованы подобным же образом, то... При таком допущении все разрозненные события и факты соединялись в единую цепь. Да, Лумер, автор нашумевших в свое время открытий о воздействии звуковых волн на жизнедеятельность растений, но он и талантливый селекционер, следовательно, мог в значительной степени улучшить восприимчивость растений к звуковым колебаниям и даже воспитать у них способность к аккумуляции их. Нет, такой вариант не лишен логики. Труднее с доказательствами. Многочисленные психические заболевания на станции? Слишком щекотливый вопрос и потому будет выглядеть неубедительно. Можно провести эксперимент в присутствии компетентной комиссии, но прежде эту комиссию надо заинтересовать, убедить. Для этого

нужны противоположные факты. Стоп! А яблоки! Те самые яблоки, которые регулярно отправляла с Луны на Землю мисс Лумер своему кузену, и у того прорезались математические способности! А садовник! Еще один пример положительного воздействия, причем под руками. Тронхейм забыл о головной боли. Ага! Яблоки оказывают стимулирующие действия на аналитические способности! Эрих схватил со стола самое крупное и надкусил. То самое, с шафранным привкусом! Он съел несколько штук, прибрал комнату и заказал обед. Впервые с легким сердцем похлебал горячего супу, уничтожил сочную отбивную и только пару свежих огурцов сунул в пластиковый пакет, вместе с сорванными вчера в опытной секции, и убрал в термостат. Они могли пригодиться для эксперимента перед комиссией, если Лумеру удастся уничтожить урожай в опытной секции до приезда комиссии.

Вздремнув после обеда, Тронхейм снова был полон сил и энергии. Сognaв душем остатки сонливости, он вызвал мисс Лумер.

— Как ты себя чувствуешь, Элси? — спросил он, вглядываясь в изображение на экране.

— Болит голова и вообще все отвратительно...

— Зайди, у меня завалилось патентованное лекарство от головной боли.

— Серьезно? И помогает?

— Вполне. Можешь судить по мне.

— И ты до сих пор не предложил?

— Я даже не догадывался, что оно у меня есть.

— О, господи, что ты за человек! Ну, я сейчас.

В ожидании Элси Тронхейм снял с себя психограмму. График оказался вполне удовлетворительным, и психобионик даже потер руки от удовольствия. Похоже, что он прав, но главное — факты и факты. Эрих вызвал наугад несколько своих пациентов и попросил прийти на прием. Потом договорился с Лембергом и Кэлкатом о встрече после работы. Теперь надо было продумать возникшую идею в деталях, но в это время распахнулись двери и вошла Элси.

— Болит? — сочувственно оглядев ее, спросил Эрих.

— Ужасно. Голова раскалывается.

— Ничего, сейчас подлечим.

Тронхейм ушел в жилую комнату и принес пару яблок.

— Ешь яблоки, Элси. Это полезно для твоего организма.

— Дай сначала таблетки, — простонала она. — Да я и не люблю их.

— Придется полюбить. Яблоки и есть твоё лекарство.

Мисс Лумер вспыхнула и поднялась с кресла.

— Ты позвал меня поиздеваться?

— Ну, ну, Элси, — Тронхейм ласково усадил ее обратно. — Я слишком хорошо сознаю твоё состояние, чтобы допустить глупую шутку. Поверь мне, после этих двух яблок тебе станет намного легче. Конечно, не сразу. Через час, через два...

— Не понимаю.

— Все очень просто. Яд и противоядие. Как в старинной сказке про маленького Мука. Что ты обычно ешь из овощей? Огурцы?

— Нет, я люблю помидоры.

— Да, прости. Конечно, не огурцы. Он не мог тебя кормить огурцами. Ты и сегодня ела помидоры?

— Допустим, но в чем дело? Ты говоришь загадками.

— Помидоры, которые ты ешь, подавляют твою волю и память. Мисс Лумер закрыла лицо руками.

— Я ничего не понимаю. Ты меня зачем-то пугаешь, — в ее голосе явственно послышались слезы.

— Элси, успокойся, пожалуйста. Возможно я неправ. Помидоры, начиненные гипнотическим ядом, к тебе, наверное, попадают нечасто. И съешь эти превосходные, великолепнейшие яблоки, которые так обожает свой кузен Альфред. Я правильно назвал его имя?

Она вздохнула, вытерла глаза платком и принялась за яблоки.

— А теперь, — дорогая — сказал он, когда с фруктами было покончено, — мы снимем психограмму. Не так ли?

Осторожно, как на капризном ребенке, Эрих установил датчики и включил прибор..

— Доктор, вы умеете читать эти закорючки? — спросил он, кладя перед ней только что полученный график.

— Немного могу, но у меня очень болит голова.

— Прости. Я совсем забыл. Знаешь, пойди приляг немного. Может, тебе удастся вздремнуть, а потом мы поговорим.

Устроив Элси на своей кровати, психобионик вернулся к своим записям, но поработать ему не удалось: зумер возвестил о приходе первого пациента. С каждым новым посетителем предположение перерастало в уверенность. Тронхейм убедился, что привилегией на огурцы пользовался он один. В конце дня в номер заглянул Джонни.

— Вы вызывали меня, док?

— Да, дружище. У меня к тебе маленькая просьба. Посмотри этот хлам в ящиках и, если можно, собери из этих блоков портативный магнитофон.

Кэлкэтт порылся в ящике.

— Я взял, что нужно. Через пару часов будет готово. Только я лучше буду работать в своем номере.

— Как хочешь, Джонни. Только, чтобы сегодня он был готов.

— Сделаю, мистер Тронхейм.

Кэлкэтт ушел. Эрих встал, потянулся. Он сегодня был явно удовлетворен прошедшим днем. Отступили ночные кошмары. Появилась вполне естественная рабочая гипотеза, которая, в общем, граничила с истиной. Он решил взглянуть, как чувствует себя мисс Лумер. Элси сидела за столом и с аппетитом ужинала. На отдельной тарелке лежала пара огурцов.

— Ты знаешь, я превосходно выпалась и так мне захотелось поесть, — она потянулась к огурцу. — Смотри, какие свеженькие...

Эриха бросило в жар. Он прыгнул, как дикая пантера, и вырвал огурец у нее из рук в то самое мгновение, когда она поднесла его ко рту.

— Ты с ума сошла! Это же говорящие! Они предназначались мне.

— Послушай! — Вскочила из-за стола мисс Лумер. — Мне надоело! Что за бред ты несешь?

— Как твоя голова? — не обращая внимания на ее горячность, ласково спросил Тронхейм.

— Проща... — недоуменно проговорила Элси, обескураженная его тоном. — Но ты мне объяснишь, наконец, толком? Без интригующих намеков? Все-таки я врач и...

— Объясню, дорогая. Немного позже. Ты поужинала? Тогда пойдем.

— Опять психограмму?

— Да. И ты напрасно улыбаешься. У меня это единственный способ убеждения, и прежде всего, тебя самой.

— А может быть, плюнем на них? Я схожу за бутылочкой, и мы прекрасно проведем последний вечер.

— Идея хорошая, тем более, что есть причина отпраздновать удачу. Я, кажется, набрел на причину психических заболеваний.

— Ого! Мы настроены оптимистически!

— Не веришь? Вполне понятно. Однако, начнем.

Сделав запись, он положил на стол две психограммы.

— Итак, милый доктор, кто-то говорил мне, что разбирается в психограммах... Первая была снята четыре часа тому назад. Посмотри, как сглажены пики вот здесь... Видишь? И здесь... Что это означает?

— Ну, подавление некоторых нервных центров.

— Не некоторых, Элси, а вполне определенных — памяти и воли. Теперь, как врач, скажи: какие заболевания могут вызвать такие отклонения?

— Непосредственные травмы этих участков мозга, злоупотребление алкоголем и наркотики. И, конечно, общие психические расстройства.

— Хорошо. Как скоро можно восстановить их?

— При правильном диагнозе в две-три недели.

— Тогда смотри вторую психограмму. Она снята сейчас, только что.

— Не может быть! Значит, я абсолютно здорова!

— Нет, не совсем. Пики хотя и выражены достаточно четко, но сидят на срезанных трапециях. Ешь яблоки, Элси!

— Очень странно, — задумалась Элси. — Если бы я не была свидетелем, не поверила бы в такое быстрое излечение, да еще с помощью обыкновенных яблок. А может, все-таки сказался коньяк?

— Нет, дорогая моя, у тебя сейчас состояние лучше, чем тогда, когда я тебя встретил в Луна-городе, но ведь и тогда мы пили коньяк, не так ли?

— И чем ты все объясняешь?

— Ты хорошо знаешь, какие эксперименты проводит твой отец?

— Примерно знаю. Воздействие звуковых колебаний на растения.

— И занимается селекцией сортов, наиболее восприимчивых к ним, — добавил Эрих. — Так?

— Пусть так, — согласилась Элси.

— А к каким последствиям может привести подобное воспитание растений?

— Улучшится урожайность, вкусовые качества... Не знаю, может быть, еще что-то...

— Вот именно, что-то еще! А это всего-навсего усвоение растениями различной информации и концентрации ее в плодах. Это естественно. Растение все лучшее отдает плодам!

— Ты считаешь, что отец мог вывести такие сорта, которые... — Элси запнулась, боясь высказать вслух мысль, показавшуюся ей слишком дикой.

— Да, — жестко ответил Тронхейм.

— Но это невозможно!

— А твой кузен Альфред, неожиданно обнаруживший математические способности? Не правда ли, странная прихоть посылать яблоки с Луны на Землю? Вся соль в том, что на Земле таких нет. Своим излечением ты тоже обязана им!

Элси задумалась. Психобионик не мешал ей. У мисс Лумер было значительно больше материала для размышлений. Она лучше знала и обстановку на станции и истории болезней, развивающихся на ее глазах, и многое другое, что следовало пересмотреть под другим углом зрения. Эрих понимал, что его единственный шанс убедить комиссию поставить эксперимент — ее поддержка, но пойдет ли она против отца?

— Это ужасно, что ты говоришь, — прервала молчание Элси. — Но настолько же фантастично, чтобы поверить.

У дверей замигала лампочка и загудел зуммер.

— Наверное, садовник, — прошептал Эрих. — Уйдешь в другую комнату?

— Да, пожалуй. От лишних разговоров.

Она тихо скользнула за дверь. Тронхейм разблокировал дверь.

— Проходите, мистер Лемберг. Как вы себя чувствуете?

— Благодарю. Прекрасно!

— Очень рад. А как насчет провалов памяти?

— После того случая не было. Я вам, доктор, премного благодарен за процедуры.

— Думаю, моя помощь была не главной, — усмехнулся Тронхейм. — Все зависит от пищи и здорового образа жизни.

— Справедливо заметил, доктор! Возьмите меня. Питаюсь я умеренно, работаю среди растений, а они, как известно, выделяют кислород. Значит, я и чувствую себя лучше, чем другие.

— А, простите за любопытство, какие овощи вы предпочитаете?

— Фрукты, молодой человек, фрукты, а не овощи! Я предпочитаю яблоки и не любой сорт, а шафранные. Я вот вам принес. Побалуйтесь. Лемберг выложил пакет с шафранными яблоками.

— Спасибо, — искренне обрадовался Эрих. — Весьма кстати! Извините за назойливость, а вот тогда, когда это у вас случилось... вы не ели овощей?

— Да, знаете, я съел пару помидоров. Наверное, мне прислали по ошибке. Мистеру Лумеру известно, что я не любитель овощей.

— Вы точно помните?

— Помилуйте, как же не запомнить! Я же говорю, произошла ошибка. Если мне что потребуется, я выбираю сам.

— Ну, а как ваша математика?

— Как ни странно, доктор, вы и здесь правы. Я буду просить мистера Лумера, чтобы он отпустил меня на пенсию. Денег я заработал достаточно. Вернусь на Землю и займусь решением мю-алгоритмов. Знаете, очень интересные задачи!

— Поздняя любовь самая сильная, — улыбнулся психобионик. — Вы пытались разобраться, откуда у вас возникли математические способности?

Старик задумался. Вздохнул. На лице его отразилось сомнение.

— Не сочтите меня сумасшедшим, но я бы сказал, отчасти здесь виноваты опыты мистера Лумера.

— Каким образом?

— Понимаете, в секции, где растут эти яблоки, у мистера Лумера установлены магнитофоны, которые передают вроде уроков математики. Очень толково объясняют. Это, знаете, вроде гипноза. Я очень много лет работаю. Хочешь, не хочешь — слушаешь. Наверное, повлияло. Правда, мистер Лумер, — заторопился Лемберг добавить, — всегда советует выключать их. В остальных секциях я так и делаю. Там другая программа. Иногда послушаешь, жутко становится. Там про Землю как начнет рассказывать, всю душу разбередит, хоть беги отсюда.

Эрих слушал не перебивая. Рассказ садовника просто клад. Если бы еще заручиться его помощью!

— Значит, у вас во всех секциях эти магнитофоны?

— Почему во всех? Только в опытных. Они у нас отдельно расположены. Мистер Лумер не любит, когда кто-нибудь там бывает. Так что, доктор, вы уж не выдавайте старика, не говорите никому про опыты.

Эрих кивнул. Он не собирался без нужды подставлять садовника под удар, но почувствовал, что союзника из него не получится.

Лемберг попрощался и ушел. Эрих заблокировал за ним дверь и выпустил Элси из убежища. Она выглядела расстроенной и задумчивой.

— Ну что? — спросил Тронхейм. — Нравятся тебе представления вполне объективного и достаточно осведомленного человека?

— Его слова ничего не доказывают, — тихо, но упрямо сказала Элси. — Ведь он воспринимает информацию непосредственно.

— Просто он не догадывался, что получал информацию не только извне, но и изнутри. Сам факт, что во всех опытных секциях установлены магнитофоны, говорит о многом.

— Ни о чем не говорит. Допустим, для опытов потребовались низкие частоты и использованы лекции по математике, записанные специально по программе обучения во сне. Ну и что же?

— Только то, что информация усваивается растениями и передается каким-то образом человеку, например, тому же Альфреду.

— А если просто совпадение?

— Хорошо бы. Но, к сожалению, у нас масса отрицательных примеров воздействия на психику. Те же говорящие огурцы! Им подготов-

лена такая программа, которая своей информационной нагрузкой тразмирует и подавляет нервную систему.

— Нет, не верю. Бред какой-то!

— Бред? Ну, это легко проверить, по крайней мере в отсутствие твоего отца.

— Хорошо. Пойдем, проверим.

— Пожалуй. Если не застанешь меня, подожди в номере. Я схожу к Джонни. Он обещал починить один блок.

Джон Кэлкатт выполнил свое обещание. Магнитофон оказался достаточно миниатюрным, чтобы поместить в кармане. Тронхейм проверил его возможности на различных расстояниях от источника звука. Запись получилась вполне удовлетворительной.

— Зачем вам такой маг, доктор? — спросил Кэлкатт, любуясь делом своих рук.

— Видишь ли, Джонни. У меня могут быть неприятности по службе, если я не буду предусмотрителен. Пожалуй, мне не избежать столкновения с директором станции, и лучше, если разговор будет записан.

— Охота вам связываться, док.

Эрих хитро сощурился.

— Что поделаешь? Как говорили древние греки: «Платон, ты мне друг, но истина — дороже!» А люди науки, как ты знаешь, все служители истины, хотя истину каждый понимает по-своему.

Мисс Лумер уже ждала в его комнате. На столе стояли две бутылки крепчайшего пуэрториканского рома.

— Решила сменить вывеску? Напрасно. Давай-ка съедем пока по паре яблок. Это надежно укрепит нашу нервную систему.

Элси задумчиво оглядела выбранное яблоко, как будто пыталась проникнуть в его клетки, наполненные, кроме приятного сока, несвойственной им информацией.

— Неужели это все-таки возможно?

Они прошли по коридору и, минуя основные порядки оранжереи, остановились у первой секции. Эрих незаметно пустил свой карманный магнитофон, подготовленный к записи. Звякнули ключи, дверь распахнулась. Здесь мирно росли сотни помидоров. Равномерно на стеллажах с питательной средой стояли этажами кусты. Немногие зрелые плоды бросались в глаза яркими красными пятнами. Элси облегченно вздохнула; тишина в секции была полной и глубокой.

— Где же ваши магнитофоны, мистер фантазер? — спросила она насмешливо.

— Пока дверь открыта, они выключены. Ты же видишь, здесь нет автоматики. Прикрой дверь до щелчка. Вот, смотри.

Эрих захлопнул дверь, и сразу стало слышно монотонное бормотание:

...Не упрямитесь, это глупо. Есть высший смысл в подчинении воле старших. Она освобождает вас от мучительных раздумий и облегчает жизнь. Прислушайтесь к своему внутреннему голосу, к своему инстинкту. Не задумывайтесь о своих поступках: жизнь однообразна, стоит ли помнить, что было с вами вчера...

— Это твоя программа, Элси, — хмурясь сказал Тронхейм и дотронулся до ее плеча.

— Что? Что ты сказал? — встрепенулась она, стряхнув липкую паутину дремоты. — Прости, я наверно, не выпалась.

— Я говорю, пойдем, — Эрих раскрыл двери отсека. — Ты слишком чувствительна к этой программе.

— Думаешь, гипноз?

— Ты все еще сомневаешься? Стоит тебе услышать этот голос, и ты впадаешь в транс. Пожалуй, лучше, если ты не будешь все это слушать.

— Нет, я должна убедиться.

Они переходили из одной секции в другую. Программы не отличались особым разнообразием. В девяти секциях росло только три вида плодов: помидоры, яблоки и огурцы. Каждый из сортов, по-видимому, подвергался предварительному воспитанию последовательно в двух секциях, а в третьей закреплялись его наследственные качества. Наиболее тонко в психологическом отношении была составлена программа для огурцов. Бессмыслица, подчеркнутая тревожной игрой света, сменялась теплым лиризмом и задушевностью; тихий шепот — леденящими душу вскриками. Здесь явно чередовались звуковые записи из вестернов с записями классического наследия, которые в свою очередь переходили в гипнотический шепот.

К концу осмотра Элси была совсем подавлена, и Тронхейму пришлось потратить немало усилий, прежде чем она заговорила. Потом они сидели в номере и понемногу тянули ром.

— Нет, сегодня даже пить не хочется, — Элси отставила кофейную чашку. — Я пойду к себе, Эрих. Надо все осмыслить по-новому и что-то решить.

Тронхейм не стал ее удерживать. Пить ему тоже не хотелось. Теперь, когда он убедился, что гипотеза стала явью, на него навалилась усталость пережитых здесь дней, да и посещение опытных секций не прошло бесследно, подспудно действовал гипноз программ, хотя и в меньшей степени, чем на мисс Лумер. Эрих разделся и завалился в постель.

Оставался час до прихода рейсового вездехода, а психобионик Тронхейм не мог прийти ни к какому решению. С одной стороны открытие Лумера имело огромную ценность для человечества. С помощью биологического стимулирования можно вырастить целую плеяду гениев в науке, технике, искусстве... Все зависело от программы. Если такая бездарность, как Альфред Лумер, проявляет незаурядные способности, то что бы вышло из действительно одаренных юношей? Однако открытие профессора Лумера могло превратиться в скрытое оружие, которым уже пользовался, кстати, сам профессор, и в средство воспитания безропотной рабочей силы, и тупой, но дисциплинированной армии, в традициях печальной памяти третьего рейха. Это уже страшно. Еще то, что сам Лумер разделял эти убеждения. Да, действовать надо незамедлительно: рассчитывать на молчание Элси не при-

ходится, она слишком взволнована раскрывшейся тайной отца. Стоит Лумеру убрать магнитофоны из секций и ни одна комиссия не придется. Эрих будет посрамлен, но последний идиот. Использовать знак власти и арестовать Лумера, но удастся ли потом убедить комиссию? Если не удастся, такой рискованный шаг будет стоить карьеры! Так и не приняв определенного решения, Тронхейм направился к шлюзовой камере.

Грохот вездехода нарастал. Рей был верен себе. Точно по расписанию вездеход остановился в шлюзовой камере. Эрих нетерпеливо ждал, пока он пройдет мойку и сушку. Наконец открылась дверца и появился профессор Лумер. Он несколько озадаченно посмотрел на психобионика.

— Чем обязан такой честью?

— Как видите, я вполне здоров, герр профессор, — обратился к нему по-немецки Эрих. — И по этому поводу хотел бы поговорить с вами.

— Что-нибудь серьезное? — спросил Лумер, не обращая внимания на иронию.

— Вы сами понимаете, — Эрих тщательно подчеркнул слово интонацией, — что без достаточно серьезных данных я бы к вам не обратился.

— Хорошо, пойдете.

Дойдя до кабинета, профессор вытащил ключ, повернул его в замке и только после этого набрал разблокирующий шифр.

— Ну-с, что вы собираетесь мне сообщить?

— Прежде всего, что ваша система на мне не сработала, господин Лумер!

— Я вас не понимаю. Говорите по существу.

— Отлично понимаете. Поставка свихнувшихся на центральную базу — ваших рук дело, но Келвин — ваша последняя жертва, даю вам слово.

— Послушайте, мистер Тронхейм. Я не первый раз выслушиваю подобные обвинения, но чтобы его высказывали в такой оскорбительной форме...

— Не ломайте комедию, Лумер. Артист вы превосходный, в этом я убедился, но вы должны же осознать, если я абсолютно здоров, значит, ваша ставка проиграна!

— Я начинаю сомневаться в вашем здравом смысле.

— Вот как! — развеселился Эрих. — А что это по-вашему?

Он вынул из кармана портативный магнитофон и включил. Впервые психобионик наблюдал, как изменяются на глазах черты лица. Лумер бледнел, подбородок произвольно отвис, глаза стекленели. Вся эта картина промелькнула, как кинокадры вестерна и снова перед ним сидел все тот же невозмутимый Лумер, только слегка согретый румянцем.

— Ваши записи ничего не доказывают.

— Вы так думаете? Сопоставьте свои занятия в области биологии и последствия их применения, наконец следственный эксперимент, для

которого у меня, вашими заботами, припасен приличный запас и доказательств окажется более чем достаточно!

— Сколько?

Тронхейм незаметным движением включил магнитофон на запись.

— Вы хотите заплатить мне за молчание? Я вас правильно понял?

— Сколько?

— Я не располагаю сведениями о вашем капитале, мистер Лумер, но полагаю: три миллиона долларов будет достаточной компенсацией.

— Вы с ума сошли!

— Видите ли, я сторона пострадавшая. Ведь и меня вы хотели отпраздновать в сумасшедший дом с помощью ваших огурцов, так что эта цена окончательная.

— Но у меня нет таких средств. Я ученый, а не делец.

— Не скромничайте, мистер Лумер.

— Клянусь, на моем счету не наберется и полмиллиона.

— Я подожду, — усмехнулся Тронхейм. — За свое открытие вы получите миллиарды. Если мы сговоримся в принципе...

В этот момент двери неожиданно открылись, и в кабинет вошли двое. Превосходно развитый торс и порядочных размеров кулаки выдавали в них сотрудников внутренней службы.

— Вам, действительно, придется подождать, мистер Тронхейм, но не здесь, а в изоляторе. Возьмите его. Он помешанный, — обратился Лумер к сотрудникам.

Дюжие парни рванулись к Эриху, но он поспешно выхватил из кармана особый знак, и те остановились, будто натолкнулись на невидимое препятствие.

— Ну, в чем дело? — повысил голос Лумер.

— У него знак особых полномочий, господин директор.

Эрих поднялся с кресла.

— Я отстраняю вас, мистер Лумер. До приезда специальной комиссии вы будете содержаться в изоляторе, на строгом режиме. Разговоры и переписка с кем-либо запрещены.

Лумер судорожно рванул на себя ящик письменного стола, но прежде чем он успел выхватить пистолет, один из сотрудников схватил его за руку, другой за подбородок. Ощупав лацканы пиджака и убедившись, что там нет ампулы со смертельным ядом, сотрудники надели профессору наручники.

— Помните! Полнейшая изоляция. За малейший контакт с кем-либо, даже с дочерью, будете нести ответственность перед особой комиссией. Весь рацион питания должен проходить через мои руки. Ясно?

— Так точно, сэр!

— Уведите.

Несколько минут Тронхейм сидел в кресле без движения, осознавая свершившееся. И он еще колебался, что делать с Лумером! Профессор с типичной психологией преступника. Такие не остановятся перед убийством. Пока Эрих терзался, что поступает подло, записывая на магнитофон признание Лумера, тот вызвал молодчиков и только особый знак спас его от изолятора. Что было бы потом, нетрудно себе пред-

ставить. Лумер любым способом довел бы его до безумия и доказывай после свою правоту! Психобионик встал и прошелся по кабинету. Теперь необходимо вызвать комиссию. Изоляция Лумера позволит сохранить в неприкосновенности опытные секции оранжереи, но примет ли комиссия его сторону? Нужны более ощутимые доказательства.

Два дня Эрих тщательно просматривал научные материалы Лумера. В них содержались исчерпывающие сведения о селекции различных сортов, приведены линии скрещивания и графики ухода за каждой из групп растений, но нигде даже намеком не упоминалось об опытах с звуковыми частотами. Уже сам факт замалчивания опытов говорит не в пользу бывшего директора, тем не менее Эриху, в его сложном положении, нужны были неопровержимые данные, изобличающие преступную деятельность профессора Лумера. Размышляя о характере профессора, его педантичности, Эрих пришел к выводу, что такие данные существуют и, скорее всего, должны всегда быть под рукой, иначе ими нельзя будет пользоваться. Тронхейм, в поисках тайника, скрупулезно, шаг за шагом обследовал кабинет и, отчаявшись, вызвал сотрудников внутренней службы. Деловито просмотрев стены с помощью специальной аппаратуры, они принялись за пол. Вход в тайник обнаружился под письменным столом. Оказалось, что кабинет имел второй, нижний этаж. Теперь Эриху было понятно, почему директор не принимал по вечерам и выключал видеофон. По заведенному распорядку он работал в своем тайном кабинете. Отпустив сотрудников, Тронхейм спустился вниз по винтовой лестнице.

Обстановка тайного кабинета профессора Лумера была более чем скромной: легкий письменный стол, кресло и многочисленная картотека, содержащаяся в идеальном порядке. Здесь были собраны все результаты многолетних исследований профессора в области влияния звуковых колебаний на жизнедеятельность растений. Нашел Эрих и рукописные материалы, в которых на большом экспериментальном материале профессор Лумер делал четкие выводы об усвоении плодами растений разнообразной информации. В отдельном ящике лежали карточки сотрудников станции. На некоторых стояли красные кресты. Перебирая карточки, Тронхейм обратил внимание, что фамилии сотрудников, карточки которых помечены красным, ему хорошо знакомы по историям болезней. Он вытащил карточку Анри Фалька. После деловой характеристики приписано: «Слишком любознателен. Ухаживает за дочерью» и подчеркнуто красной чертой. Ниже стояла дата и новая запись: «В рацион введены огурцы. Секц. 6». Снова дата: «Первые симптомы». В конце карточки число и месяц отправки в Институт психотерапии.

Эрих просмотрел большую часть карточек, помеченных красным крестом. Записи были предельно кратки, но они неумолимо свидетельствовали о преднамеренном преступлении, холодном, расчетливом, с комментариями отклонений, с вариациями режима и указанием сортов и секций. Психобионика бил озноб. Он выбрался на поверхность, и у него возникла неодолимая потребность принять освежающую ванну. Выйдя из директорского кабинета, он столкнулся лицом к лицу с

мисс Лумер. Она отшатнулась, глаза ее расширились не то от гнева, не то от испуга, но так и не сказав ни слова, она прошла мимо.

— Элси!

Эрих догнал ее и тронул за плечо.

— Уберите свои грязные руки!

Тронхейм покраснел от обиды и загородил дорогу.

— Послушай, Элси. Я не скажу ни слова в свое оправдание, но хочу, чтобы ты просто посмотрела картотеку своего отца. Может, тогда ты не будешь думать обо мне так плохо.

— Ты все лжешь! Ты оклеветал отца. Я тебя ненавижу!

— Элси, — укоризненно покачал головой психобионик. — Ты ведь врач. Неужели тебе не интересно посмотреть на карточки своих пациентов.

Мисс Лумер устало прижала руки к вискам.

— Каких пациентов? — спросила она с отчаянием.

— Твоих больных. Например, Анри Фальк.

— Уйди, — тихо сказала Элси, осознавая суть разговора, но по ее тону Тронхейм почувствовал надлом в ее состоянии.

— Элси, рано или поздно это станет достоянием гласности. Лучше, если ты обо всем узнаешь из первоисточника. Я понимаю, как виноват перед тобой, но иначе поступить не мог.

— Что ты от меня хочешь?

— Просто посмотреть и причем в полном одиночестве. Я не буду тебе мешать.

Они вошли в кабинет. Эрих приблизился к письменному столу и надавил на едва приметный гвоздик. Тяжелый стол плавно поплыл в сторону. Открылся люк в нижнюю комнату. Мисс Лумер опасливо взглянула на люк.

— Что это?

— Пройдем, — Эрих первым стал спускаться по винтовой лестнице. — Как ты понимаешь, за такой короткий срок я не мог построить такой тайник. Вот карточки, помеченные красным крестом. Смотри.

Элси присела за стол и взяла первую карточку. Прочла, нахмурилась. Потом взяла вторую, третью. Волнение ее нарастало. Она то бледнела, то краснела, лихорадочно проглядывая карточки. Он доставал новые и бросал на стол.

— Хватит! — крикнула она и зарыдала. Слезы капали на карточки, исписанные аккуратным почерком профессора. Эрих осторожно отодвинул их на край стола и снова отошел к ящику.

— А вот карточка Элси Лумер. Рацион помидор. Секция два, один, три в зависимости от тяжести проступка.

Элси выхватила карточку у него из рук и впиалась в нее взглядом.

— Лицемер! Дочери не пожалел...

Лицо ее исказило гневом.

— Вот тебе! Вот себе!

Она рвала карточки в клочья и топтала ногами. С ней началась истерика. Специальными пассажами психобионик привел ее в чувство.

— Прости, Элси, но тебе нужно было пройти через это.

У нее снова из глаз покатились слезы.

— Ну, ну, Элси. Не надо. Тебе бы выпить сейчас и хорошо выспаться.

— Все выпила. Ничего нет...

— Так ведь тот ром у меня остался.

— Тогда пойдем, — она сделала несколько шагов и нетерпеливо оглянулась. — Скорее!

Ее каблуки зацокали по лестнице. Эрих поспешил следом.

Они пили молча, думая каждый о своем. Когда бутылка опустела, Элси слила последние капли в свою чашку.

— Все, — она выпила остатки и швырнула чашку на пол. — Все. Спать.

Эрих расстелил постель. Элси встала, качнулась и упала в кресло. Он помог добраться ей до кровати. Укрыв одеялом, он хотел уйти, но она схватила за руку.

— Не уходи. Я боюсь одна.

— Спи. Я буду рядом, — Эрих погладил ее волосы. — Спи.

— Я сплю.

Немного поворочавшись, она уснула.

Приведя себя в порядок после дороги и тщательно побрившись, Тронхейм отправился в институт. По дороге он размышлял, прибавят или не прибавят ему оклад. Все-таки работу проделал он не шуточную, а главное, добился успеха один там, где уныло разводила руками не одна компетентная комиссия. В любом случае им придется относиться к нему с уважением. В отличном расположении духа Эрих миновал последний переход и очутился у входа в Институт психотерапии. Вот и кабинет Корренса.

— Мое почтение, шеф, — поздоровался Эрих, сияя радостной улыбкой.

— А, ниспровергатель основ и калиф на час. Ну, сдал дела, господин временный директор станции?

— Сдал и готов приступить к исполнению обязанностей научного сотрудника вашего отдела.

Корренс покрутил головой.

— Ничего не выйдет, парень.

Его тон не сулил ничего доброго. Радостное настроение улетучилось. Тревожные мысли запрыгали в дикой карусели...

— Это почему? — сдавленным голосом спросил Эрих.

— Никто не рубит сук, на котором сидит.

— То есть?

— Вот тебе и то есть. У нас сокращение штатов. Ведь не только отдел, институт держался на этой дурацкой проблеме! А теперь, — Корренс сложил кукиш. — Вот что осталось от проблемы после твоей командировки. Двое парней из отдела уже отбыли на Землю, пока ты там директорствовал.

— А как же я? — в смятении проговорил Тронхейм. — Ведь комис-

сия осталась довольна моей работой.

— Еще бы не быть довольной! Ты им откопал такой клад. Теперь они погреют на нем руки.

— Вы хотите сказать, что Лумера не будут судить?

— Судить? Парень, я был лучшего мнения о твоих умственных способностях, особенно, когда ты, не поднимая лишнего шума, вызвал комиссию.

— Что же мне делать теперь, шеф?

— Иди к начальству. Тебе отваят премию и уплатят неустойку по договору.

Корренс иронически оглядел его с ног до головы.

— Думаете, меня отправят на Землю?

— Думаю? Как пить дать! Нужны им здесь лишние свидетели.

— А если я подниму шум?

— Хм. Не советую. Здесь тебя быстро упрячут, а на Земле никто не поверит. Скажут — бред собачий. И все.

— Спасибо, шеф. Жалко бросать хорошую работу. А на Земле еще неизвестно, что будет.

— Попроси рекомендации да гонорар с них сдери, как следует. Они будут вокруг тебя на цыпочках...

— Ну, ладно, шеф, — вздохнул Эрих. — Пойду.

Тронхейм сидел у иллюминатора, ожидая взлета рейсовой ракеты. Посадка заканчивалась. Кто-то опустился рядом в пустовавшее кресло. Эрих повернул голову.

— Элси!?

— Здравствуй, Эрих. Не ожидал встретить?

— Я думал, ты осталась.

Элси зябко поежилась.

— Нет, с меня хватит. Возвращаюсь на Землю. Насовсем.

— Чем же ты тут занималась без меня? Громила местные рестораны?

— Фи. Бери выше.

— Откупила иллюзион?

— Нет, Эрих, — Элси вздохнула. — Со всем этим покончено. Лечилась в вашем институте. Теперь я вполне добродетельная личность, богатая невеста.

— Ну да. Знаю я ваши капиталы!

— Не скажи. Я теперь стою три миллиона долларов. И сто тысяч ежегодно на мелкие расходы!

Эрих удивленно присвистнул.

— Да... Видимо, дела твоего папаши пошли на лад. Послушай, — он подозрительно взглянул на Элси. — Ты случайно оказалась на соседнем кресле?

— Фи, Эрих. За кого ты меня принимаешь? Станет богатая невеста заказывать билет рядом с таким простофилей, которого выгнали с места и которому даже как следует не заплатили?

— Однако ты неплохо осведомлена о состоянии моих дел. Подо-

зрения переходят в уверенность. Ты откупила кресло нарочно?

— Да. И у меня есть деловое предложение. Если хочешь им насолить, женись на мне, и мы вместе будем проматывать их денежки.

— Видишь ли, Элси...

— Ах, да! У тебя есть невеста. И твоя прирожденная честность не позволяет тебе...

В это время в проходе появился стюард.

— Мистер Тронхейм. Вам радиogramма.

Эрих развернул бланк. Элси демонстративно отвернулась, чтобы не видеть текста.

Я ВЫХОЖУ ЗАМУЖ ТЧК МНЕ НЕ ХОЧЕТСЯ ПОВТОРЯТЬ СУДЬБУ МАТЕРИ ТЧК ДУМАЮ ТЫ ПОЙМЕШЬ И ПРОСТИШЬ МЕНЯ ЛЕРЛИН.

Он скомкал радиogramму и бросил в мусоропровод.

— Что-нибудь неприятное? — участливо спросила Элси.

— Так, пустяки. Что ты там говорила насчет женитьбы?

Глаза Элси весело блеснули.

— Ага! Получил отставку? Теперь ты понял, что никому не нужен, кроме меня? Соглашайся, пока не поздно!

Эрих накрыл ее руку своей.

— Ладно, Элси. Пусть они провалятся все в тартарары. А мы поедем с тобой в свадебное путешествие. Тебе не приходилось бывать в Италии?

По проходу пробежал стюард, призывая всех пристегиваться к креслам. Ракета готовилась к старту...

г. Новокузнецк.

● ● ●

Я Революции не делал
И кровь в боях не проливал,
Я в сорок пятом, в честь Победы,
Из «пугача» салютовал.
Я ровно двадцать лет учился
На государственных харчах
И только тем я отличился,

Что добросовестно учился
И шире многих был в плечах...
Я перед Родиной в долгу
За каждый час, что мною прожит...
Одно меня теперь тревожит:
Вдруг долг вернуть я не смогу!

~~~~~

● ● ●

Не все бывшем с годами поросло...
Порою, точно Русь за образами,
Забывтое таежное село
Отчетливо встает перед глазами.
Доносятся негромкие слова
От рыбаков, у озера, в тумане,
И шелестит пожухлая ботва,
И дрозд скворчит в полыневом дурмане.
И видится — снопы в полях лежат,
Под колос перехваченные туго,

И бабочки-капустницы кружат,
Как белый снег, над васильковым лугом...
И за гору уходят облака,
Уходят, как и мы, неповторимо...
И времени прохладная рука
Щеки моей касается незримо...
И станет мне покойно и легко:
Видать, не зря страдалось и мечталось,
Коль вздорное бывшем позаросло,
А дорогое — на сердце осталось!

~~~~~

● ● ●

Мы не всегда идем к желанной цели,
Любви порой не можем сохранить,
При жизни матерей своих не ценим
И друга не приходим схоронить.
Мы просто равнодушными бываем
И, расставаясь с собственной мечтой,
Самих себя как личность убиваем
Тщеславной каждодневной суетой.

А после, оправдать себя стараясь,
Не расправляя гордых наших крыл,
Мы от себя же прячемся, как страус,
Двадцатым веком голову прикрыв...
Причем тут век! Мы — люди, не моторы,
Мы на своем работаем тепле.
Нам должно помнить каждый крематорий
И каждую травинку на Земле.

Г Е Н И Й

РАССКАЗ

I

— Я — бездарь, слышишь?

— Слышу.

— Я — тупица, ничтожество, верблюд с пятью горбами... Ну, чему ты смеешься?

— Пытаюсь представить пятигорбого верблюда.

— Я не шучу, Ника. Я действительно бездарь. И хватит на этом.

Алексей снова резко повернулся к мольберту, откинул лист, сложил пополам и стал рвать на мелкие кусочки, чтобы потом при всем желании нельзя было его склеить.

— Вот... Все!..

Пол был усеян обрывками. Вероника улыбалась.

— Чему ты улыбаешься?

— Так.

— Нет, ты скажи...

— Ты гений, Лешка. Честное слово.

— Что-о?

— Ты — гений. И потому я тебя люблю, — Вероника поднялась с «постамент» — так она называла табурет, на котором позировала Алексею, — положила на плечи мужа руки и повторила убежденно: — Да, ты гений. Правда.

Алексей встретился с ее взглядом и увидел в глазах Вероники бесконечную любовь, доверчивую и преданную, ослепляющую, как вспышка блица.

— Садись, — Алексей показал рукой на табурет.

— Как прежде?

— Да.

Алексей взял с подоконника новый лист, прикинул к мольберту, привычно, почти не отрывая угла от бумаги и не глядя на Веронику, набросал контуры лица, волос, потом поднял глаза и... положил уголь. Ничего подобного тому, что он видел во взгляде Вероники несколько секунд назад, уже не было. Было нечто другое, выражающее скорее удивление и растерянность, чем любовь.

— Ладно, иди... Я побуду один, — сказал Алексей и устало опустился на стул.

Вероника послушно вышла из сарайчика, приспособленного Алексеем под мастерскую. Он сам сделал большое, в два стекла, окно, обил стены и потолок листами сухой штукатурки, настелил пол, сложил печурку. Получилось вполне прилично. И вообще жили они сейчас, как боги на Олимпе. Денег, правда, в обрез, но зато свой дом, сад и главное — тишина, которой всегда так недоставало Алексею.

А ведь совсем, кажется, недавно у них не было ничего. И за комнатуху в домике возле дороги, по которой день и ночь шли тяжелые машины, отчего весь домик ходил ходуном, они платили хозяйке двести пятьдесят рублей в месяц. А потом как-то прибежал Алексей, весь взбудораженный и сияющий, будто его картину взяли на Всесоюзную выставку, выпалил:

— Ника, одевайся! Идем к Валерке денег просить. Мне может не дать, а при тебе отказать постесняется.

— Да зачем тебе деньги?

— Тайна. Великая тайна, которую я открою, если Валерка не будет жмотом.

Валерий Шевцов жил в центре города, в большой коммунальной квартире. Он был художником средней руки, работал, в основном, по заказам худфонда, брал подряды на оформление разных выставок залов, даже Досок почета, и потому деньги у него водились всегда. Веронике он был почему-то неприятен, хотя ничего плохого о нем она сказать не могла.

— Чете Русаковых мое почтение! — приветствовал их Валерий, целуя руку Вероники. — Прошу...

— У тебя деньги есть? — Алексей ничего не понимал в дипломатии.

— Предположим, — насторожился Шевцов. — А что?

— Тогда одалживай, сколько можешь. Правда, скоро не отдам, через полгода, не раньше, и то по частям.

— А что случилось?

Алексей загадочно улыбнулся, ткнул пальцем Шевцову в живот.

— Дом.

— Что — дом?

— Дом покупаю, чучело ты гороховое.

Вероника подумала, что Алексей шутит. У Шевцова вытянулось лицо и почему-то покраснел нос. Дома в те годы стоили невероятно дорого, хотя и сейчас они не очень-то подешевели.

— Ты что — по трехпроцентному займу выиграл?

— Сроду не бывало. И ни гроша сейчас за душой. К тебе перзому пришел — выкладывай, сколько можешь.

— Да сколько же твой дом стоит?

Алексей назвал мизерную по тем временам сумму.

— Смеешься!

— Клянусь всеми сокровищами Третьяковской галереи.

— Странно.

— Дашь денег?

— Странно, — повторил Шевцов. — Но если так — я готов помочь, и вынес пачку сотенных: — Получай.

— Век за тебя буду бога молить, — сказал Алексей. — На новоселье пока не приглашаю, но взглянуть на приобретение — пожалуйста. Завтра мы за тобой заедем.

Это не было даже подобием дома. На самой окраине города, в углу небольшого участка поросшей лебедой земли, стояла развалюха, окруженная старыми, с полопавшейся корой вишнями. Низкая, сорванная с верхней петли дверь вела в комнатушку с издевательски скривившимся окошком, с готовым вот-вот рухнуть потолком и неровным земляным полом. Посреди скособочилась плита. От нее несло застарелым дымным запахом. По стенам ползали жирные мокрицы. Вряд ли кто решился бы даже переночевать здесь.

Вероника недоумевала. Алексей смотрел на развалюху так, будто перед ним стоял королевский дворец.

— Ничего, жить можно, — выдавил как можно бодрее Шевцов.

Алексей расхохотался.

— Ника, посмотри, пожалуйста, на этого человека и скажи, кто он — лстец или лжец.

— Вероятно, то и другое вместе.

— Нельзя здесь жить, — сказал Алексей, перестав смеяться. — Ни одной минуты нельзя. И ты прекрасно это сам знаешь. Но вложенный капитал окупится в самое ближайшее время. Каким образом, хочешь спросить? А вот каким... — Алексей отошел на несколько шагов, принял величественную позу, протянул правую руку в сторону развалюхи и пропел из «Интернационала»: — Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим... Надеюсь, ясно?

После оформления всех многочисленных документов на куплю-продажу сего «домовладения», они разобрали развалюху и стали строить «новый мир».

На юге неприязнательное жилье возводится сравнительно просто. На неглубокий фундамент из камня-известняка, а то и прямо на землю ставят опалубку высотой в две доски и шириной по толщине будущей стены. Опалубку набивают перемешанной с соломой глиной, дают просохнуть, затем поднимают выше и снова набивают. Такие дома зовутся глинобитными. Труда они забирают много, а денег почти ничего. Если по-хозяйски следить за ними, вовремя подмазывать отпавшую штукатурку, белить по весне и на зиму — сто лет простоят, как новенькие.

Подоткнув юбочку, голыми загорелыми ногами месила Вероника глину с соломой, скатывала ее в большие комки. Алексей брал эти комки, бросал в опалубку, трамбовал.

За месяц вывели стены. Алексей научился столярничать. Даже это ремесло далось ему легко. Тяжелый фуганок ходил под его руками, как у заправского мастера. И не простые, в шпунт, а настоящие филенчатые двери, оконные рамы с форточками, резные наличники — все сделал сам.

Вероника тем временем бродила с ведром по окраинным дорогам,

собираала свежий навоз, растирала его, мешала с глиной, обмазывала стены. И что поражало — тяжелая эта работа и обычные женские заботы по дому, годовалый сынишка, требующий глаза да глаза, — не старили, не горбили ее, наоборот, она все хорошела, словно только и крутилась возле зеркала.

Поистине, труд красит человека, — говорил Шевцов, частенько их навещавший.

К зиме Русаковы построили огрятный домик в одну комнатку с кухней, кое-как рассчитались с долгами. Алексей работал много, упорно, написал два великолепных пейзажа — их даже жалко было продавать. И все, казалось бы, стало на свои места. Но потом Алексей словно потерялся, начал один холст — бросал, начинал другой — и не доводил до конца. Теперь вот решил писать ее портрет.

«Впрочем, ему лучше знать, что делать, — думала Вероника. — Он и вправду гений. Ведь только очень талантливые люди могут так спокойно говорить о своей бездарности».

2

Когда Вероника вышла, Алексей несколько минут просидел недвижимо, потом взял с полки альбом репродукций, отыскал «Джоконду» Леонардо да Винчи. В сотый, может, и в тысячный раз смотрел он на этот удивительный портрет, созданный почти пять веков назад и до сего дня волнующий и поражающий людей всех возрастов и наций. И чем? Улыбкой. Тонкой, едва уловимой улыбкой, оживляющей округлое лицо, заставляющей размышлять, думать, гадать, что творится на душе этой женщины. Неужели Монна Лиза, с которой художник писал портрет, обладала подобной улыбкой? Или она сложилась из улыбок сотен других женщин? Впрочем, это ли важно! Важно само существование портрета, важно то, что художник подарил его миру.

Алексей закрыл альбом, взглянул на мольберт. Что же его так взволновало сегодня, почему потянуло к «Джоконде»? Ах да, взгляд Ники. Солнечный, лучистый, полный веры в его талант. Но почему же он померк, как только она стала позировать? Алексей давно заметил, что у натурщиц взгляд всегда бывает пустым и бессодержательным. Но Ника — не профессиональная натурщица, и ее взгляд вовсе не был пустым и бессодержательным, скорее наоборот. Почему же он велел ей уйти? Потому, что она смотрела на него не так, как хотел этого он? Но ведь это от нее не зависит. Верно говорят, что глаза выражают состояние души, они — ее зеркало. Не улыбка, а глаза. Улыбка может солгать. Глаза — никогда. Вот в чем все дело. И надо написать такие глаза, чтобы по ним можно было читать. Да-да, читать, как читают книгу...

Алексей подошел к окну, увидел Нику. Присев над грядкой, она вырывала руками сорную траву. О чем думает сейчас Ника? Что выражают ее глаза? Стать бы невидимкой, подкрасться, заглянуть в них...

Вероника оглянулась, кивнула кому-то, встала, пошла навстречу с деланной улыбкой,

Кого это еще принесло? Почтальон? Соседка? Участковый милиционер? Э, не все ли равно! Теперь он знает, что делать. И он добьется своего, чего бы это ему ни стоило. Не ради славы, не ради денег, — все это ерунда, — ради утверждения себя, своего таланта, если таковой у него есть.

— Салют! А Вероника сказала, что ты работаешь, — Шевцов вошел в мастерскую, шлепнул Алексея по спине. — А работенка есть, между прочим, — пальчики оближешь. Для колхозного Дома культуры нужна картина два с половиной на четыре. Поле, комбайны, девушки, бригадир на переднем плане... Вдвоем за месяц управимся. Колхоз богатый, денег куры не клюют. По рукам?

— Нет.

— Почему?

— Я задумал одну вещь...

— Она от тебя не уйдет.

— Может уйти.

— Не дури, Леша. Ты — как ребенок, честное слово. Полгода убил на этот домишко в одну комнату, месяца полтора сооружал эту, так называемую мастерскую. А ведь за это время, ну, пусть немного побольше, мог бы заработать на дачу. На да-чу! И не возился бы с глиной, не набивал мозоли и не мучил бы непосильным трудом Веронику.

— Да, мог бы. Но не хочу. На эти вещи у нас с тобой разные взгляды, и ты прекрасно об этом знаешь.

Шевцов развел руками: знаю, дескать, куда тут денешься, но все-таки сказал:

— На твоём месте я бы давно их пересмотрел в иную сторону. Ведь, кроме всего, Леша, нужно есть, пить, одеваться. Мамонов истребили, а фиговый листок сейчас не в моде. Кстати, почему фиговый? От слова «фига»?

— Не знаю.

— Я тоже. Ну так что? Едем?

— Нет.

— Чудак-человек! Всего ж один месяц. Заработаешь — и пиши потом все, что хочешь. Думаешь, у меня ничего не задумано? Только я не спешу. То, что застряло здесь, — Шевцов похлопал себя по лбу, — никуда не уйдет. А колхоз перехватят, это уж как пить дать.

— За месяц мы с тобой не напишем, а сляпаем картину. Да еще какую! — поле, комбайны, бригадир на переднем плане... Это же штамп, схема, пошлость...

— Это с твоей точки зрения. А с точки зрения колхозника — самая что ни на есть жизненная ситуация.

— Э, брось! Крестьянин еще потоньше нас понимает истинную красоту. И все, что сделано равнодушной рукой, он за версту чувствует.

— Почему ж равнодушной? Мы постараемся...

— Да ничего мы не постараемся, — перебил Алексей. — Просто будет еще одной серой, безликой картиной больше. А кому от этого польза? Нам?

— Не сделаем мы, сделают другие. Ты напрасно все так усложня-

ешь. Пчелы — трудолюбивые насекомые, но они слетаются на мед, а не на горчицу, дорогой мой.

— Может, замнем? — предложил Алексей.

— Как знаешь... — Шевцов пожал плечами. Он понимал и не понимал Алексея. Жизнь слишком коротка для всякого рода экспериментов. Она стремительна, как полет космического корабля. Век Рубенса канул в прошлое, и пытаться возвратить его — значит погубить себя, не доставив ни счастья, ни радости своим близким.

— А Вероника? — спросил погодя Шевцов.

— Что — Ника?

— Она разделяет твои взгляды?

— Разумеется, — уверенно сказал Алексей.

— Ну что ж... Вам виднее. Тут я не советчик.

— Хочешь холодного компота? Великолепно освежает в такую жару.

— Давай, — сказал Шевцов и не без намека добавил: — Не люблю, когда меня упрашивают.

3

— Ника... — Алексей грыз ноготь большого пальца. Дурацкая эта привычка детских лет просыпалась в минуты сильного волнения.

— Что? — она оторвалась от шитья, — латала штанишки сына, — подняла голову.

— Не знаю, как тебе это сказать...

— Подумай.

— Я думал. Много думал... Тебе очень трудно со мной?

Вероника ожидала всего, кроме этого.

— С чего ты взял?

— Ну, хотя бы потому, что я... не могу тебе дать того, что дают своим женам более изворотливые мужья.

— А что дают более изворотливые мужья?

— Прежде всего, деньги. На них можно покупать шубки, кольца, кататься в такси, ездить на курорты...

— Все ясно, можешь не продолжать, — сказала Вероника, нахмурившись. — И ты действительно долго над этим раздумывал?

— Да.

Алексей не лгал. Мысль эта тревожила постоянно. Лично ему ничего не было нужно, кроме холста и красок, но ведь Ника — женщина. А какая женщина не любит покрасоваться в новом наряде, щегольнуть новой покупкой. Такова их природа. И он мог бы дать Нике все это, стоило лишь поступиться совестью, своими взглядами на искусство...

— Ни к чему было напрягать свой мозг для изобретения подобной глупости, — сказала Вероника.

— Не такая уж это глупость.

— Глупость, — настойчиво повторила Вероника. — И притом самая пошлая. Если ты еще раз заведешь разговор на эту тему, я оскорблюсь. Ты унижаешь этим и себя, и меня.

— Правда?

Вероника смолчала. Она снова склонилась к шитью, как бы говоря тем самым, что если он еще в чем-то сомневается, то убедить его каким-либо другим образом она не в состоянии.

— Спасибо, Ника!

Алексей вышел во двор. В саду звенели цикады. Постепенно глаза освоились с темнотой, разбавленной жидким оконным светом, различили сначала силуэты деревьев, затем ведущую в сад дорожку, скамью под старой вишней, посеребренную паутинку, натянувшуюся от конька крыши мастерской до вершины посаженной в прошлом году яблоньки.

Приглушенный визгливый крик и подзаборная ругань вспороли умиротворенную тишину. Это Кешка-цыган, живущий через два дома в сляпанной кое-как халупе, бил свою жену Устю. Бил до синяков, до тех пор, когда ей удастся извернуться, скинуть с двери крючок, выскользнуть в эту тьму и затаившись ждать, пока Кешка не сменит ругань на столь же громкий храп. Завтра, если Кешка придет трезвый, она будет колотить и царапать его за сегодняшнее, выставит из халупы, накинёт крючок, и Кешка, охрипнув от мольбы впустить его и заверений, что никогда больше не тронет, так и останется ночевать у порога, прямо на голой земле, подсунув под голову какую-нибудь хламину. Потом Кешка напьется, и все повторится, как повторяются день и ночь.

В их жизнь пробовали вмешаться, не раз призывали на помощь участкового милиционера, но когда Кешку пытались увести, избитая Устя вцеплялась в полу милицейской шинели и благим матом орала, что не позволит лишить ее любимого мужа и что никому нет дела до их личной семейной жизни. Участковый принародно срамил ее и Кешку, брал слово, что они перестанут нарушать общественное спокойствие, сплевывал и уходил ни с чем, потому как никто из соседей не хотел подписывать протокол: «Чего с пьяницы-цыгана взять — подожжет еще дом в отместку, куда потом жаловаться?».

В конце концов Кешку с Устей оставили в покое: «Черт с вами, деритесь-милуйтесь!» Но когда по вечерам тихо было в Кешкиной халупе, соседи искренне беспокоились — не случилось ли там какой беды.

Алексей не раз вглядывался в лицо Кешки, когда приходилось ехать с ним вместе в автобусе или стоять на остановке, искал в нем черты садистской жестокости и очень удивлялся, не находя ничего подобного. Обыкновенное лицо цыганского типа, нос горбинкой, крепкие скулы, брови вразлет, густые, черные, — позавидуешь! — и живые глаза с потаенной хитрецей. Более жестоким казалось лицо Усти — тонкие злые губы, смыкающие большой рот, тонкие, словно выщипанные, брови и взгляд резкий, завистливый. Под глазами темные пятна от синяков. Алексей порывался подойти к ней, спросить, как она может терпеть издевательства, ведь не стара еще, отдохнуть от всего этого — совсем другой станет, но порыв этот угасал, как только Алексей вспоминал ее крик, когда участковый пытался забрать Кешку: «— Любый он мне, не чужую бил, за что ж его в милицию, изверг проклятый! А вы-то чего зенки повылупляли? Рады, что мужа с женой разлучить хотят? Оставьте его, слышите — оставьте! Любый он мне, слышите — лю-любый!».

Сейчас крики Усти казались Алексею нарочитыми, идущими из далекого мира, существующего вне понятий прекрасного. «Может, человекообразная обезьяна, — размышлял Алексей, — только тогда и начала превращаться в человека, когда познала сущность красоты. Без мечты о прекрасном нет движения жизни. Если руки требуют работы, то душа требует красоты. И она более ненасытна, чем желудок изголодавшегося человека. А красота есть во всем — и прежде всего — в любви, потому что нет чувства святее и искреннее. И нет человека счастливее, чем тот, который умеет любить. Ника счастлива своей любовью, остальное для нее не имеет значения. Спасибо тебе. Я напишу тебя такой, что люди будут говорить о тебе, забывая при этом имя художника. И пусть. Я не стремлюсь к славе, можешь мне поверить, я стремлюсь только к выражению истины и я найду ее в твоих глазах, найду, Ника!».

Отдаленным отзвуком глухого выстрела хлопнула дверь, выплеснув на улицу поток Кешкиной брани. Потом все стихло. Где-то по задворью тихо кралась Устя, стараясь не выдать себя неосторожным движением. Спустя некоторое время она так же тихо подойдет к дому, прислушается — заснул Кешка или нет — и, если заснул, примостится сбоку и тоже заснет.

4

Работа не ладилась. Проходили дни, и портилось настроение, опускались руки, ускользала мысль. Нет, она не ускользала, она таилась в сознании, роилась и множилась в сновидениях, но никак не могла обратиться в реальность на холсте. Получалось не то, совсем не то, чего желал, о чем мечтал Алексей. И он чаще пускал в ход мастихин, чем кисти.

Алексей стал раздражителен, малейший пустяк приводил его в бешенство, он сам понимал это свое состояние и тогда, бросив все, уходил в степь, которая начиналась в полукилометре от дома.

В степи постоянно пулял ветер, гудели тракторы. Алексей взбадривался, возвращался домой, усаживал Веронику на «постамент», но через полчаса сдирал мастихином свежую еще краску, просил Веронику уйти и долго сидел один, устремясь в пространство за оконными стеклами, не видя ничего, кроме воображаемой, но не поддающейся краскам картины.

Поздней осенью вернулся Шевцов. Он пришел к ним бодрый, жизнерадостный, загорелый.

— Ника, ты похудела, — сказал Шевцов, целуя ей руку. — Но не похудела. Совсем наоборот. Женщинам полнота ни к чему. В деревне полные женщины намозолили мне глаза до неприятности.

— А как твоя два с половиной на четыре? — спросил Алексей.

— Надеюсь, ты имеешь в виду не женщину? — сострил Шевцов и первый весело рассмеялся. — Два с половиной на четыре нужно помножить еще на два. Соседний колхоз попросил сделать копию. Потому я так долго и задержался.

— Значит, поле, комбайны, девушки, бригадир на переднем плане? — ухмыльнулся Алексей.

— У тебя великолепная память.

— Спасибо за комплимент.

— Ты не в духе?

— С чего ты взял?

— Угощайтесь, — сказала Вероника, поставив перед ними тарелку со сливами.

Шевцов выбрал сливу покрупнее, положил целиком в рот, зажмурился, произнес: «Чудо!» и выплюнул косточку на землю. Когда Вероника отошла, спросил Алексея:

— Ну, а твои дела как?

Алексей ответил не сразу. Он посмотрел на Шевцова, будто прицелясь: стоит вещь того, чтобы давать ей какую-то цену или лучше просто отойти в сторону, не тревожа ни себя, ни хозяина этой вещи. Но во взгляде Шевцова теплилась искренняя заинтересованность, участие, и Алексей встал:

— Пойдем.

Он открыл дверь в мастерскую, пропустил Шевцова вперед.

С мольберта на Шевцова — нет, не прямо на него, а куда-то в сторону — смотрела Вероника. Или не Вероника, а другая женщина, очень похожая на нее. Она и не она, потому что это нельзя было назвать портретом. Это была картина с тонко продуманной композицией, которая словно бы и не замечалась, а только угадывалась, создавая общее настроение — спокойное, умиротворенное, чуточку радостное и чуточку грустное.

Шевцов не враз уловил, откуда это настроение исходит — то ли от закатного солнца, невыписанного, лишь намеченного широкими, будто невзначай брошенными мазками, то ли от лица, глядящего на тихий этот закат, то ли от погрузившегося в легкие сумерки домика на заднем плане картины. И вдруг понял: глаза! Да-да, и настроение, и мысль, и все остальное исходило от глаз, больших, распахнутых, хотя у Вероники глаза суженные, монгольского типа, потому что в ней текла татарская кровь ее предков.

Алексей не мешал Шевцову. Он спокойно стоял за его спиной и терпеливо ждал оценки.

— Черт возьми! — воскликнул Шевцов. — Это же просто здорово!

— Что здорово?

— Все. И тональность, и композиция, все продумано, все естественно. На меня смотрит женщина-мать, хотя на картине и нет детей. Но такие глаза могут быть только у матери, любящей и спокойной. Мне кажется, одно сознание, что она — мать, возносит и одухотворяет ее.

— Правильно. Спасибо за правду, — сказал Алексей упавшим голосом, словно Шевцов не похвалил, а вдрызг разнес его работу, стоившую так много труда.

— Все правильно, — повторил Алексей, взял мастихин, шагнул к мольберту и, прежде чем Шевцов успел что-либо сообразить, резким заученным движением снял краску с глаз.

И вмиг исчезло все очарование картины. Изображенное на ней лицо стало страшным, похожим на череп с пустыми глазницами. Прорезалась небрежность мазков, разрушилась композиция, домик показался лишним, а тихое солнце будто выплыло из-за проявившихся деревьев и захохотало над женщиной, у которой не было глаз.

— Ты сошел с ума! — Шевцов схватил Алексея за плечо и оттянул ст мольберта.

— Нет, — спокойно сказал Алексей. — Я хотел сделать это еще вчера, но почему-то оставил. А ты подтвердил мои опасения.

— Какие опасения? Что я мог подтвердить? — Шевцов готов был побить Алексея, он почти ненавидел его в эту минуту. — Разве я сказал что-нибудь плохое?

— При чем тут плохое, хорошее. Я не хотел рисовать еще одну мадонну. А получилась мадонна. Ты сам это сказал. Вот и все.

— Ну и что? Ну и что! Это же твоя мадонна, твоя женщина-мать, — Шевцов почти кричал, не зная, как доказать этому болвану его неправоту. — Убей меня, я не понимаю, чего ты хочешь добиться.

— Не кричи. Можно говорить спокойнее. Я скажу тебе, чего хочу. Я хочу, чтобы на моей картине была женщина. Не мать, не труженица, не любовница, а Женщина с большой буквы. Такова, какова она есть в своей непознанной истине.

— Ты невозможен, — Шевцов устало опустился на табурет, на котором столько часов провела Вероника, тоже не понимавшая, чего хочет добиться от нее Алексей. — Ты или сумасброд, или... гений. Я более склоняюсь к первому. Так небрежно испортить, перечеркнуть свой труд может только сумасшедший. В конце концов, можно было оставить эту картину и начать другую.

— Будет только одна картина, — твердо заявил Алексей. — И я ее напишу. Чего бы мне это ни стоило.

Шевцов встал, подошел к двери.

— И еще одного я не понимаю — как с тобой может жить Вероника?!

5

— Ты можешь не крутиться и смотреть прямо на меня?

— Но я же смотрю, Леша, — жалобно сказала Вероника.

— Смотрю, смотрю... Не важно, что смотришь, важно — как смотришь.

— Как?.. Обыкновенно.

— В том и дело, что обыкновенно. У тебя в глазах — пустота. Понимаешь — пу-сто-та... Ладно, иди, отдыхай...

Вероника накинула платок и вышла. Алексей катал желваки.

На дворе стояла зима. Пасмурная, с талым снегом и потемневшими оголенными деревьями. Фон же картины оставался прежним, напоминая еще об одном ушедшем лете. Но Алексея беспокоил не фон. Глазницы по-прежнему были почти пусты. Почти — потому что нарисованные им глаза ничего не выражали. Нет, нельзя сказать, что совсем ничего, но

во всяком случае совсем не то, чего он добивался. Алексей понимал, что не Вероника тут виновата, виноват он сам, в том хотя бы, что пытается достичь невозможного.

Невозможного?! Ерунда! Все можно сделать, всего можно достичь, нужно только собраться внутренне, перестать нервничать и главное — не спешить, не спешить. Картина не договорная, его никто не торопит, никто не назначал ему срок окончания. Но он не может писать на память. Он привык работать на натуре. А что делать, если у Вероники в глазах одна только усталость. Просто усталые глаза написать легко, это ему ничего не стоит. Но ему нужно другое, совсем другое...

Алексей вспомнил Светланку — школьную подругу Вероники. Она приезжала к ним два года назад и прожила всего неделю. Алексей работал тогда над степным пейзажем. Поутру он уходил с этюдником в степь, упивался привольем и писал, писал, забывая обо всем и вся.

Однажды Алексей почувствовал на себе чей-то настойчивый взгляд — словно кто уколол его в затылок. Он даже вздрогнул. Вздрогнул и обернулся. В нескольких шагах от него стояла Светланка.

— Испугался? — засмеялась она.

— Вот еще! Как ты меня нашла?

— У меня собачий нюх.

Алексей не нашелся с ответом и спросил:

— А где Ника?

— Дома. Возится с малышом.

— Это она сказала, где я?

— Ну, зачем бы я стала у нее спрашивать! Жены страшно ревнивы.

— Ника не ревнива.

— Это тебе так кажется. Не ревнуют только равнодушные люди.

Ника, по-моему, к их числу не относится. Да и ты тоже.

— Я просто ей верю. И она, думаю, верит мне.

— И ты никогда ей не изменял?

— Разумеется, нет, — Алексей почувствовал, как краснеет.

Светланка заметила его смущение, снова засмеялась:

— Несчастнейший!.. Один мудрый поэт написал: «— Не изменяй! — ты говоришь, любя. — О, не волнуйся. Я не изменяю. Но, дорогая... Как же я узнаю, что в мире нет прекраснее тебя?».

— Ты что — пришла меня созрывать?

— А это так трудно?

— Попытайся, — шутиливо сказал Алексей.

— Зачем?... Я пришла попрощаться, — Светланка подошла к нему так близко, что он вынужден был подняться с низкого стульчика. — Ведь я завтра уезжаю.

Она уже не смеялась. Она, кажется, готова была заплакать.

— Ты можешь остаться еще, — сказал Алексей.

— Нет, не могу.

— Почему?

— Неужели ты не понимаешь... — Светланка закрыла лицо руками, губы ее вздрагивали.

По степи гулял равнодушный ветерок. Тихо шелестела поспевшая

травы, и в шелестении этом Алексею слышалось: «Неужели не понимаешь... не понимаешь... не понимаешь...»

Он понимал. Может, потому и уходил в степь на весь день. Еще когда он ухаживал за Вероникой, Светлана была влюблена в него. Об этом первой ему сказала Вероника, иначе он, увлеченный своей будущей женой, может быть, даже и не заметил бы этого. Потом Светлана уехала, вышла замуж. Это известие несколько его не задело, он просто был рад за нее. И вот... Алексею стало почему-то жаль Светланку. Он тронул ее за плечо. Она отняла от лица руки, взглянула на него светло, прошептала: «Поцелуй меня». А может, она и не сказала ничего, может ему только послышалось...

Потом он видел ее глаза. Сначала он стыдился взглянуть на Светланку, страхась увидеть нечто постыдное для нее и для себя, затем решился. Во взгляде ее было заключено и торжество победы над ним, и все, что было когда-то невысказано, и еще что-то необыкновенно радостное, непознаваемое, и что-то похожее на испуг. О, если бы он мог написать такие глаза!

На следующий день Светлана уехала. Вероника ни о чем не узнала.

А если бы узнала?..

Алексей подошел к окну. Холодный сырой воздух обтекал землю, деревья, словно придавливая их своей тяжестью.

А если бы узнала?..

Алексей распахнул двери, громко позвал Веронику.

Она пришла скоро, удивленная и немного испуганная. Ей подумалось, что с Алексеем что-то случилось.

— Садись, — Алексей показал на табурет. — И смотри прямо на меня.

— Но у меня же в глазах пустота, — не преминула напомнить Вероника.

Алексей пропустил замечание мимо ушей, взял палитру, кисть, задумался и неожиданно для Вероники спросил:

— От Светы давно ничего не было?

— Ты же знаешь.

— А почему она не пишет?

— Наверное, занята. Она ведь работает, не то что я.

— Правда, что она была влюблена в меня?

Глаза Вероники оживились.

Так-так, не уппусти момента, художник. Зорче гляди, внимательней!

— Правда. Но почему ты об этом вдруг вспомнил?

— Может, поэтому она и перестала писать?

— Глупости. Много о себе мнишь.

— Нисколечко. Я был близок с ней, Ника.

Ага! Вот оно, мгновение!.. Чуть-чуть близны в верхнее окружение зрачка...

— Не лги.

— Я никогда не лгал тебе, Ника. Это произошло в степи, накануне ее отъезда. Тебе же она сказала, что ходила в кино на две серии дневного сеанса.

— Ты врешь, — едва слышно произнесла Вероника.

Черт возьми, если увеличить зрачок, пропадет прежнее обаяние, останется один лишь испуг... Сузить щелки глаз? Подсинить веки?..

— Что ты молчишь?

Где же ультрамарин?.. Странно, меняется весь облик. Впрочем, ничего в этом странного нет. Так и должно быть. И щеки должны чуть-чуть побелеть. Но только чуть-чуть, иначе все можно испортить...

— Что же ты молчишь? — почти закричала Вероника, вставая.

— Сиди... Или... можешь идти... — Теперь Алексей знал, что делать, нужно только подобрать точный, абсолютно точный цвет.

— Я никуда не уйду, пока ты мне не ответишь.

Неужели кончилась зелень?.. Этого еще не хватало!

Алексей кинулся к ящичку, в котором лежали тюбики с красками.

— Ты меня слышишь?

— Я же сказал — можешь идти, заниматься своими делами. Или тебе нечего делать?

Вероника, забыв платок, пошатываясь, вышла из тесной, душно пропахшей масляными красками мастерской.

6

В феврале ударили морозы, закрутили метели. Со степной стороны холодный ветер нес колющие снежинки. Огонь в печи приходилось подерживать целый день. Уголь, как Вероника ни экономила, кончался. Купить еще — не было денег. Долгов тоже поднакопилось порядочно.

— Я пойду работать, — сказала Вероника.

— Но тогда я не смогу закончить картину.

— Мне порой кажется — ты ее никогда не закончишь.

— Ты уже не веришь в меня?

Лицо Вероники исказилось болью.

— Все понятно, — сказал Алексей.

— Что тебе понятно, что?..

— Все. И то, что ты разлюбила меня.

Опять! Да когда же это все кончится?!

— Да-да, разлюбила. А может, и не любила никогда.

Он говорит, будто нарочно, каким-то спокойным, безразличным тоном. И при этом продолжает смешивать краски на палитре, копаться в ящичке с тюбиками, прицеливаться кистью и наносить мазки на холст.

Последнее время с ним стало твориться что-то невероятное. И все началось после того его признания. Вечером он уверял, что пошутил. Но разве этим шутят? Он невольно сказал ей правду. Вот только зачем? Ведь это все равно, что наплевать в душу. Прицелиться вот так, как он целится сейчас кистью и... плюнуть. Если б он знал, как ей было больно. С неделю она ходила, не зная куда себя деть, к чему приложить руки. А потом ни с того ни с сего начались ревности. Он словно бы всю жизнь копил, собирал и укладывал в пакетики все эти мерзости, как нумизмат копил древние монеты, и вдруг решил расстаться со своей коллекцией.

Но расстаться не враз, а постепенно, каждодневно мучая ее вопросами и совершенно нелепыми доводами. То вспоминал, как она когда-то задержалась у подруги, — дескать, неизвестно где и с кем ты была. То расспрашивал, что это был за мужчина, с которым она разговаривала на автобусной остановке, и при этом ехидно так, недоверчиво усмехался. И договорился до того, что намекнул, — да какой там намек, почти прямо сказал: странно, мол, Мишка совсем на меня не похож, ни внешностью, ни характером. Тогда она не выдержала, разрыдалась. Алексей успокаивал, клялся, что так, без заднего умысла с языка сорвалось, что никогда больше не попрекнет ничем. И вот снова...

Разве о любви спрашивают? Ее чувствуют сердцем.

— Не задавай глупых вопросов, — устало сказала Вероника.

— Глупый вопрос?.. Странно. Когда-то ты без вопросов говорила, что любишь меня...

— Да, говорила. Но не отвечала на вопрос. Это разные вещи.

— Скажи без вопроса.

— Что?

— Что ты меня любишь.

Алексей смотрел на нее так, словно ждал не этих слов, а чего-то другого. Он словно подталкивал ее взглядом: ну же, ну же... А она никак не могла понять, чего он хочет и потому прямо спросила:

— Чего ты хочешь?

— Ничего я от тебя не хочу, — сквозь зубы выцедил Алексей и положил палитру.

— Мне уйти? — спросила Вероника.

— Нет, не уходи, — Алексей вдруг светло так улыбнулся, подошел к ней, присел на корточки, обнял ее колени. — Прости меня, Ника. Я тоже устал. Очень. Нервишки совсем никуда стали, вот и срываюсь, горожу черт-те что. Ты у меня одна-единственная, без тебя я ничто. Понимаешь — ничто, плюнь да разотри... Мне, конечно, далеко не безразлично, любишь ты меня или нет, но главное — я тебя люблю, и потому мне так хорошо с тобой, так покойно...

У Вероники отлегло от сердца. Да, она его понимает — усталость, заботы, нехватка денег, это тоже волнует и беспокоит его. Алексею не легче, может, даже куда труднее, чем ей. И она все готова простить ему. Только бы скорее он заканчивал картину, иначе у него может не хватить сил, ведь он вкладывает в работу всего себя, без остатка.

— Не знаю, сама ты могла и не заметить, — продолжал Алексей, заглядывая ей в глаза. — Но однажды ты посмотрела на меня таким взглядом, что я почувствовал себя на седьмом небе. В нем было все — и любовь, и счастье...

— Только однажды? — улыбнулась Вероника.

— Мне показалось — да.

— Милый ты мой... — Вероника протянула руки, но Алексей вдруг встал, быстро отошел к мольберту, схватил палитру, кисть.

Он смотрел на нее, словно вытягивал душу, чтобы разглядеть ее, как разглядывают на толкучке меховую шкурку, дуя на ворс, сминая кожу и встряхивая.

И тут Вероника поняла все. Ей захотелось закричать, как кричат бабы, потерявшие самое дорогое, без чего жизнь в тот момент кажется утраченной навсегда, но крик застрял где-то в груди, и она бессильна была вытолкнуть его наружу.

7

Словно кто-то невидимый ткнул Шевцова в бок и прошептал: «Ты так давно не был у Русаковых. Ты должен пойти к ним. Сейчас. Немедленно».

На город падали сумерки. До Русаковых автобусом с полчаса, да еще на остановке прождешь. И погода идиотская — хоть бы морозец, а то не снег, не дождь, — так, какая-то мокреть сыплет с неба. «Ладно уж, — подумал Шевцов, — лучше завтра утречком». И все-таки погода он оделся и вышел на улицу.

Его всегда тянуло к Алексею. Наверное, талант имеет какую-то притягательную силу. Шевцов не считал себя бездарным, но отлично понимал, что до Алексея ему далеко, и тут уж ничего не попишешь.

В сарайчике-мастерской горел яркий свет. Шевцов вошел без стука. Алексей сидел на низенькой скамеечке спиной к окну. Плечи опущены, острые, чуть ли не касающиеся подбородка колени сжаты крепко сцепленными руками, лицо серое, под глазами темные полукружия, оттеняющие припухшие веки. Неподвижный, почти остекленевший взгляд направлен в одну точку. Шевцов последовал за его взглядом и обомлел. В тот миг для него перестал существовать Алексей, его мастерская, даже он сам, казалось, перестал существовать. Такое случается, наверное, с каждым, когда перед ним открывается чудо, сотворенное человеком, когда трудно поверить, что руки и мозг человека способны сотворить подобное.

Алексей ничего не изменил в композиции картины. Был тот же закат, тот же домик на заднем плане и женщина, которая смотрела куда-то в манящую даль. Ее фигуру обтекало платье с крупными, не модными теперь цветами. Но это не имело значения. Притягивали глаза женщины, все остальное виделось лишь в их освещении. А в глазах этих была, казалось, сконцентрирована сама жизнь во всех ее проявлениях. Отчаяние и радость, любовь и тревога, надежда и решимость, и ожидание чего-то, что должно обязательно свершиться, улавливалось в удивительных этих глазах.

Шевцов смотрел неотрывно, с каждой секундой находя в них новое, неизведанное, неиспытанное, словно прикасался взглядом к самой истине, ради познания которой и живет человечество.

— Ты — гений! — выдохнул Шевцов.

Алексей криво усмехнулся. Шевцову показалось даже, что он сейчас вскочит, возьмет мастихин и, как тогда, снимет краску, обнажив серый холст. Он шагнул к нему, готовый в любую минуту схватить его за руки, но Алексей по-прежнему сидел не двигаясь, устремив взгляд в созданные его кистью глаза, заново, возможно, переживая все, что испытал,

работая над картиной, все, над чем так долго и упорно мучился, страдал и радовался.

— Вероника видела это?

Алексей покачал головой.

— Как?.. Ты ей не показал? Почему?

— Ее нет.

— Где же она?

— Не знаю... Ушла... Уехала, может быть. С сыном... — Алексей уронил голову на колени, и кажется, заплакал.

Откуда-то, словно из-за мольберта, как показалось Шевцову, донесся женский крик.

— Что это?.. Алексей, ты слышишь... Ты слышишь, Алексей?

Алексей поднял голову. Глаза его были сухими.

— Слышу. Пустяки. Это Кешка. Он бьет ее почти каждый день. И она ничего... Я же, поверь, не тронул Нику пальцем, не оскорбил ни одним бранным словом...

— Одевайся, поедem ко мне, — сказал Шевцов.

— Зачем?

— Я покажу тебе последние мои работы, — Шевцов выпалил первое, что пришло в голову.

— Твои работы? — Алексей ядовито усмехнулся.

Да, конечно, он имел право на эту усмешку. По сравнению с тем, что создал Алексей, то была рядовая пачкотня, но Шевцов интуитивно чувствовал, что оставлять Алексея одного сейчас не следует.

— У меня есть один пейзаж. Мне хотелось бы...

— Потом... Как-нибудь потом. Я зайду. Может быть, завтра.

Алексей встал наконец, закрыл картину куском полотна.

— Вот так, старик, — сказал он. — И что?.. Даже если мне заплатят миллион, даже если картину повесят рядом с леонардовской «Джокондой», разве я стану счастливее?.. Все это бред. Человеку нужна теплота — и только. Теплота любимых рук, любимого взгляда. Остальное пусть сгорит огнем. Да-да, огнем!..

У Алексея был блуждающий взгляд сумасшедшего человека. Сейчас, когда картина была прикрыта, взгляд этот словно искал, на чем остановиться, и не находил нужного объекта. Шевцова для Алексея, казалось, не существовало.

— Поедем ко мне, Алексей, — умоляюще сказал Шевцов.

— Нет, я останусь здесь. С ней. Я должен еще многое понять.

— Поедем...

— Не мешай. Я должен сосредоточиться. Иди...

Стоя на остановке — автобусы вечерами ходили плохо, — Шевцов пытался представить, что произошло между Алексеем и Вероникой, но отверг все пришедшие в голову варианты и уехал в смятении.

Когда шоссе свернуло к центру города, мимо автобуса с душераздирающим воем сирен промчалось несколько пожарных машин. «Остальное пусть сгорит огнем», — всплыла в памяти сказанная Алексеем фраза. Шевцов кинулся к выходу, хотел попросить остановить автобус, но передумал. Если только так, то теперь уже ничего не изменишь...

В Т А Е Ж Н О М

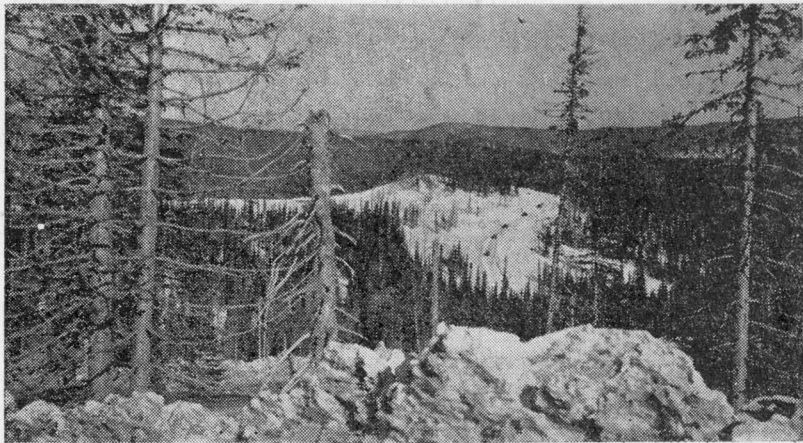
Фотоочерк

Машинист бурового станка Владимир Лукьянов, ветеран карьера

Кузнецкий Алатау — огромный и малоизведанный район Сибири. Золото и алмазы, вольфрам и ртуть, марганец и тальк, фосфориты, железная руда, каменный уголь — вот далеко не полный перечень полезных ископаемых подземной сокровищницы этого края.

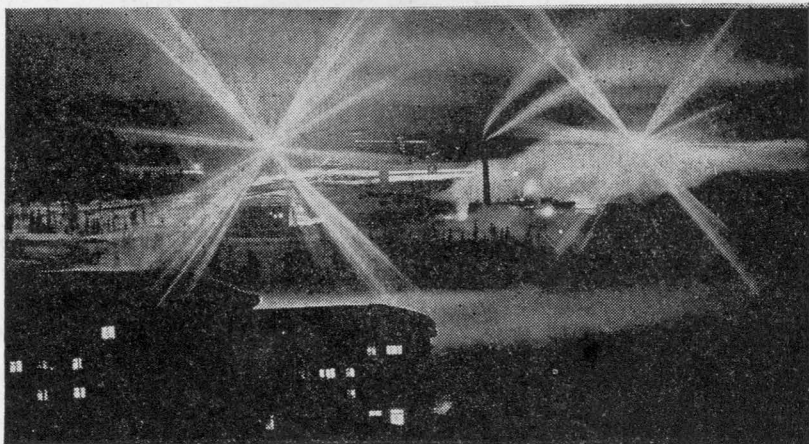
Несколько лет назад сибирский геолог Александр Матвеевич Прусевич обнаружил на северных склонах Алатау, в верховьях реки Кия-Шалтырь, огромные залежи нефелиновых руд — уртитов. Нефелины — ценнейшее сырье для получения глинозема, поташа, соды и высокомарочного цемента. Новое уникальное месторождение нефелинов заинтересовало металлургов Красноярско-Ачинского алюминиевого комплекса. На Кию-Шалтырь стали прокладывать шоссейную и железную дороги.

Вид на гору Нефелиновую

А. Кузярин

БЕЛОГОРСКЕ

Рудник Кия-Шалтырь

По первопутку, вместе со строителями и монтажниками доставляли строительные материалы, машины и механизмы, необходимое оборудование. За короткий срок на месте старой таежной деревушки Кия-Шалтырь — вотчины старателей-одинок — вырос современный поселок строителей и металлургов — Белогорск. Белогорцы соорудили и сдали в эксплуатацию карьер, дробильную фабрику, цех транспорта, административный комбинат, ремонтную базу, построили более десятка многоэтажных жилых домов, школу-десятилетку на 960 мест, детский комбинат «Снежинка», столовую, магазины и многие другие необходимые объекты...

Нефелиновая руда

ПРОБЛЕМА?

ДА, ПРОБЛЕМА

Петр Ворошилов

КАК ГРИБ В ЛЕСУ

(Изобретатель-одиночка
или творческий коллектив?..)

Нескладная получилась история.

И в том, что эта история получилась такой вот нескладной, моя вина тоже есть. Не самая большая, не главная, а все-таки есть.

Я тогда действовал из лучших побуждений, будучи глубоко уверенным в своей и Жигулина правоте. Но, оказывается, все это в конечном счете не имеет никакого значения и ни в чем не оправдывает. На Востоке говорят, что не знающий истинной дороги не должен становиться во главе каравана. Даже из лучших побуждений.

На многое открыла мне глаза наша последняя встреча с Жигулиным.

Я ПРЕДПОЛАГАЛ, что разговор наш будет нелегким. Болезнь никому ни бодрости, ни оптимизма не добавляет. А Жигулин был очень болен. Разные доктора одних хро-

нических насчитали ему столько, что хватило бы уложить в постель пятерых годами помоложе. К язве желудка, нажитой в давние времена, прибавились аритмия сердца, общее расстройство нервной системы, острейший радикулит. А тут еще в шахте оплошал: словно какой-нибудь раззява-первогодок упал в углеспускную печь, смял два шейных позвонка. Новокузнецкие ку-десники нейрохирурги от общего паралича спасли чудом. Но шею лучше, чем была, они тоже не сделали: боль притаилась где-то пониже затылка и часто напоминала о себе. Выписавшись из клиники, Жигулин долечивался дома.

Человеку в таком состоянии не до беседований. К тому же и дела Жигулина шли скверно. К последней машине он, кажется, собственную душу и ту привернул где-то рядом с редуктором. Когда же удалось диски рабочего органа сделать разъемными, радовался, как ребенок, и потом подня с дочкой в куклы играл. Но машину после комплексных испытаний поставили на испытания контрольные. Следом начались проверки и перепроверки. Никто не говорил решительного «нет». Но и желающих проголосовать «за» тоже как-то не находилось. Шли годы, а каждая очередная комиссия выдавала еще один, обязательный для исполнения, длинный список своих рекламаций, нисколько не заботясь тем, насколько эти рекламации реальны, насколько они совместимы с замыслами автора машины, с техническими возможностями, наконец.

Та самая шахтерская общественность, которая проявляла живейшую заинтересованность в машине Жигулина, в последнее время заметно охладела к ней. Создавалось впечатление, что доводка комбайна до серийного производства под разными, часто пустячными, предлогами задерживается. Об этом Жигулин писал в письме, в котором просил меня найти его в Прокопьевске.

Я заранее представлял себе Жигулина до крайности удрученным нескладностью своей жизни, уставшим сверх меры, озлобленным. Даже речь приготовил в эдаком одобряющем тоне.

Но речь оказалась без надобности. Жигулин встретил меня добродушно, все заранее извиняющей улыбкой, руку стиснул так, что занемели пальцы. Легко поднял письменный стол и с середины комнаты перенес его в угол. Я порадовался про себя. Наделит же господь бог сибирского мужика силушкой: он на ладан дышит так, что в комнате свечи гаснут, а кадило у попа ко-стром занимается. Его не пожалеешь, Он

сам любого пожалеть сможет. Его можно рассердить. А обидеть — вряд ли...

— Воюешь?

Жигулин посмотрел на меня, что-то поинял по-своему и, усмехнувшись, ответил:

— Только разрешенными средствами.

— Получается?

— Привыкаю помаленьку. Иной раз раззудится рука, звезданул бы по роже со всем моим удовольствием. Но никак, знаешь ли, нельзя звездануть: такая она перед тобой рожа — вся благопристойная и улыбающаяся. Народец в комиссиях увертливый. Он, народец этот, ничего не решает, он только сомневается. И поэтому всегда прав. Спорить с сомневающимися это все равно, что каской шахту проветривать, — пустое занятие. А впрочем, что мне тебя прощесать. Вместе пробовали спорить. Не забыл?

— Не дают забыть. Напоминают.

— То-то и оно. Послал я в один комитет заявку на авторское свидетельство. Что надо написал. Как мог начертил. Все честь по чести и по уму. Через месяц получаю ответ. Очень вежливый ответ. «Уважаемый товарищ... К сожалению»... А суть вся в том, что я неправильно оформил документацию. Время у меня было: бюллетени по случаю язвы желудка. Сел и все заново перелопатил. Послал по тому же адресу. И ровно через месяц, заметь какая аккуратность, получаю вежливый ответ со всеми проявлениями чиновничьего словоблудия. А суть? Суть та же: неправильно оформил документацию. Написал письмо. Товарищи, написал, дорогие, скажите темному изобретателю, что вам от меня понимать хочется? Как эту документацию оформить надо? И вот молчат. Полгода молчат.

На подсушенном болезнью лице Жигулина заметно порозовели скулы. В его синих ребячьих глазах копился и копился какой-то льдистый холод. Мне показалось, что встанет сейчас этот недюжинного роста шахтер и тяжелым костистым кулаком трахнет по столу, так трахнет, что охнет испуганно и развалится полированная столешница. Но Жигулин не встал, не тряхнул. Напротив, подавил волнение и продолжал с горечью, но явно успокоившись:

— Убей, не понимаю я такой работы. Если моя машина нужна, представляет какую-то ценность, то давайте двигать ее в производство. Зачем из меня дурака делать, заставлять десять раз переписывать пустые и никому не нужные бумаги? Если я велосипед изобретаю, то скажите и об этом, скажите прямо и убедительно. Не

нужны бюрократические выкрутасы вокруг нашего брата. Не нужны. Все, кажется, яснее ясного. Но попробуй внести эту ясность в этот Комитет. Нашими индивидуальными пукалками не прошибешь стену равнодушия. Тут осадная артиллерия нужна. И солидного, примерно, обкомовского калибра.

Жигулин не жаловался, не искал сочувствия. Он искренне не понимал такой работы, за благопристойным ликом которой ровным счетом не было ничего. Человек дела, он оценивал поступки людей с позиции целесообразности этих поступков. И с этой позиции сложившаяся ситуация казалась ему предельно нелепой, разрешимой просто и легко.

— Будешь в Москве, загляни в этот Комитет. Не одному мне польза будет. Большая польза.

Я обещал заглянуть. Мне эта ситуация казалась нелепой и легко разрешимой. Стоило только внимательно глянуть в лицо тому чиновнику, который пишет такие письма, как все уладится. Я внимательно перечитал стереотипно вежливые, никого и ни к чему не обязывающие ответы. В чертежах посмотрел новую машину. И право еще раз подивился выдержке Жигулина. Я уже видел в газете свою статью в защиту рабочего-изобретателя: злую, хорошо аргументированную и потому доказательную. Но тут-то Жигулин и сказал те слова, которые заставили на всю проблему посмотреть другими глазами:

— Замыслил я добычной комбайн. Уже есть довольно интересные конструкторские решения. Жалко, если впустую пропадут. У меня какая просьба. Может быть, есть у тебя на примете толковый инженер. Еще лучше, если два. Чтобы вместе нам. Одному не осилить. Один-то стоишь, вроде как гриб в лесу. Хорошо, коли увидят да рядом с другими в кузовок положат. А могут и стоптать походя.

От знакомого человека не ждешь неожиданных поступков. То, что на прощание сказал мне Жигулин, никак не вписывалось в привычную схему наших с ним давно определившихся отношений.

Во всем этом надо было разобраться, без спешки, основательно. Разобраться вот в чем. Десять лет отдал человек тому, чтобы сделать машину для проходки вертикальных выработок. Сделал. А она никому не нужна. И все десять лет впустую, все псу под хвост. Его личное дело? Не скажете. Машину он делал для всех нас. Десять лет ему помогали в этом сотни людей. Все мы затратили какие-то деньги, материалы,

производственные мощности. Ради этой машины отказали себе в чем-нибудь другом, в том, что нам тогда показалось хоть и нужным, но менее важным. Кто же за все это в ответе?

Теперь Жигулин новый комбайн замышляет. А где гарантия, что эта нескладная история не повторится в худшем варианте?

Не просто дать ответ? Но это не причина, чтобы не попытаться ответить. Есть смысл поискать ответ.

НА БАЗЕ подводных лодок нас, первокурсников Высшего военно-морского училища, такелажному делу обучал и тогда уже старый боцман с запоминающейся фамилией Жеребцов. Под его бдительным надзором учились мы сращивать неподатливые манильские тросы, плели маты и кранцы, вязали топовые, свайные и прочие узлы. Наука несложная, требующая не ума, а наблюдательности, скорой и цепкой памяти. Но бывало так, что из обрывка шлюпочного шкертника сплетал боцман «для глаза» такое, к чему мы не знали, с какой стороны приладиться. Сидели гурьбой и одними глазами, пока без рук, пытались в многослойном лабиринте прядок найти все соединившую основу. Ошибиться было нельзя. Свои мудреные узлы боцман вязал «с потаем». Потянешь не за ту прядку, захлестнешь узел намертво и тогда к нему лишь с ножом подступишься.

Много лет прошло. Начисто, за ненадобностью, забылась боцманская вязь хитроумных узлов. А школа осталась. У тех узлов, которые на память жизнь завязывает, тоже надо уметь найти нужную прядку, ту единственную, за которую потянуть полагается. Ошибешься, захлестнешь узел намертво, и придется рубить по живому, по человеку.

Повел меня Жигулин на этой встрече к перекрестку. А куда сворачивать?

Я ПРИСУТСТВОВАЛ на первых испытаниях комбайна. Запомнил их почему-то до мельчайших подробностей.

Жигулин ревниво следил за спуском машины в шахту, оберегая ее от ударов и перекосов. Он накричал на такелажника, который слишком приналег на ломик, когда машину заклинило в штреке. Такелажник огрызнулся сердито:

— Крутишься ты вокруг этой бандуры, как около подоспевшей девки. Да эту штуку хоть с самолета кидай, ничего не сломается. Болванка, а не машина.

Но вопреки мрачным предположениям такелажника, комбайн сначала пошел по пласту довольно ходко. Однако вскоре пришлось сделать первую непредусмотренную

остановку, потом вторую. Чем дальше, тем время работы машины становилось меньше, а остановки длинней и тревожней. Мне сказали, что греется редуктор, что это опасно.

Председатель комиссии предложил прекратить испытания. Его дружно упросили попробовать машину при усиленной подаче масла, чтобы основательней присмотреться к ней, выявить другие дефекты, убедиться в ее достоинствах.

...Снова Жигулин нажимает на кнопку пускателя. Но из темной ниши углеспускной печи доносится не рокот мотора, а какой-то поросячий визг, который на самой высокой ноте обрывается глухим металлическим ударом.

Главный механик шахты кладет руку на плечо Жигулина. Рука тяжелая, твердая. Я вижу, как под ее тяжестью прогибается плечо Жигулина. И слова у главного механика тяжелые:

— Гаси, приятель, свою керосинку, не то мы всю шахту на воздух поднимем. Она у нас, матушка, сверхкатегорийная по газу и пыли.

Потом, уже на поверхности, председатель комиссии разъяснил мне, что «расчет передачи усилия от редуктора к рабочему органу» сделан неправильно, что «машина неработоспособна, нуждается в коренной реконструкции ее кинематики».

— Чтобы эффективно рассчитать сложные конструктивы сложной машины, семи классов мало. К сожалению, способности изобретателя не могут заменить знаний. Конструктору современной горной техники надо быть на «ты» с высшей математикой. Знать назубок сопромат. А это уже физика в объеме политехнического института. Одним словом, не дано фельдшеру стать доктором.

Председатель комиссии говорил откровенно. Но что-то мне не понравилось в его слишком трезвых и объективных выводах. Может быть, именно эта трезвость и объективность. Мы оценивали труд простого шахтного электрослесаря, и это требовало, на мой взгляд, других, более добрых и участливых слов, более сдержанных, не категоричных, а обнадеживающих выводов. Я сказал председателю комиссии:

— Судя по всему, у вас с высшей математикой и сопроматом отношения вполне приятельские. Почему бы вам не помочь рабочему своими знаниями?

Он недоуменно пожал плечами, спросил:

— Вы это серьезно?

— Вполне.

— Но, уважаемый сердитый журналист,

вы напрасно представляете конструирование машин как увеселительное хобби скупающих от безделья инженеров. Это — труд, труд очень специфичный, нелегкий, требующий не только желания помочь и времени, но и такого пустяка, как вдохновение. Не всем сие дано. Я не вижу, чем могу быть полезен. На мое непросвещенное мнение, время кустарей-одиночек прошло. Они не могут и не должны конкурировать с институтами, призванными конструировать новую технику.

Теперь-то я понимаю, что была в этих словах горькая правда. Но не могла она тогда дойти до моего сознания. Не воспринималась такая правда потому, что сам я верно исповедовал совсем иную веру, сражался под другим флагом. На моем фронте союзниками были те, кто дерзал, изобретал. Противниками же считались люди, которые, не пошевелив пальцем, примазывались к чужой славе, присваивали чужой труд и деньги. Сражение велось бескомпромиссное, хотя и не всегда со знанием дела. Как-то не замечалось, что организация изобретательства была далека от совершенства, что не было в ней планового начала, что люди действовали на свой страх и риск. На каждой шахте изобретали свою машину по очистке путей, свою машину для побелки выработок. Огромные денежные средства, материальные ресурсы использовались при этом впустую, экономический расчет стыдливо пасовал под напором волевых решений и общественного мнения. А это с неизбежностью порождало ошибки, приводило к издержкам, порой непоправимым.

Не много ума надо, чтобы взять на себя обязанность распутать самый сложный узел. Нужно умение, чтобы потянуть за ту прядку. В серьезных, требующих специальных знаний делах общественное мнение не обязательно бывает точным измерителем.

Никто из нас не возьмется вносить поправки в правила техники безопасности вкатегорийной шахты. У нас хватает выдержки смотреть на высокое искусство работающего сталевара и не давать ему указывающих советов. Но как часто изменяет нам чувство меры, когда мы касаемся сферы человеческих взаимоотношений, тоже сложной, тоже сугубо специальной. Каждый мнит себя знатоком. Не потому ли, что за свои советы мы при этом не несем никакой ответственности?

Жигулин довольно смутно представлял, под какую непомерной тяжести ношу представлял он свое плечо, задумав в одиночку сконструировать горный комбайн. Те, кто помогал ему поднять эту ношу и положить

поудобнее, знали еще меньше. И все-таки стали во главе каравана, пощли, взяв за ориентир мираж.

Научно-исследовательский институт — это хорошо, это правильно. Но были свои преимущества и у Жигулина. Ему проходческий комбайн не во сне пригрезился, не с картинки журнала нарисовался. Свой комбайн Жигулин в углеспускной печи начал конструировать.

Мы часто восхищаемся работой мон-тажников-верхолазов, их дорогой русскому сердцу удаляю. Глянешь, скажем, на самую маковку строящейся домны, и хотя сам стоишь на твердой земле, голова вдруг вкругали пойдет. Высоко! А верхолаз, вроде бы зеленый еще парнишка, сидит себе на самом краешке стальной балки и долбит ее, как лесной трудяга-дятел.

Проходчики углеспускных печей на крутопадающих пластах — это верхолазы шахт. Тут тебе нужны ребята надежные, с крепкой нервной системой. Опасная у них профессия. Большого мужества, мгновенной реакции и выдержки требует она от человека. И чтобы силенкой был не обижен. На стометровую высоту даже подняться по висячему трапу — совсем не просто. А если тащить с собой целый ворох шахтерской амуниции? Да не раз, а дважды и трижды за смену.

Лезешь в печь, а комочки угля по каске тук да тук. К этому привыкает далеко не каждый. А ну как вывалится кусок побольше? Вниз лететь не близко. Заберешься на самую верхотуру, осмотришь забой и вспомнишь, с какой ноги сегодня с кровати встал. Вон он висит, твой кусок, поблескивает неровными гранями. Чуть задел рукой, и пошел кусок по печи. Аж воздух загудит.

Жигулин не очень хорошо знал, как делается проходческий комбайн. Зато он лучше всякого именитого конструктора понимал, кому и для какой надобности такая машина нужна.

Председатель комиссии, утверждая приоритет знания, не был оригиналом. Но знания — дело наживное, был бы талант. Разве мало знаем мы примеров, когда изобретатели-самоучки, безграмотные крепостные мужики, создавали машины, изумившие мир?

РАЗНЫЕ ЛЮДИ по-разному восприняли неудачу Жигулина.

Начальник участка Островский не считал нужным скрывать свою радость. Участок отставал с подготовкой нового выемочного поля. Не хватало забойщиков мелкой нарезки. А Жигулину, как считал

Островский, после всех этих передышек был прямой резон возвращаться в родной коллектив и пробовать пещки.

Настырно атаковал Жигулина его лучший друг Геннадий Матюшин. Матюшин как мог помогал Жигулину делать машину, участвовал в испытаниях, но быстро примирился с тем, что ничего из этого не получилось. Матюшин неколлективно верил в один талант Жигулина, талант проходчика.

— Ходишь на манер помешанного, — выговаривал Матюшин Жигулину. — Подвело, как волка в марте. А чего ради? На какой ляд эта загробная музыка? Пойдем в расечку в ночную смену. Пока инспектора по безопасности зоревые сны досматривают, рванем на всю катушку. По три же нормы брали!

В Кузнецком научно-исследовательском институте встретили без всякого энтузиазма. Группа конструкторов института заканчивала разработку механизированного проходчика восстающих выработок. В свое детище она, разумеется, верила беспредельно, предрекала ему большое будущее и поэтому комбайн Жигулина считала совершенно ненужным дублированием. К тому же Жигулин сразу проявил свой строптивый характер и решительно отказался от соавторов. Быть же безвестным консультантом никому не хотелось.

Поддержали Жигулина в тресте и комбинате. Горячее участие в его замыслах приняли работники горкома партии. Жигулину предоставили годичный творческий отпуск с сохранением заработной платы. Нашли источники для финансирования всего цикла работ по конструированию нового варианта машины. Изыскали необходимые материалы, договорились с заводом, который взялся сделать машину в металле. Единодушно благословили Жигулина в нелегкий творческий путь журналиста.

Но и тогда главное Жигулин должен был решить сам. Ошибся в расчетах? Это не страшно, со всяким бывает. Или ошибся в себе? По душе выбрал в лесу дерево, а по силе ли?

Жигулин решил, что ошибся в расчетах...

Есть люди удачливые. Таких и зимой скупое сибирское солнце вроде бы с двух сторон греет. Жигулину ничего в жизни не давалось легко, хотя он и не считал себя неудачником. Наделенный какой-то повышенной мобильностью, твердым и цельным характером, он упрямо шел к намеченной цели. Работе отдавался полностью, пока видел в этой работе свой, другим не понятный смысл. Из комбайновой лавы вдрут

уходил в тот самый момент, когда все устраивалось наилучшим образом и можно было рассчитывать на солидный заработок. «Чего мечешься?» — спрашивали его. А он сам не знал. Сколько переменял тех шахтерских профессий — упомянуть трудно.

Его охотно принимали в любую бригаду. И потому, что просился он в бригаду в нелегкую для нее пору, и потому, что было в этом синеглазом, просторном в плечах парне что-то располагающее к доверию. Рядом, в рабочем поселке вырос, отсюда ушел служить в армию, сюда и вернулся. Не залетная синичка, своя шахтерская косточка.

Заинтересованность шахтеров в машине Жигулина носила не отвлеченный, а вполне конкретный, деловой характер. В Прокопьевске, Киселевске, частично в Новокузнецке крутопадающие пласты обрабатывались секционными щитами. При этом достигались сравнительно высокие технико-экономические показатели: два забойщика добывали за смену до 250—300 тонн угля. По тем временам это было неплохо.

Однако было свое уязвимое место и у щитовой системы выемки. Подготовка пласта, так называемая мелкая нарезка, была трудоемкой и дорогостоящей. Довольно часто на выемку целика требовалось времени меньше, чем на его подготовку.

Комбайн Жигулина, в случае успеха, позволял механизировать проходку вертикальных выработок. Машина привлекала высокой маневренностью. Для ее обслуживания было достаточно двух человек. Печи, пройденные комбайном, не нуждались в креплении. А это применительно даже только к тресту обещало десятки тысяч кубометров сэкономленного леса. Целый сосновый бор! Уголь, который вырубает проходчик, относится к классу «орешек». Бери и грузи хоть на экспорт. Управление машиной дистанционное, то есть в духе времени.

Неудивительно, что заявки на комбайн, который еще не сбросил с себя первородные одежды рабочих чертежей, посыпались со всех шахт.

...Только у человека, который сам не знает, куда идет, не бывает попутчиков. Жигулин хорошо знал, куда ему шагать. И попутчики у него скоро нашлись.

Комбайном Жигулина увлекся конструктор Прокопьевского механического завода Хельман. Он заочно закончил горный институт. Машинная проходка выработок была темой его дипломного проекта. Естественно, что новая машина для него была просто находкой.

Хельман отчетливо видел, что первый вариант машины можно было принять за удачный черновой набросок. Идея рабочего органа скалывающего типа сама по себе была прогрессивной. При скалывании требуется меньшее усилие, чем при резании. Значит, в принципе было возможно уменьшить вес машины. Но это предстояло еще сделать. Примитивным было решение и использование передачи усилия на рабочий орган: обычная червячная пара. Такой редуктор должен был не просто греться. По всем законам механики он обязан был развалиться на куски при первом же соприкосновении с породным прослойком.

По совету Хельмана, Жигулин поставил на комбайн планерный редуктор, несколько изменив его конструкцию.

Понадобилась для машины коническая передача. Ее Жигулину подарил главный инженер ремонтно-механической станции, сказав при этом:

— Брату бы родному отказал. Я эти шестерни у себя в сейфе вместе с печатью держу. Дефицит! Но тебе дам. Потому, однако, дам, что сам этой заразой болею и знаю, почем фунт изобретательского лиха. Но уходи скорее с глаз, пока не передумал. И чтобы трактористы мои тебя не видели.

Целый комплект новеньких зубков для режущих дисков Жигулин случайно нашел в горном техникуме. Здесь они хранились в качестве наглядного пособия. Разбитной лаборант, с которым разговаривал Жигулин, рассудил, что десяток зубков, в общем-то, тоже наглядно. Тогда зачем ему сто?

Сам Жигулин работал, забыв об усталости. Все узлы машины надо было перевести на язык чертежей. Это сотни листов. Собственную квартиру переделал в чертежную мастерскую. Много пришлось перечитать технической литературы. Пытался штурмом овладеть сопрогатом. Не получилось. Поступил в горный техникум на заочный факультет. Отнимали драгоценное время всякие организационные дела. Доставать материалы, вести переговоры с прижизненными бухгалтерами, учить будущих комбайнеров тоже приходилось самому.

ВЕСНА пришла тихая, неприметная. Перед спуском в шахту Жигулин, Матюшин и Поротников удобно расположились у шурфа на пригетом солнцем бугорке, закурили по последней. И тут Жигулин увидел цветы. Коренной сибиряк, он горячо любил яркую, по весне какую-то особенно веселую красоту родной природы. Бывало, в поисках первых подснежников поселко-

вые мальчишки обшаривали все окрестные боры, уходили далеко за Тыгранские горы, к Чумышу. А тут эти самые подснежники, чистенькие и мохноногие, росли рядом с шурфом небольшой, но дружной компанией.

— Генка, цветы!

— Тю, чумовой. На дворе май давно.

Год промелькнул как день. Какой год! Жигулин лежал на ласковой теплой земле и смотрел на друзей-приятелей добрыми, полными невысказанной признательности глазами. Такие же, как он, ребята. С ними бы рекорды ставить. А он втянул их в самое что ни на есть канительное дело, которое им никак не с руки. В расчетах разных они оба ему не помощники. Жизнь у обоих сложилась так, что рано пришлось надеть шахтерскую спецовку. Потом семья, дети, и стало не до учебы. А все-таки без них, без смешливой и суматошной злости Матюшина, без уравновешенной рассудительности Поротникова было бы ему совсем невтерпеж. Сколько мелких, но хлопотливых забот о нем, о его семье, безропотно взяли они на свои плечи, ничего не потребовав взамен! Терпели его раздражительность, грубость, незаметно и чутко оберегали от насмешек неумных людей. А как оба вскинулись, взяли его за ворот, когда он, вконец измученный работой и бессонницей, неумело и горько запил. Они не считали за тяжкий труд пробежаться после смены на завод пять километров в один конец, чтобы вместе со слесарями-сборщиками часок-другой «покопаться» в машине. Они же стали первыми машинистами нового комбайна, самыми страстными защитниками машинной проходки.

Быстро промелькнул год. А след оставил, заметный след. Основательно потряхнули комбайн на заводе. Жигулин уложился в отведенный ему срок. Участок для испытаний ему отвели незавидный. Зато у самого шурфа. Ни газа, ни пыли — экспериментировать, на сколько терпенья хватит. Только и на терпенье весь лимит, который природой был отпущен Жигулину, он исчерпал полностью. Сегодня снимут пробу, и тогда любая комиссия — добро пожаловать. Теперь редуктор не нагреется: хватит, научены. Все сделано с солидным запасом прочности.

На параллельном штреке, куда такелажники вчера доставили комбайн, Жигулина встретил горный мастер Серебряков. Подозревая, Серебряков как-то виновато засуетился, зачастил скороговоркой:

— Давно мы эту треклятую печурку всяко долбим. Туго подается. Так вы уж по-

старайтесь, ребятки. Хотя машиной, хоть по старинке — на отпалку. Тут метров сорок осталось. Втроем вы ее быстренько проткнете. Взрывчатку, сверло я мигом подкину.

Матюшин ответил строго:

— Иди, мастер, не мешай занятым людям. Здесь начинается дело большой страсти. Всему Кузбассу на пользу. А ты со своей паршивой пещуркой. Проткнем — и оглянуться не успеешь.

Втроем сноровисто раскрепили лебедку. Комбайн установили точно по скважине. Каждый узел опробовали на холостом ходу.

— Можно начинать, — сказал наконец Поротников.

Комбайн пошел вниз, легко перемалывая неподатливую толщу угольного пласта. Два метра... Пять... Десять...

— Глянем! — крикнул нетерпеливый Матюшин.

Жигулин выключил мотор, и все трое, один за другим, спустились в нишу, придерживаясь за канат.

Жигулин сразу заметил, что хвост комбайна неестественно задрался к висячему борту пласта. Машина потеряла направление и все больше зарывалась в породу.

— Чего она? Уголь же мягче. Зачем в породу залезла? — недоуменно спросил Поротников.

Жигулин выругался.

— Это в чей адрес? — тут же осведомился обстоятельный Поротников.

— В свой, Саша, в свой. Присоветовал один умник укоротить направляющую лыжу. А я обрадовался. Две сотни килограммов весу долой. Чем думал? Проваливается комбайн на короткой лыже. Сам его покалечил, без ног оставил.

Откуда-то вынырнул дожидавшийся своего часа Серебряков, сочувственно пощипав зубом и зачастил скороговоркой:

— Как насчет взрывчатки, ребята? Чтоб не зря, значит, в шахту лазили. У меня есть запасец неподалеку.

— Давай. Отведем душу, — за всех согласился Матюшин.

...Утром, едва успев помыться, Жигулин зашел к начальнику шахты, попросил выдать комбайн на-гора.

— За печь спасибо. Нужная для нас печь, — сказал начальник шахты. — И комбайн на поверхность велю вытащить. Но второй раз спускать ты его будешь в другом месте. У меня такелажникам работы хватает.

— Вроде мне одному все это надо, — устало возразил Жигулин.

— Но и не мне, — сказал начальник

шахты. — Я буду тут с твоей машиной всякие муки принимать, а потом сосед ее готовенькую раньше меня по общей разрядке с завода получит. Нет, пусть внедрением сосед занимается, а я гляну на нее готовенькую. В порядке обмена передовым опытом. Уловил?

Лыжу на заводе переделали. По настоянию горкома партии на той же шахте провели повторные испытания. Полученные результаты удивили и обрадовали. За семь рабочих смен комбайн Жигулина прошел в общей сложности 505 метров, прошел по тому пласту, на котором с опаской работали даже со взрывчаткой.

Это было очевидный успех. Жигулин получил авторское свидетельство как изобретатель комбайна. Теперь его без всякой опаски пригласили с комбайном то на одну шахту, то на другую. Это было полезно в том смысле, что новая машина проходила обкатку в самых различных геологических условиях.

И все-таки поздравить Жигулина с победой явно тогда поспешили. Первая ласточка еще не делает весны. Не всякий опытный образец обязательно приобретает права гражданства. К серийной машине предъявляются более высокие требования. На машиностроительных заводах разные сборные конструкции не копируются. Героические биографии изобретателей тоже не принимаются в расчет. У технического прогресса есть свои законы. И нам не дано ни отменить, ни исправить на свой лад. Эти законы надлежит знать и ими руководствоваться в работе.

ОБЫЧНЫМИ человеческими мерками просто трудно измерить огромный объем работы, работы разноплановой, требующей самой высокой квалификации, которую проделал Жигулин за десять лет. Он преодолел все препятствия, но к финишу пришел с опозданием, тогда, когда его здесь не ждали. Перестали ждать. Верхние горизонты, на которых широко применялись секционныя щиты, в Прокопьевско-Киселевском районе были в основном отработаны, и машина для проходки восстающих выработок больше не требовалась. Авторитетная комиссия Министерства угольной промышленности признала «нецелесообразным проведение дальнейших работ по машине И. Ф. Жигулина». Один из заместителей министра, извещая об этом руководителя комбината «Кузбассуголь», в своем письме предложил им «за проявленную инициативу и многолетнюю работу по испытанию и доводке машины выплатить ее автору 150—200 рублей из средств по фонду рационали-

зации, согласовав это с областным советом ВОИР».

Это за десять лет? Не мало ли? Наверное, мало. А сколько бы как раз? Дело ведь не в сумме, а в принципе.

В комбинате «Кузбассуголь» мне рассказывали:

— Механизированные проходчики класса Жигулина для нас — вчерашний день. Можно спорить о частных достоинствах и недостатках отдельных машин. Но бесспорно то, что сегодня нам нужна другая техника. Поэтому на создание комбайнов, обеспечивающих комплексную механизацию трудоемких процессов добычи угля, направляются и ресурсы, и деньги, здесь концентрируются усилия изобретателей.

Что можно возразить на это? Конечно, бессмысленно запускать в серийное производство машину, устаревшую на столе изобретателя. По чьей вине устаревшую? Это уже другой вопрос.

На Кузнецком металлургическом комбинате применили тонкостенную самофутеровку доменной печи. В результате этого значительно увеличился выход готового металла, ровнее и надежнее стал рабочий режим, намного отодвинулись сроки планово-капитальных ремонтов. Короче говоря, эксперимент оказался чрезвычайно удачным.

Кто автор изобретения? На то, что в местах соединения клепаных листов кожуха печи образуется устойчивый гарниссаж из полурасплавленных шихтовых материалов, первым обратил внимание инженер Грошин. Он же сделал из этого далеко идущий вывод: гарниссаж может стать надежной защитой кожуха от истирания и прогара. Грошин предложил и ребристые холодильники, обеспечивающие нормальный ход процесса самофутеровки. Но во время разработки этой новой в доменном производстве идеи у Грошина появилось одиннадцать (!) соавторов. В их числе работники Министерства черной металлургии, руководители комбината, сотрудники научно-исследовательских и учебных институтов, механики, рабочие.

— Как же так? — спросил я Грошина.

Он спокойно ответил:

— Все правильно. Мог ли я один сделать все расчеты и приспособления? Наверное, мог. Обычная инженерная работа с творческим уклоном. Само собой, что были бы решены хозяйственные вопросы, оформление документации. Получил бы я разрешение на испытания. Но для этого мне потребовалось бы восемь лет. Восемь лет! А вы уверены, что через восемь лет человечество не придумает более оригинальных

способов извлечения из руды нужных ему металлов?

Железная логика. Производство предъявляет спрос на новую технику. Рано или поздно находятся люди, которые обязательно как-то удовлетворяют этот спрос. Лучше, когда находятся рано. И это понимает Грошин. Его мало волнует длина авторского списка. Ему важно, чтобы те, кто занесен в этот список, действительно работали, двигали изобретение в производство.

Можно бесконечно удивляться огромным запасам жизненных сил Жигулина, его воле, настойчивости, его самобытному таланту. Но при всем этом нельзя не признать, что сила эта вместе с самобытным талантом с общественной точки зрения десять лет растрачивалась, если не впустую, то с недопустимо низким коэффициентом полезного действия. В проигрыше оказался Жигулин. Но в проигрыше оказалось и государство. Те десять лет, в течение которых Жигулин доводил свою машину до серийных кондиций, верхние горизонты еще действовали, и печи на них проходили вручную.

Мы живем в век космических скоростей и быстротечных ядерных реакций. Время торопит всех. Крепостной крестьянин мог мудрить над своей изумившей мир машиной сколь угодно долго. Наш современник лишен этого преимущества. Лишен не приказом, не злой волей начальства, а реально сложившейся обстановкой. То, что прогрессивно и нужно сегодня, завтра оказывается тем велосипедом, который не надо изобретать. Одаренность любой степени не освобождает человека от необходимости знать уже принятую на вооружение технику, на много лет вперед предвидеть тенденции развития целой отрасли промышленности, чтобы работать не наугад, полагаясь на счастливое совпадение, а целенаправленно, с расчетом. Это естественное требование.

Человечество давно оценило эффективность разделения общественного труда. Если бы наши ведущие конструкторы сами корпели над каждым чертежом, мы, безусловно, до сих пор не имели бы первоклассных воздушных лайнеров. Изобретатели-одиночки закономерно уступают место творческим коллективам. Это соответствует природе социализма, это дает возможность выиграть темп, ускорить поступь технического прогресса.

Были ли возможности поторопиться с комбайном Жигулина? Надо думать, что были. Неиспользованные возможности есть в любом деле, даже в том, которое, к всеобщему удовольствию, закончилось успеш-

но. Но это ничего не меняет. У кого поднимется рука обвинить в промедлении и неоперативности директора завода, принявшего внеплановый заказ на изготовление комбайна, сумевшего из своих скудных запасов выкроить металл, взявшего на убытки предприятия все расходы? Какому конструктору рискнете вы сделать упрек в том, что, рассчитывая параметры чужой для себя машины, он в свободное от работы время проявил мало усидчивости и творческого горения? В творчестве приказ не самый действенный способ повышения активности. Нужны иные стимулы. Да и зачем нам ставить изобретателя-производственника в зависимость от всяких случайных обстоятельств? Экономическая реформа, материальная заинтересованность людей в результатах труда открывают новые перспективы в организации изобретательства. Надо смелее брать в руки экономические рычаги.

...На стадии строительства и в процессе эксплуатации угольных карьеров приходится выполнять огромный объем земляных работ, причем зимой, когда земля промерзает на полтора-два метра. Строители обратились за помощью в трест Оргтехстрой. Дальше события развивались так: группа специалистов треста изучила проблему в целом, провела необходимые исследования, установила связь с учеными, взяла консультацию. Нашлось время и желание заглянуть в справочники, в лаборатории, в экспериментальные цехи. Выяснилось, что в одном из столичных научно-исследовательских институтов, пока еще в чертежах, есть перспективный рыхлитель мерзлого грунта. Трест заключил с институтом договор на испытание рыхлителя, нашел завод, который принял этот механизм в план изготовления новой техники, проследил за выполнением заказа. В конечном счете строители получили то, что им требовалось, очень скоро и в хорошем исполнении.

Все это не потому, что во главе треста Оргтехстрой стоит управляющий, как-то по особенному настроенный помогать изобретателям. Оргтехстрой — это фирма, взявшая на себя функции посредника между изобретателем и производством. Делает

она свое дело вовсе не бескорыстно. На ее лицевой счет поступает определенный процент от той прибыли, которую предприятие получает от внедрения данного новшества. Никакой филантропии, вполне реальная заинтересованность.

Но, может быть, все это слишком накладно? Да, для организации треста потребовались люди, материальные ресурсы, деньги. Разумеется, не весь вопрос в том, как их нашли. Строители взяли и все творческие силы, которые были распылены по управлениям, собрали под одну крышу. Дело поставили на научную основу. Централизация позволила улучшить снабжение материалами, создать техническую базу для изготовления опытных образцов машин. А деньги? По существующим положениям, полпроцента от сметной стоимости строительно-монтажных работ должно отчисляться на развитие науки и техники. В Главкузбасстрое таких отчислений набралось около двух миллионов рублей в год. Хватило для начала. Затем трест перешел на полный хозрасчет. На каждый полученный от главка рубль трест дал полтора рубля чистой прибыли.

Так реформа нашла для изобретателя посредника, который взял на себя, пожалуй, главную заботу: внедрение изобретения в производство. Что ж, все правильно. Возрастают требования, увеличиваются и возможности. Такова жизнь.

Я выполнил просьбу Жигулина и в Москве зашел в тот Комитет. Встретился и разговаривал с работником, который подписал оба ответа. Он обещал мне еще раз посмотреть заявку на комбайн. А потом вдруг рассказал о сложностях своей работы. Адрес Комитета ни от кого не засекречен. Пишет всяк, кто хочет, и пишет все, что хочет, часто благоглупости, что читать — время терять. Естественно, что здесь предпочитают иметь дело с институтами и крупными творческими коллективами: меньше вероятность ошибки.

Можно понять этого работника. Это в басне петух, разрывая навозную кучу, нашел жемчужное зерно. У людей есть более надежные способы добычи жемчуга.

КОНЕЦ БАНДЫ ОЛИФЕРОВА

Колчаковщина была разгромлена. Трудовой люд Кузбасса приступил к мирной жизни. Организованно подготовились крестьяне к первой советской весне, хорошо провели сев. Летом 1920 года был неплохой урожай. Крестьянам помогали Советы и комитеты бедноты. Но в целом молодая Советская республика испытывала большое затруднение с хлебом. Его не хватало. В очень тяжелых условиях оказалось население промышленных центров.

Крестьяне Кузбасса (Маринский, Кузнецкий и Щегловский уезды Томской губернии) показывали пример высокой сознательности и патриотизма. Они делились своим хлебом с рабочим классом и интеллигенцией. К концу августа 1920 года крестьяне Щегловского уезда, например, (ныне Кемеровский, Крапивинский, Промышленновский и Топкинский районы), выполнили продразверстку, сдав государству свыше 600 000 пудов хлеба. Состоявшийся 25 октября 1920 года Томский губернский съезд Советов особо отметил, что «Щегловский уезд дважды доказал, как должна сибирская деревня отзываться на призывы Советской власти. Когда Западный фронт потребовал от страны новых пополнений и добровольцев, то на первом месте в Томской губернии по количеству красных бойцов был Щегловский уезд. Красная Армия и голодный центр России потребовали от Сибири хлеба, и потянулись немедленно возы с хлебом и фуражом из деревень Щегловского уезда... Щегловцы — отныне пример для всех уездов Томской губернии, как и для всех крестьян Сибири».

Стали налаживаться дела шахтеров и железнодорожников Кузбасса. Они тоже достигли первых трудовых успехов. Под руководством инженера М. К. Курако и Г. Е. Казарновского реконструировали Гурьевский металлургический завод, носящий ныне имя Курако.

Но мирной жизни советских людей мешали орудовавшие в первые годы новой власти вооруженные банды. Наиболее крупной и опасной была банда, сколоченная из

остатков разбитых белогвардейских войск во главе с бывшим колчаковским полковником Олиферовым. О ее появлении у границ губернии Томский губчека первые сведения получил 20 ноября 1920 года. Чтобы преградить путь банде, разведать ее состав и силы, навстречу ей был послан отряд чекистов и регулярные войска под командованием комроты Муржина.

Этот отряд прибыл в большое нарымское село Максимоярское (на реке Кети, в 230 км от Томска). Разведка установила, что банда состоит из 800 человек, сформированных в две пехотные роты и два кавалерийских эскадрона, вооружена винтовками, гранатами, саблями. Во главе рот и эскадронов стоят бывшие офицеры-колчаковцы. Банда имеет знамя с надписью «С нами бог и Михаил», здесь соблюдается строгое чинопочитание. На шапках бандитов бело-черные и сине-бело-красные ленточки, они в погонах.

Банда вышла из села Маковского, что в 35 верстах юго-западнее Енисейска, и движется в сторону Томска, вдоль Обь-Енисейского канала, действовавшего в 1893 году.

По рассказам местных жителей, банда якобы появилась из Монголии, куда бандиты попали после разгрома колчаковских войск. По пути к ней присоединились богатые местные колчаковцы и кулаки. Банда прошла всю Енисейскую губернию, решила перезимовать, дожидаться весны, захватить пароходы и поднять бунт против Советской власти.

Первые же стычки с отрядом чекистов нарушили планы бандитов. Они вынуждены были откатиться назад и, отобрав у населения до 300 оленей, вновь направиться в сторону Енисейска. Однако и со стороны Красноярска бандиты встретили достойный отпор, что заставило их повернуть на запад и в начале января 1921 года двинуться по реке Чулыму в сторону Маринска.

Выполняя указание Томского губкома партии — задержать и уничтожить банду Олиферова, — коммунисты и комсомольцы,

организованные в отряды ЧОН (части особого назначения), взялись за оружие.

Первыми на территории Кузбасса столкнулись с бандитами чоновцы коммуны села Колеул Мариинского уезда. Силы оказались неравными. Коммунары были разбиты и почти все порублены. В Колеуле погибли председатель коммуны Овсиевич, учительница Владимировна и другие. За несколько дней до прихода бандитов в Колеул по комсомольским делам прибыл инструктор Мариинского уездного комитета комсомола 20-летний Иннокентий Чердынцев. Вместе с местными чоновцами он вступил в сражение с бандитами, был ранен, а затем зарублен саблями. В память об отважном юноше, любимце молодежи Иннокентии Чердынцеве, названа его именем одна из улиц Мариинска.

34 чоновца polegли в схватке с олиферовцами в Мало-Песчанке. В ожесточенных боях погибло много коммунистов и комсомольцев Тисуля и приисков Мариинской тайги.

В фонде Мариинского укома РКСМ, что хранится в партийном архиве Кемеровского обкома КПСС, имеется список погибших в боях с олиферовцами. Наряду с коммунистами здесь именованы: «Соболев — 22 года, Козлова — 20 лет, Вендерова — 17 лет, Потапов — 17 лет, Мазуркина Александра — 20 лет, Морозов Александр — 25 лет и т. д.». Мариинский уездный врач, осматривавший трупы убитых перед захоронением их в братскую могилу в городе Мариинске, отмечает, что, кроме пулевых ран, на трупах имеются следы сабельных ударов. Это значит, раненых чоновцев белогвардейцы добивали саблями и штыками.

18 января 1921 года бандиты заняли село Усманское, где расстреляли четверых продработников. На другой день они ворвались в село Тундинское, и здесь — кровавая расправа с коммунистами, комсомольцами, советскими активистами.

Преследуемая отрядами ЧОН, банда петляла из стороны в сторону. Ее силы постепенно таяли. Когда она достигла деревни Змеинки Щегловского уезда, от банды осталась только половина прежнего состава. В этой деревне от руки олиферовцев мужественно погиб коммунист учитель Василий Венедиктович Ушаков.

...Встревоженные известием о приближении банды, коммунисты Змеинки и соседней деревни Ивановки снарядили разведку. Разузнать о движении олиферовцев были посланы Василий Ушаков и бывший партизан Алексей Винокулов. Около поселка Баклановского разведчики неожиданно наткнулись на бандитов. В этом бою Василий был ранен в ногу. Разведчики вернулись в Змеинку.

Когда банда ворвалась в деревню, кулаки выдали Ушакова. Они ненавидели красного учителя за его честность, за то, что он «учит детей против бога». Не могли они простить ему и того, что вместе с отцом и братьями он помогал партизанам в 1919 году. Бандиты начали избивать раненого. Но ни слова не промолвил Василий. Измученного, его вывели к реке и тут еще продолжали истязать. Лежащего проткнули штыком, рубили саблями. После всего поставили к стенке. Собрав последние силы, гордо подняв голову, девятнадцатилетний большевик закричал «Интернационал». Выстрел из винтовки заставил его замолчать навсегда...

Банда Олиферова доживала последние дни. Она оказалась окруженной со всех сторон. С востока банду громили красноярские чоновцы, со стороны Кузбасса — отряды чоновцев под общим командованием бывшего партизанского вожака коммуниста Василия Павловича Шевелева-Лубкова.

После Змеинки бандиты, разбившись на несколько небольших отрядов, пытались выйти из глухой тайги. За собой они баррикадировали путь лесом. Однако скрыться им не удалось. 3 февраля 1921 года банда была нанесена решающий удар. Часть бандитов на лыжах сумела вырваться с Татянинского рудника в сторону Ачинской тайги. Но и они вскоре были выловлены и обезврежены. Поймали и главаря банды Олиферова. Он получил заслуженное наказание.

В результате умелых и отважных действий чекистов и чоновцев, которых поддерживало население, затея белогвардейцев была сорвана. Последняя попытка свергнуть власть Советов в Сибири не удалась.

А. МАЗЮКОВ

ПОЭЗИИ РОДНИК ЖИВОЙ

Проза Виктора Баянова звучит, как стихи. Вчитайтесь: «Покровский березняк издавна грибами белянками славится. Начнут покрывать землю первые осенние туманы, и попрут грибы из земли, поднимая веселыми вогнутыми шляпками жухлую листву да травяную прель. Стоит найти один гриб, а там уж смотри в оба: рядом где-то должен быть целый выводок. Белянки либо тесным семейным кружком сидят, либо цепочкой рассыпаются, как детишки по лавкам. Вырви невзначай один гриб из этой цепочки, и все другие зачехнут на корню. Если же их ножом срезать, — а режутся они легко, с прихрустом, — то можно приходиться на это место снова через два-три дня. Столько же новых грибов нарежешь. Забыв обо всем на свете, не замечая, сам будешь кланяться поясню белым березам, отжившим полегшим травам, уже обессоченной, но все еще теплой и доброй земле...»

Это из повести «Не красным летом», опубликованной недавно в одноименном сборнике прозаических произведений Виктора Баянова, вышедшем в Кемеровском книжном издательстве. Возможно, кто-либо из читателей Кузбасса удивится: «Как же так, признанный, полюбившийся поэт перешел на прозу — не имеем ли мы тут дело со сменой жанра?» Нет, поэтический арсенал Баянова весь с ним. Не смена, а расширение жанра. Пусть в этой книжке нет рифм, в ней присутствует вся поэтическая гамма звука и цвета, образность, все горячее чувство, на которое способен человек такой широкой сибирской природы, как Виктор Баянов.

Проза Баянова емкая, красочная. В данном случае она доносит дыхание времен Великой Отечественной войны в глубоко-сибирском тылу, голоса поколения, которое готовилось принять на молодые плечи ношу огромной ответственности за судьбу

Родины. От дедов и отцов к внукам и сыновьям переходит все то, чем живут люди нашей страны. Эта главная мысль и проходит красной нитью по страницам баяновского произведения. Парнишки из вдовьей деревни Покровки Минька и Яшка унаследовали от своих отцов-фронтовиков все их лучшие черты и качества. Они готовы пойти еще дальше, свершить еще больше. Им по силам будет устранить те житейские омуты, которые еще остались от глухого дореволюционного безвременья.

Омут как раз и присутствует в повести. Это — «самое широкое и глубокое место на Крутой. Над водой поднимаются крутые желтоглинные яры, наполосванные дождевыми потоками. В худую погоду пугает омут темной своей, медленной и бесшумной гладью. Только иногда всколыхнется он от берега до берега, гулко проглатывая отвалившуюся от яра земляную глыбу. А когда вода от дождей прибывает и убывается, обтекая подводные сваи, омут глухо шумит, будто кто-то большой ворочается в глубине, всхлипывая и постанывая...»

Омут остался на месте распоруженной водяной мельницы, которая давным-давно принадлежала некоему Сысою Михайловичу, «странным непонятному человеку, который дружбы большой с покровскими мужиками не водил, кормился среди приезжан-помольцев, а улыбался только тогда, когда смотрел на шлепающие, скрипящие, колеса, шестерки и шкивы своей мельницы».

«Сысоев омут» — в этом названии есть некая символика. Сысой был представителем темного мира. Этот мир еще не весь канул в прошлое. Остались те, кто исповедует «волчий закон». Их не так и много, но они, как ядовитые грибы, несут в себе отраву для окружающих. И она страшна, особенно страшна «в худую погоду» — в годину войны, которую вместе со всей страной переживает вдовья деревня Покровка.

Баянов называет их поименно, создает их образы и характеры, показывает, что они еще представляют немалую опасность для людей новой формации. Это — лесной объездчик Ганька Карпухин, воруемый колхозное добро. Это и распутная Катька, и алчный дед Миньки.

В противовес им выведены положительные герои Минька и Яшка, Минькина мать — Наталья, дед Протас, пастух Костя-богатырь.

Повесть «малонаселенная», охватывает короткий отрезок времени — одно лето, но она очень емка, вобрала значительный сгусток деревенской жизни.

Основные коллизии повести по линии главного героя Миньки таковы. Мальчуган растет в противоречивом окружении, сам становится участником схваток с темным миром, вырабатывает в себе характер бойца. Отец Миньки на фронте, но паренек «примеряет» к нему то одного, то другого из оставшихся в деревне мужчин. Всех, кто попадает в его поле зрения. Отец был прям, честен, гостеприимен, стремился делать для людей только добро. А вот Карпухин, раскрывающийся для Миньки не сразу, обижает захожего старика, ворует колхозное сено, мед на пасеке, становится прямым виновником гибели Яшки. Он и пол перестилал в Минькином доме, имея некую тайную цель. Карпухин не Минькин прямой антипод — антипод его отца. Минька еще мал. Но в противостоянии между собой они — мальчишка и взрослый мужчина — выступают «на равных», потому что в Миньке продолжается его отец — настоящий советский человек. И Минька в повести сразу вырастает, становится ярким и колоритным.

Автор заставляет читателя смотреть на людей, вещи и явления глазами Миньки, через призму его непосредственности. А это влечет особые открытия, которые присущи только Миньке, что и обогащает еще более его образ. Вот эпизод возле стога, когда Минька явился невольным свидетелем того, как Карпухин пытался обидеть самого дорогого мальчугану человека — мать. А после этого Минька увидел кобца. И появилась ассоциация. Кобец «сложив крылья, камнем падал с большой высоты. Вот он на полном лету выкинул крылья, резко сбавил лет, плавно и полого прошестел над стогом к согре, сжимая в когтях маленький темный комочек. Пропал, будто его и не было. Только одно-единственное перышко неведомой птицы, попавшей в когти кобца, долго еще снижалось,

посверкивая на солнце и колеблясь, как сбитый с ветки осенний листок».

Всей палитрой своих словесных красок В. Баянов показывает, как мальчишки впитывают в себя поэзию природы, учатся гуманному отношению к ней. Миньке жаль подбитую стрелой галку, жаль корову Белянку, которую семье приходится заколоть, так как в зиму ее нечем кормить. Но уже в другом роде описана встреча с гадюкой — ядовитым существом. Эта встреча символична. Не все на свете доброе — как бы раскрывает она. Гадюка не тронула мальчонку, уползла в осоку, но она где-то рядом, и у Миньки такое ощущение, что она вот-вот выползет и укусит. И в жизни так. Карпухин тоже вьет вездь возле односельчан, тая змеинное нутро...

Поэтические описания окружающей природы «работают» в повести на ее героя, помогают лучше раскрыть его душевное состояние, его внутренний мир. Природа как бы составной частью входит в душу Миньки.

Шаг за шагом автор ведет Миньку к первым жизненным вершинам. Мальчуган учится разбираться в человеческих отношениях на примерах жизни близких и знакомых. Взять бабушку, которой нелегко живется с крутым алчным дедом. Их полное несходство автор обнажает всего лишь двумя фразами:

Бабушка:

— Уйду я от тебя, к Наташке пойду жить. Извергом ты стал, обличье человеческое совсем потерял. От людей стыдно. Погоди, уж сыны-то придут.

Дед:

— Счас, пришли, дождайся...

И тут же — реакция Миньки:

«Минька выскользнул в сени. Хотел уйти потихоньку, да вдруг, озлясь, так шарахнул дверь, что она снова открылась за ним». Не приемлет Минька скарденности деда, его алчности.

Ближе к кульминационному моменту — гибели Яшки — встречаем снова описание омота.

«Мягко поплескивает свинцовая вода, лениво полощет свесившуюся с берегоз, измочаленную осоку. Туман, стоявший с ночи над омутом, сплыл вверх по Крутой, против течения, в черемушную, богатую тенью и прохладой засеку...»

«Туман сплыл» — это тоже символично. Читатель ждет, что наконец-то омут проявит свою темную силу.

И он проявляет ее. Нет, вода, как субстанция, тут постольку-поскольку... Проявляет себя житейский омут, куда более

страшный. Карпухин, пойманный Яшкой с поличным, сбивает Яшку конем. Парнишка попадает под яр, тонет в омуте. Все это происходит на глазах Миньки, который не в силах помочь другу.

«Минька крепче оцепил ствол калины.

Яшка догнал Карпуху на высоком яру над омутом. Не сбавляя бега, обогнал его и, вцепившись обеими руками в поводья, остановил коня, что-то крича. Карпуха, свесившись с седла, тоже крикнул что-то и стал дергать поводья. Конь бешено закрутил оскаленной мордой, мотая худенького Яшку, как былинку. Яшка повод не отпустил. Тогда объездчик, привстав на стременах, вдруг резко поднял коня на дыбы. Яшка оторвался от узды и упал на тропу.

Минька вздрогнул. Еще миг, и конь опустит свои страшные кованые копыта на Яшкину голову. Сейчас... Но когда копыта уже почти коснулись Яшкиной головы, он выном выскользнул из-под них, отпрыгнул, да не рассчитал, видно, сгорая и, перевернувшись в воздухе, полетел в омут. Ганька ударил коня...».

Кульминация достигает своей наивысшей точки, когда Минька принимает реше-

ние рассказать о всем виденном следователю. Он мужает воочно. Теперь Минька всю жизнь будет ненавидеть Сысоев омут. Он всю жизнь будет стремиться только к светлому и чистому. Вот почему в финале читатель расстается с ним у родничка, который Минька освободил от перепрелой листвы да низинного мшаника, от которых вода сначала была ржавая и мутная.

«Родник весело, бугристо закипел. Минька сделал сток, и, стоя с дудкой в руках, наблюдал, как сносило через руслице травяной мусор и донную муть, как выбивалась на свет толчками и заполняла ямку чистая живая вода».

Следуя за мыслью автора и по ассоциации с ней, о повести «Не красным летом» — основном произведении в книге прозы Баянова — можно сказать словами заголовка данной рецензии — это поэзии родник живой. Такая же оценка будет справедливой и для рассказов Виктора Баянова «Август» и «Нежданный поворот», разбор которых требует отдельной статьи. Язык и стиль, образы, сюжетные линии их так же тонко отработаны автором.

В. Коньков

В ПОИСКАХ ПЕСНИ

Пожалуй, трудно было бы подобрать менее оригинальные, но, тем не менее, более точное название первому сборнику стихов, чем то, которое дал Валентин Махалов своей первой книжке «Сердце ищет песню».

Поиск — всегда одна из главных составляющих в совокупности творческих начал, может быть, даже изначальная точка отсчета. Поэтому, думается, в этом конкретном самоопределении мы вправе видеть ту сверхзадачу, которую рано или поздно необходимо ставит перед собой художник.

Смысл ее коротко можно свести к такому условию: моя песня должна быть *толь-*

ко моей и неповторимой, чтобы впоследствии стать песней читательских сердец.

На больших и малых перекрестках жизненных путей по чуть заметным блестящим крохам собирать поэту свою песню, искать ее:

А память об этом оставит немного
в короткой записи дневника:
строку тяжелую, как дорога,
дорогу трудную, как строка.

С тех пор, как Валентин Махалов вышел на эту «дорогу трудную», он обнаружил уже четыре сборника стихов, и последний из них, «Время первых дождей», от первого отделяет расстояние почти в де-

сать лет. И, наверное, многие стихи из первого сборника, чему свидетели мы, читатели, можно сдать поэту в авторский архив. Он перерос их мудростью лет и отточенностью поэтической образности строки. Однако главное, что привлекло читателей в первой книжке Махалова, — отзвуки тех песен, которые поэт искал и, находя, тут же делился ими щедро, порой, может быть, и торопливо, его пристальное внимание к жизни, постепенный отказ от философии надуманной, риторической в пользу глубокого философического взгляда на вещи — и заметное усиление этой тенденции от сборника к сборнику, дают основание предположить, что поэт верно определил направление своего поиска.

В сборнике «Ступени к солнцу» есть у Махалова стихотворение «Ровесникам», которое заканчивается такими строками:

Мы твердо ступаем
сейчас по земле —
нас верить
война научила
в тринадцать неполных
мальчишеских лет
в мужскую железную силу...

А вот строчки из «Баллады о безусом солдате», ею открывается раздел первой книжки, который называется «Мои ровесники»:

...В эту ночь его не стало.
Но, как торжество,
ожил он на пьедестале
сердца моего.
Мой товарищ,
мой ровесник!
В мирном свете дня
жизнь твоя звучать, как песня,
будет для меня.

Без особого труда можно заметить тематический параллелизм характеров в этих стихотворениях, и при этом их качественную разноречивость.

Если во втором примере (более раннем по времени написания) слышится явно литературная интонация, просвечивается откровенная книжность происхождения образа, то финал «Ровесникам» создан уже из другого материала. Здесь в основе лежат жизненные наблюдения поэта.

Однако упомянутую выше книжность, то есть своеобразное заимствование скорее у истории, чем у отдельных авторов, на наш взгляд, следует рассматривать как один из этапов на пути поэтического творчества.

Героическая романтика революционных лет, ее продолжение в делах последующих поколений — вот та тема, которая привлекает внимание поэта. Он еще абстрактно чувствует ее. Он еще только пробует свой голос, и оттого поет в хоре, не решаясь на сольную партию.

Отсюда и такие стихи:

Был через час пожар потушен,
и ветер дым угнал с полей.
А трактор стыл тяжелой тушей
на черной, выжженной земле.
Был серп луны предельно сточен,
морозных звезд блестела сыпь...
А завтра — ровно десять строчек
блеснут с газетной полосы
о том, что хлеб спасен, что люди...
Затем фамилий строгий ряд.
И первой в этом списке будет
стоять фамилия твоя...
Мой современник,
мой ровесник,
к твоим ногам кладу свой стих.
Я жизнь пройду
с мечтой о песне,
достойной подвигов твоих!

В этих строках еще достаточно риторички, и вместе с тем уже проявляются, обозначаются черты лирического героя поэтики Махалова.

Существует мнение о том, что лирические стихи — это прежде всего стихи о любви, интимные, а лирический герой это формальный выразитель чувств и переживаний автора. На наш взгляд, такое суждение неверно. Точнее сказать, оно не определяет всей сложности, широты, которые заключает в себе понятие лирического в поэзии. Коротко сказать — это выражение мыслей и чувств поэта, его субъективное отношение к явлениям действительности. А это, в свою очередь, немисливо без четко выраженных гражданских позиций.

Однако вернемся к предмету нашего разговора. Лирический герой, который все чаще и чаще стал заявлять о себе в стихах Махалова, сродни своему романтическому предшественнику. Он и сам зачастую романтик, мечтатель, только он соткан из реальных жизненных начал. Он — выразитель сегодняшнего дня, сегодняшнего настроения, сегодняшних моральных норм. И одним из главных его качеств являются бесконечная душевность, доброта:

Я сердцем и разумом верю,
что где-то, светла и чиста,
в чужие окошки и двери
стучится твоя доброта.

Так и называется один из разделов книжки «Время первых дождей»: «Мы ищем доброту».

Поиск этот сопряжен с поиском песни, а вкупе они дают возможность поэту в лучших своих стихах одаривать читателя задушевностью, помочь ему в чем-то разобратся, глубже взглянуть на окружающий его мир, который:

нам... в награду дан.

Нам все в нем дорого и свято,

и мы ему любовью платим

и чистым пламенем труда.

Есть только в правде совершенство,

а правда на земле одна.

Правда и доброта — не об этом ли пишут и толкуют многие поэты? Но Валентину Махалову удалось, кажется, нащупать свою негромкую, но определенно слышимую струну в поэтическом многоголосье.

Правда его героев — это правда тех, кто «славу мирной России» кует, для кого «будет долго нам цехом рабочим необжитая площадь земли», доброта его в том, чтобы вовремя крикнуть человеку что «где-то в этом мире странном ждет часа своего беда», чтобы принести своей любимой «сердца трепетную звезду».

В стихах В. Махалова все сильнее и строже звучит тема ответственности человека за все происходящее, раздумье, внимательное вглядыванье в каждую травинку, в каждое мгновение. И почти всегда такое поэтическое исследование приводит пусть к небольшому открытию чего-то нового в окружающем мире, в человеческих отношениях.

На какой-то микрон мы глубже проникаем «в суть вещей». Вот, например, полушутливое стихотворение «Открытие»:

Я был в тот вечер маленьким Колумбом.
В накале драматической игры
за столиками шахматного клуба
я истину внезапную открыл.
С противником в сражение безуспешном
мой фигуры храбро полегли.
И тут я понял: в битве гибнут пешки,
а в плен сдаются только короли.

Вообще лирический герой последних стихов поэта тяготеет к философскому восприятию жизни. Давно, между прочим, подмечено, что философская лирика — наиболее сложный инструмент в поэтическом оркестре. Здесь дирижера то и дело подстерегает опасность сыграть фальшивую ноту. Порой звучит она и на страницах

разбираемого нами сборника. Автор иногда с ложной многозначительностью произносит банальные истины.

Но в лучших своих стихах поэт говорит взволнованно и искренне.

Говоря о стихах В. Махалова, нельзя не сказать о том, как поэт разрабатывает самую вечную и самую молодую тему в искусстве — тему любви. Интересно видеть, как эта тема претерпевает изменения от книжки к книжке, и с каждым разом жизнь представляется нам все более сложной и противоречивой. То есть поэт все более приближается вместе со своим героем к реальному изображению чувств и взаимоотношений людей.

И если когда-то поэт мечтал «учиться любви», то в конце концов мы встречаемся с ним уже в ту пору, когда человек вдруг в отчаянии вскричит:

О горький опыт и усталость,

неодолимость рубежа!

Нас будет медленная старость

в надежной крепости держать!

Но герой В. Махалова не был бы его героем, если бы он вот так просто сник, склонился, сломался под ударами судьбы. Нет, он не такой. Он жизнелюб. Как бы ни ранили его душу жизненные неурядицы, временные неудачи, он всегда живет, прямо, смело глядя любым испытаниям в глаза:

Натянет до предела нервы

И все лишь только для того,

чтоб тот, кто выстоит, поверил

в бессмертье сердца своего.

И опять, видно, придется говорить о доброте, свойственной махаловскому герою, а точнее, о его душевной щедрости. Вспомним стихотворение «Разное бабы бают». Напряженное, суровое и по духу, и по форме повествование о жестокостях судьбы бабьей, может быть, о несправедливых муках.

Но прочтите еще раз эти строки, и вы увидите, как взволнован поэт мученической долей, принятой женщиной во имя любви, и вместе с ним вы возгоритесь чувством уважения к ней, пережившей позор и разочарования, нашедшей в себе силы и поднявшейся в конце концов. своей любовью над судом несправедливым.

Любовь и доброта вечны и непобедимы, и задушевность строгих строк поэта убеждает нас в этом еще раз.

Вообще в большинстве своем стихи Махалова о любви проникнуты каким-то тре-

вожным чувством, и вместе с тем, читая их, постоянно испытываешь такое состояние, будто то, о чем пишет автор, происходило и с тобой, словно он сумел подглядеть в твоей душе нечто скрытое от посторонних глаз, и вот теперь доверительно, только тебе одному, говорит:

И мне тебя не вылечить ничем,
тем более, что я неважный лекарь.
Нельзя спасти от боли человека...

Что ж, действительно, в чувствах приказать нельзя, поэтому здесь и звучит некоторая грусть. Однако поэт уверен и убеждает нас в том, что человек всегда может найти в себе силы победить это горе, найти свое счастье: «Будут ливни и грозы июля, будет ветра и солнца игра. Мы еще поживем, повоюем».

Мы попытались рассмотреть путь, пройденный поэтом от первой книжки, в чем-то ученической, ; чем-то подражательной, до книжки стихов, в которой уже вполне определенно вырисовывается художнический портрет поэта. Уже можно определить в какой-то степени поэтическую тональность его голоса.

В одном из стихотворений В. Махалов говорит:

И буду долго-долго слушать
в настороженной тишине
свою ребяческую душу,
еще звенящую во мне.

Пожалуй, эта непреходящая молодость в совокунности с глубиной взгляда на жизнь — одна из самых характерных черт сегодняшней поэзии Валентина Махалова.

ЛЮДИ ПЕРВОЙ ТРОПЫ

Антонин Богачук. У истоков родника. Очерки. Кемерово, 1971.

Книгу очерков открываешь с особым интересом, тем более тогда, когда она рассказывает не только о твоих современниках (и сверстниках), но о твоих земляках, людях, прославивших твой родной край. Хотя, может быть, ты и незнаком с этими людьми, видел их только на газетных

страницах, слышал о них лишь по радио, но их славы дела заставляют тебя испытывать гордость за человека, гордость за край, в котором живешь, чувствуешь какую-то сопричастность к их делам.

С таким чувством берешь в руки книгу очерков журналиста-газетчика Анто-

нина Богачука «У истоков родника». Возможно, традиционное название книги несколько неудачно именно своей традиционностью, но содержание этой небольшой книжки заставляет быстро забыть об этом. Героев этой книги несколько: прославленный проходчик прокопьевской шахты 3-3-бис

Николай Георгиевич Кочетков, прошедший путь от рядового подземного рабочего до высококвалифицированного и высокообразованного организатора большого коллектива — начальника шахты «Манеиха»; Иван Яковлевич Бених, строитель из Новокузнецка, народный контролер на строительстве Запсиба; металлург Анатолий Николаевич Садовиков, секретарь партийного комитета Кузнецкого металлургического комбината; заслуженный работник торговли директор Кемеровского универсама Василий Дмитриевич Кудреватых; горный инженер прокопьевской шахты 3-3-бис, новатор, изобретатель импульсного щита Леонид Степанович Сенько; Матвей Иванович и Александр Матвеевич Корчемные, отец и сын, инженеры-изобретатели, металлурги, прокатчики Кузнецкого металлургического; шофер Кемеровской автоколонны 1237 Анатолий Константинович Лугинин; горноспасатель 15-го горноспасательного отряда Тимофей Петрович Некрасов из Прокопьевска; бригадир комсомольско-молодежной бригады строителей треста Кузнецкметаллургстрой Николай Волков; талантливый рабочий сталевар электроплавильного цеха

КМК Анатолий Жолбин; сварщика-верхолаз Марина Ивановна Жук с Запсиба, Герой Социалистического Труда шахтерский бригадир Николай Максимович Пугра с «Чертинской-1»; новокузнецкий хирург Валентин Петрович Селиванов; учитель литературы и подвижник музыки из Мундыбаша заслуженный деятель искусств Николай Алексеевич Капишников; крепильщик с шахты им. Орджоникидзе, общественный рабкор Алексей Мягков.

Эта книжка о тех, среди которых мы живем, и, начав читать ее, трудно оторваться — так просто, интересно и эмоционально рассказал автор о своих героях. Очерки небольшие по объему, но со страниц каждого во весь рост встает Человек Труда.

Герои книжки Богачука — новаторы, работники, ломающие устоявшиеся представления о канонах своей профессии, ищущие неизведанные и поэтому полные опасные пути решения производственных проблем. Недаром в предисловии к своей книге автор называет их «людьми первой тропы».

Человек в труде, отношение к труду — тема очерков, а писать о людях различных сложных профессий — сталевара, врача,

сварщика, горноспасателя не просто. А Богачук квалифицированно рассказывает о трудностях и проблемах профессий. Он как очеркист обязан знать все: и как образуются взрывоопасные смеси в шахтных забоях, и какова технология продувки электросталеплавильных печей, и в чем трудности и особенности сварки бронзового кожуха домен, и каковы отдаленные последствия неправильной диагностики и лечения травм. И он знает все это и обо всем рассказывает просто, кратко, причем технология любой профессии нигде не заслоняет у него самого человека, героя очерка.

И форма подачи материала проста и привлекательна: это или рассказ о герое и событии от третьего лица, или публицистическое обращение к предполагаемому оппоненту или самому герою, или дружеская беседа.

В каждом слове автора очеркиста не только деловитость, но и глубокое уважение к тому человеку, о котором он рассказывает. Хорошую книжку о современнике получил читатель, особенно молодой.

Л. ГЛЕБОВА

НОВАЯ КНИГА В. ЧУГУНОВА

В. Чугунов. Иван и Мария. Рассказы. Кемерово, 1971.

Почти четыре года отделяет выход в свет этой книги от первого сборника рассказов В. Чугунова «Полметра до катастрофы», рукопись которого, еще не

ставшая книжкой, так хорошо была встречена на совещании молодых писателей Урала и Западной Сибири в 1966 году. Руководитель семинара, в котором

обсуждались рассказы Чугунова, известный писатель Сергей Антонов, очень тепло и проникновенно говорил о молодом прозаике, умеющем найти в жизни харак-

теры яркие, цельные, сильные. Он напутствовал В. Чугунова идти своим путем, как бы труден он ни был.

Что произошло в жизни молодого литератора за эти четыре года? Были и огорчения, и радости. В прошлом году закончил литинститут им. Горького, в 1969 году стал членом Союза писателей СССР. Много работал. Ответственна и трудна работа в шахте, где трудится инженер В. А. Чугунов, не менее трудна и во много раз ответственной работа писателя В. Чугунова. За эти годы он опубликовал повесть и несколько рассказов в периодической печати, подготовил к изданию сборник новых рассказов «Иван и Мария». Взявший в руки этот сборник скажет, что молодой писатель не разочаровал в надеждах, остался верен себе, по-прежнему строг и требователен к своему творчеству. Герои всех десяти рассказов сборника — личности очень определенные, крупные, обрисованы точно, без всякой расплывчатости. Характеры ясные, цельные, жизни, как правило, значительные, не зря прожитые. И в лепке таких характеров В. Чугунов всегда тенденциозен: он всегда за общественное, значимое, против всего мелкого, нечестного или пошлого. Его герои, прежде всего, — любящие и умеющие работать люди, которым до всего есть дело, подчас странные и даже неудобные с обывательской точки зрения. Таковы шах-

тер Галактион («Красный Галактион»), Минька Родонов («Минька Родонов, сторонник Маркса»), Миша Закрепов («Калистратово бучило»), Василий Егоров («Мужчина»), Емельянов («Темный бор, тайга густая»), Лопатин («Синий ветер Алатау»), Иван («Иван и Мария»).

Это люди дела, спокойные и уверенные в себе; ощущение своей значимости дает им эту уверенность. Мелкие побуждения и пошлые мысли как-то чужды им органически, и поэтому так естественна, проста и возвышенна их любовь. Она подается автором как одна из светлых сторон личности героя. Любовь в рассказах Виктора Чугунова — всегда огромная созидаящая сила, способная противостоять любым жизненным невгодам. Такова любовь Ивана и Марии из заглавного рассказа, Виктора и Аги (из рассказа «Таежина»), Василия Егорова и Валентины Ивановны (из рассказа «Мужчина»). Это не значит, что любовь этих людей не имеет трудных времен, но трудности эти, если можно так сказать, внешние: между мужчиной и женщиной здесь подлинное уважение и высокая любовь. Но вот это высокое чувство любящего направлено на человека неустойчивого, трусливого, половинчатого: Емельянов встречается в поезде журналистку Нину Васильевну («Темный бор, тайга густая»). И здесь для честного, прямого, не признающего компромиссов Емелья-

нова начинается трагедия. Это не трагедия неразделенной любви, это хуже — *трагедия любви, оскверненной* душевной низостью и предательством. Очень точно и четко, очень лаконично и правдиво рисует писатель эту трагедию. Читатель презирает Нину Васильевну, мелкую, недостойную такого большого чувства. И в рассказе о любви писатель остается остро тенденциозным.

При всей любви В. Чугунова к явно георическому, яркому, светлому ему отлично удаются и другие, противоположные характеристики: Перевалова («Таежина»), Геннадий Дорофеев («Синий ветер Алатау»), Ермолаев («Иван и Мария»), которые он лепит без нажима и так же точно и скупое, не навязывая авторской характеристики.

Чугунов сохранил страсти к напряженным и драматическим сюжетам. В его рассказах все время что-то происходит, судьбы героев делают подчас неожиданные и крутые повороты, характеры выявляются в борении и борьбе. Поэтому рассказы читаются с неослабным вниманием, поэтому так мало места отдает автор описаниям и так много — диалогам.

Закрывая книжку на последней странице, еще раз думаешь: «Новая книга Чугунова — явный шаг вперед в творчестве прозаика».

Л. МЕЛЕШКОВА

РАССКАЗЫ О МИЛИЦИОНЕРЕ СТЕПАНЕ КОВАЛЕВЕ

Петр Ворошилов. Герцог подает в отставку. Рассказы. Кемеровское книжное издательство, 1971.

В последние годы появилось много книг о советской милиции. Среди них — и толстые романы, и очерки, и рассказы. Одни более, другие менее удачны. Многие авторы таких книжек увлекались разработкой острых сюжетных ходов, приписывая сотрудникам милиции чрезвычайные качества сверхудачных и всевидящих детективов — недаром же в народе сложено много анекдотичных историй о способностях некоего майора Пронина.

Но анекдот анекдотом, а немалый список хороших книг о советской милиции пополнился еще одной — книгой Петра Ворошилова «Герцог подает в отставку». Пять рассказов, составивших эту книжку, имеют одного общего героя — сотрудника милиции Степана Ковалева. Мы знакомимся с его первыми шагами в работе, когда он, только что закончивший милицмейскую школу, по-юношески угловатый, стеснительный и самолюбивый, охваченный стремлением самому поймать бандита, начинает работать в поселке, состоящем из выселенных кулацких семей. Не все его первые шаги были правильными, но одно твердо помнил Степан Ковалев: что он — представитель Советской власти, власти народной и справедливой, что по его работе будут судить все люди о Советской власти, что

ошибок ему никто не простит, — он просто не имеет права на ошибку. В его руках — судьбы людей, и люди должны признать авторитет его, Ковалева, как авторитет народной власти.

В самых неожиданных и трудных ситуациях показывает П. Ворошилов своего героя. Подчас как будто даже и безвыходные это были положения, противостоятеленные: пришлось, например, несколько недель лежать тяжелораненому участковому Степану Ковалеву в охотничьей таежной избушке, которая стала убежищем троих бежавших из мест заключения преступников. Ковалев здесь прошел самую серьезную проверку на выдержку, мужество, зрелость характера. Раздавленный болезнью, беспомощный милиционер Ковалев остался и в такой сложной ситуации настоящим человеком и представителем народной справедливой власти. Вглядываясь в его голубые глаза, которые заволакивала дымка мучительной боли, бандиты Свояк и Герцог чувствовали железную волю и силу в этом беспомощном человеке. И боялись его, даже раздавленного болезнью.

От рассказа к рассказу мы все ближе и короче узнаем Степана Ковалева. Человек долга, он никогда не гоился за карьерой. Высшей наградой для него была всегда его чистая со-

весть, сознание справедливости, творимой им. Автор противопоставляет метод работы в угрозыске Степана Ковалева методу Слепня, из любых положений находящего выход при помощи так называемого «*верхнего чутья*». Этому интуитивному методу Степан Ковалев справедливо противопоставлял свой, который можно было бы с полным основанием назвать *научным* методом.

Сотрудник милиции должен не полагаться на чутье, не руководствоваться предвзятыми мнениями, а все версии тщательно отрабатывать и проверять, много знать и, прежде всего, выполнять... служебные инструкции. Да, да именно служебные инструкции. И это банальное, на первый взгляд, утверждение в устах Степана Ковалева звучит очень убедительно и крепко помогает в практическом деле.

«Милиционер часто обязан мгновенно принять правильное безошибочное решение: на исправление ошибки времени у него может не остаться. А это не всякому дается от природы, чаще достигается тренировкой, знанием каких-то основных принципов, то есть тех самых инструкций. Милиционер стоит на страже закона, и уже поэтому само во всех случаях руководствуется не отвлеченным понятием здравого смысла, а

вполне конкретным законом. Там, где кончается закон, начинаются беззаконие и произвол... Было и прошло время, когда престиж милиции проверялся и поддерживался в схватке с бандитами. Изменилась сама жизнь. И милиция теперь, как никогда, должна быть гуманной, интеллигентной, справедливой, но вместе с тем, разумеется, строгой, способной умело защищать

интересы государства и граждан».

Именно таким рисует своего Ковалева П. Ворошилов. Но что значит «защищать интересы граждан»? Это не только забота о том, чтобы преступники не угрожали жизни и имуществу честных людей. Это забота о том, чтобы не становился преступником беспризорный мальчишка, чтобы обманутая любимым молодая женщина поверила в добро и в

людей, это, чтобы все люди были добрыми и бдительными одновременно. Таковы заботы советской милиции, таковы заботы милиционера Степана Ковалева. Не пугало для людей, а друг и помощник в горе — вот что такое советский милиционер, в представлении Степана Ковалева, и на самом деле он такой. Этот человек стоит на переднем крае доброты.

ВСЕГДА В СТРОЮ

Владимир Мамаев. Тишина. Кемеровское книжное издательство, 1971.

Имя Владимира Мамаева известно немногим: стихи его публиковались в «Кузбассе», «Комсомолье Кузбасса», «Заре». Пишет он мало, неторопливо, вынашивает каждое стихотворение, потом отделяет его. В сорок лет первый сборник стихов. Поздно начал, скажут многие, трудно овладеть мастерством, трудно успеть сделать многое.

Возможно, эти люди будут правы, но от начала биографии, сознательной биографии и до первого сборника стихов — жизнь полная, интересная, трудная и подчас драматичная.

Драматичная биография началась рано: в 12 лет мальчик-полусирота оказался на линии фронта и случайно попал в действующую армию, с частями которой прошел до Кёнигсберга. Три фронтowych года в окопах не прошли бесследно для здоровья. Пережил он и горечь потерь и огромную радость нашей победы над фашизмом.

В пятнадцать лет он снял солдатскую гимнастерку и сменил ее на рабочий комбинезон. Кончилась военная биография и началась трудовая: работа, учеба. Сейчас он машинист турбин на Новокемеровской ТЭЦ.

Но война не ушла из сознания, и Мамаев-рабочий, Мамаев-солдат становится поэтом-солдатом.

Время отдалило военные годы, но не погасило памяти о них. Недаром известный советский писатель Юрий Яковлев говорит: «Есть события, которые время делает более значительными и зримыми, поворачивает новыми, неожиданными гранями. Такова война для тех, кто пережил ее. Может быть, поэтому о войне и я начал писать через много лет после того дня, когда отгремел салют Победы».

То же произошло и с Владимиром Мамаевым.

Перед читателем пройдут как бы страницы дневника солдата Великой Отечественной войны. В дневнике

ведь всегда самое сокровенное, поэтому автор не боится сказать, что он, солдат «...еще не верит, что все прошло, что нет войны, Что он живой, что он вернется. От непривычной тишины Он тихо плачет и смеется».

Острым внимательным взглядом всматривается в сегодняшний день вчерашний солдат войны Владимир Мамаев. Ему есть дело до всего, что происходит в мире, — он завоевал это право всей жизнью, — он чувствует боль и ответственность за все деяния людей на земле.

Высокое самосознание советского человека, гуманизм, чувство справедливости руководят поэтом-солдатом. И сейчас он чувствует себя в строю, вместе со своим народом-творцом. «Пусть жизнь вокруг меня клокочет. Не оттого ли мне светло, Что я в руках своих рабочих Несу ей силу и тепло!».

Ф. АНТИПИНА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Владимир Матвеев

Просветленное обалдение

Опять метель закуролесила,
Рой белых мух земле дая.
В такую ночь до жути весело
Столбом стоять у фонаря.
Фонарь-то, впрочем, мне до лампочки,
Нет до него серьезных дел.
Свели с ума снежинки-бабочки,
Я просветленно обалдел.
Туманит очи даль безбрежная,
Снег норовит за воротник,

Снежинки, как ночные бабочки
Клубятся возле фонарей.
И просветленно улыбаешься
Им, как последний дуралей
.. Где вы, дебри? Падают небо.
Небо падает на пеньки.

Валерий Зубарев

Слеза умильная и нежная
Готова брызнуть в этот миг
Не ночь — мечта, поэма, ария...
И вдруг, рассудку вопреки
Стряслась кошмарная авария —
Упало небо на пеньки.
Экспромтом стал слагать я строфы
Мол, не волнуйся, лирик, зря,
Тебе любые кагастрофы
До фонаря, до фонаря.

Старец Никола

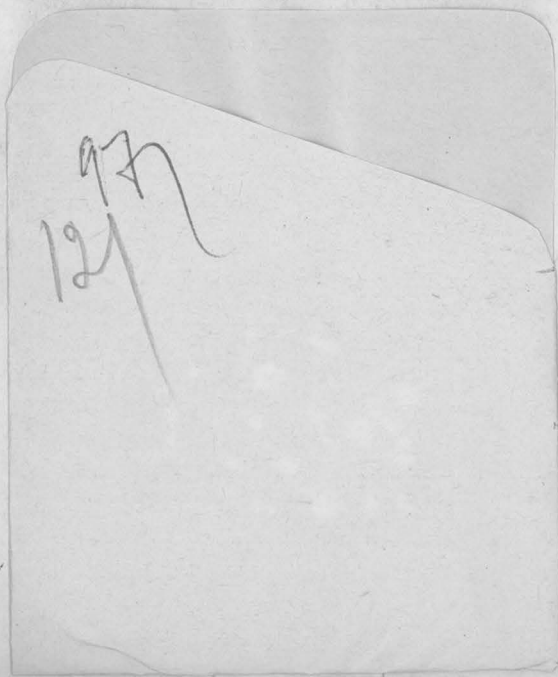
Стих шел по кругу.
Бабушка сначала,
Отроду не читавшая газет,
Мое творенье одолев,
Сказала:
— Такой же рассудительный,
Как дед...
...Умер дед.
Старуха вышла замуж.
...Повстречают люди старика
С именем, фамилией моею...

Николай Пискаев

И обличьем, и нутром —
Я в деда.
Комплименты
бабка сыплет мне:
«В старика удался,
непоседа,
И стишки
разумные вполне.
Башковитый ты, Николка, парень,
Складно баешь,
милый человек».

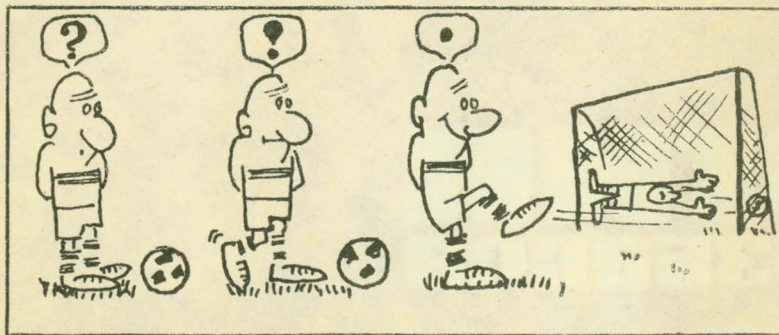
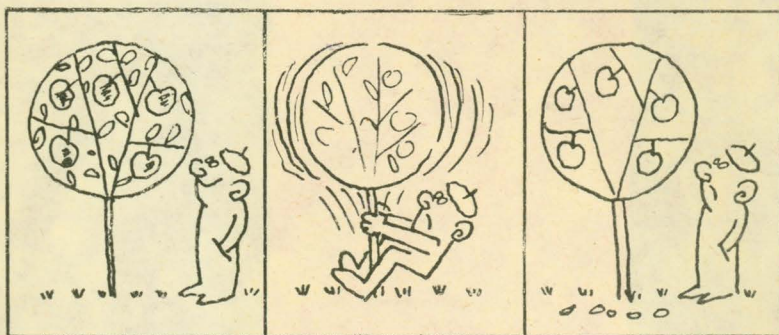
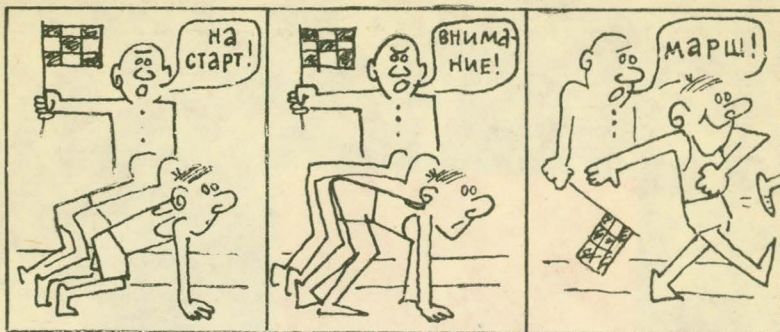
Я весьма старушке благодарен,
Но коварства
Не прошу вовек.
Не успел родной дедок
Скончаться,

Задала старуха стрекача:
С новым —
поспешила обвенчаться,
выскочила замуж за хрыча.
Этого карге я не забуду,
Душу на тройной замок запру,
Бабке я читать стихов не буду,
Тещу
в рецензенты изберу.
Всякое
со мною может стать,
Хватанул я лиха
через край...
С именем моим
встречали старца? —
Это я,
Пискаев Николай.

БЕЗ СЛОВ

Рис. Г. Горюмова

Цена 30 коп.

**ОГНИ
КУЗБАССА**